ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга известного историка А. В. Лаврентьева посвящена исследованию места сражения на Дону в контексте взаимоотношений великих княжеств Московского и Рязанского XIV – начале XVI вв., от княжения Ивана Калиты до вхождения Рязани в состав Великого княжества Московского в 1521 г.

Победа 8 сентября 1380 г. была одержана как будто при прямом противодействии Рязани общерусскому делу. Но место битвы – стратегическая территория на пограничье Руси и Степи – исторически принадлежало Рязани. «Мамаево побоище» стало переломным в истории обоих княжеств, «введя» регион в контекст общероссийской истории. После него к Москве перешло «место Тула» в междуречье Дона и Оки – узловой пункт в обороне границы.

Формирование на Верхнем Дону в конце XV в. сов местного рязанско московского рубежа обороны на р. Меча и строительство каменного «града на Туле» в 1 й четверти XVI в. защитили южные рубежи Руси.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Лаврентьев

ПОСЛЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Очерки истории Окско Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Лаврентьев

ПОСЛЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Книга известного историка А. В. Лаврентьева посвящена исследованию места сражения на Дону в контексте взаимоотношений великих княжеств Московского и Рязанского XIV – начале XVI вв., от княжения Ивана Калиты до вхождения Рязани в состав Великого княжества Московского в 1521 г.

Победа 8 сентября 1380 г. была одержана как будто при прямом противодействии Рязани общерусскому делу. Но место битвы – стратегическая территория на пограничье Руси и Степи – исторически принадлежало Рязани. «Мамаево побоище» стало переломным в истории обоих княжеств, «введя» регион в контекст общероссийской истории. После него к Москве перешло «место Тула» в междуречье Дона и Оки – узловой пункт в обороне границы.

Формирование на Верхнем Дону в конце XV в. совместного рязанско московского рубежа обороны на р. Меча и строительство каменного «града на Туле» в 1 й четверти XVI в. защитили южные рубежи Руси.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Азов, г. 87, 160
Алексин, г. 60, 189
Алексинский у. (алексинские места) 187, 189, 208
Ашево, погост 199
Бахчисарай, г. 45, 85, 86, 153
Безпута 208
Белев (Белевские места) 189, 197
Белозерское княжество 132
Берести (Берестей) 56, 186, 198, 205, 206, 211, 212
Бибирев 198, 199
Битюг, р. 157
Бовыкино 168
Большой кочур, р. 64, 172
Боровский у. 200
Боровско – серпуховское княжество 66
Братилов 167,168
Броднич 176
Брянское княжество 122, 124, 128
Быстрая Сосна, р. 158–161, 165, 173, 199, 202
Велиж 198, 199
Великие Луки (Великолуцкая земля) 198, 199, 200, 201, 202
Венев 22, 135, 139, 188, 189
Верда, р. 23
Византия 33, 78, 81, 92
Вильно, г. 121, 130, 145, 153, 179, 195
Витебск, г. 201
Владимир на Клязьме, г. 61, 104, 187
Вожа, р. 13–15, 27, 53, 73, 75
Волга, р. 49, 60, 64, 69, 179
Волкона (Волконский удел) 187, 189, 202, 208, 209
Волкона, р. 187
Волохово болото 203
Воронеж (Воронаж), р. 33, 117, 168–170, 172, 176, 199
Воронач, г. 198–200, 202
Ворскла, р. 120, 128
Вронаж (Воронеж?) – см. Воронач, г.
Выползов 21–24, 26, 31, 32, 33, 34, 36, 41
Выползова, р. 22
Вязьма, г. 193
Вятка 96
Гавриловское, с. 160
Галицкая волость (Голичичи) 198, 200, 201
Галицкий удел (Галицко-Дмитровское княжество) 132
Галич г. 44, 142, 150
Галичья гора 199, 200
Гелеч – см. Галицкая волость
Гоголь 120
Городок, г. 44
Гордеев 189, 209

Гремячка, р. 22, 23
Гусь, р. 20
Данков, Старый и Новый, г. 175, 176
Данковский у. 174
Дедославль, г. 202
«Дикое поле» – см. Поле
Днепр, р. 193
Дон, р. 5–7, 9, 10, 13, 16, 17, 28, 33, 34, 37, 41, 42, 49, 64, 72, 86, 87, 92, 94, 115, 116, 117, 131, 134, 135, 137, 156, 157, 158, 159, 160, 162–176, 178–183, 186, 199, 202, 221, 223, 224, 228
Донец, р. 169
Дорожен 186, 198,
Дубок, г. 176, 177
Елец (Елецкие места) – см. Елецкое княжество
Елец, г. 161
Елец, р. 160
Елецкое княжество 21, 136, 137, 139, 158, 159, 164–166, 167, 169–171, 173, 175–178, 180, 181
Епифанский у. 170, 171
Епифань, г. 7, 171
Жадене городище 176
Жадемль 176
Жиздра, р. 50
Заберега, волость 204
Заклинье 199
Заколотен Гордеевской 186, 187, 189, 198
Зарайск, г. 206
Заупский стан 189, 210
Звенигород, 142
Золотая Орда 11, 16–19, 26, 28–32, 37, 48, 50, 53, 69, 72, 90, 101, 102, 111–113, 115, 121, 123, 124, 126, 128–130, 134, 137, 157, 158, 163, 176, 178, 181, 197, 215–217, 223, 226, 227
Золотуха (Скверна), р. 174, 175
Зукопа 198
Зуша, р. 161
Испашь – см. Спаши
Калуга, г. 49
Касимов – см. Касимовское ханство
Касимовское ханство 154
Кафа, г. 87
Кашира, г. 188
Каширский у. 22
Киев, г. 83, 84, 118, 193, 200, 226
Ковно 192, 193
Козельск, г. 120, 183
Козельское княжество 176, 177, 178
Колоденский стан 189
Колодна, р. 189, 209
Коломенский у., волости 20, 54, 57, 65, 70
Коломна, г. 16, 17, 19, 20, 21, 51, 54–57, 59–65, 67–71, 76, 81, 86, 87, 94, 98, 100, 120, 148, 158, 189, 192, 206, 207
Колтеск, г. 188
Конин 189
Константинополь – см. Царьград
Кострома, г. 51
Красивая Меча, р. 21, 135–137, 157, 159–173, 178–182, 207
Кромы, г. 49

Крым – см. Крымское ханство
Крымское ханство 23, 85, 87, 153, 154, 158–160, 176, 183, 209
Кудосна (Кудесна), р. 135, 139
Куликово поле 5, 6, 7, 10, 11, 12, 41, 42, 43, 73, 78, 86–88, 92, 134, 161, 162, 215, 221–224
Лебедянский у. 170, 174
Лебедянь, г. 169, 172, 174
Ливны, г. 161
Ливны, Полевая и Лесная, рр. 160
Лисин 120
Литва, Литовская земля – см. Литовское великое княжество
Литовское великое княжество 5, 10, 11, 18, 19, 38–41, 44, 102, 112, 114, 115, 118–121, 128–131, 144, 145, 150, 153, 156, 157, 177–179, 181, 186, 187, 189, 190, 192–199, 201–203, 217
Лопасня (Лопасна), волость 16, 17, 20, 21, 57, 63, 122, 176, 204
Лопасня, р. 42
«Лопастенские места» – см. Лопасня
Любутск, г. 118, 119, 120, 123, 130, 192, 203
«Любуцкий рубеж» 203
Мальборк, г. 192
Марьинка, р. 22, 23
Мезецк, г. 201
Меча – см. Красивая Меча
Мещевск, г. 178
Мещера 21,137, 152
Минск, г. 193
Можайск, г. 44
Монастыри
– Высоцкий Серпуховской 76, 78
– Горицкий Переяславский 83
– Саввин-Сторожевский 62
– Симонов 83, 219, 220
– Солотчинский 125
– Спасо – Андроников 92, 216, 217
– Троицкий – Сергиев 46, 71–75, 79, 83, 90–94, 97, 102, 106–108, 213, 215, 219, 221–224, 226
– Троицкий Рязанский 99
Москва – см. Московское великое княжество
Москва, г. 7, 22, 33, 43, 47, 49, 51, 52, 58, 61, 64, 68, 81–87, 89–92, 96, 97, 102, 103, 106, 119, 124, 134, 140–143, 148–151, 153, 155, 158, 159, 192, 207, 209, 216, 221, 222, 223
– Архангельский собор 90
– Болвановка 151
– Кремль 58, 89
– Спасский монастырь 79, 82, 90
– Таганка 151
– Успенский собор 58, 149
– Чудов монастырь 90, 97, 152
Москва, р. 64, 117
Московское великое княжество 5, 6, 9–14, 16–20, 24–27, 31, 32, 34, 35, 39–50, 52–55, 57, 63, 64, 66, 67, 69–72, 74, 99, 100, 101, 109–115, 117, 119–121, 127–129, 131–133, 136–144, 146, 150, 152, 154–158, 160, 163–170, 173, 175–177, 179–181, 185, 192, 195–197, 199, 200, 202, 206–209, 211, 228

Мошка, р. 22, 23
Мстиславль, у. 176
Муравский шлях 161
Муром- см. Муромское княжество
Муромское княжество (Муромская земля) 28, 68, 155
Мценск, г. 192, 203
Нара, р. 200
Непрядва, р. 5, 6, 134, 136, 161, 162, 165
Нижегородское княжество 95
Нижний Новгород, г. 52, 66, 81, 96, 225
Новгород Великий 44, 52, 53, 58, 66, 68–70, 116, 119, 129, 185,
192, 199, 200, 202
Новосиль 197
Ногайская орда (Ногаи) 179, 180
Нюхова 189
Одоев, г. 183
Одоевский у. (Одоевские места) 189
Одоевское княжество 154, 185
Ока, р. 5, 6, 14–20, 23, 32, 33, 41, 42, 48, 50, 52, 57, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 68, 87, 116–118, 120, 121, 135, 136, 137, 139, 141, 157–161, 169, 176, 183, 187, 188, 192, 203, 204, 206, 207, 209
Олексин 120
Олексинские места – см. Алексинский у.
Орда – см. Золотая Орда
Орден 192, 201
Орел, г. 49
Осетр, р. 135, 139, 206
Остшева – см. Ашево
Ошевский стан 199
Павшино – см. Спаши
Паши – см. Спаши
Перевитск, г. 64, 67–70, 98, 116, 117
Перемышль, г. 14
Перехваль, р. 175, 182
Переяславль Залесский, г. 51, 106, 139
Переяславль Рязанский, г. 7, 14, 15, 51, 54, 55, 68, 99, 115–117, 119, 144, 148–150, 152, 154, 155, 157, 160, 168, 176, 187, 192, 194, 195, 224
Переяславский уезд – см. Переяславль Залесский
Песочна (Песоченка), р. 135
Плава, р. 161, 202, 203
Подолия 28
«Поле» 6, 23, 49, 50, 160, 161, 183, 206
Полоцк, г. 47, 201, 225, 226
Почка, р. 22
Пра, р. 20
Приный 184
Пронск – см. Пронское княжество (великое княжество)
Пронское княжество (великое княжество), г. 14, 145, 193, 194, 195, 196, 201
Проня, р. 23, 32, 33, 34, 64, 117, 139, 176, 201
Псков 119, 130, 185, 199, 200
Путивль, г. 201
Пьяна, р. 15, 53

Ранова, р. 23, 33, 64, 117, 176
Растовец 135, 139
Растовка, р. 139
Репец, р. 170
Ретань 186, 198
Ржева, г. 198, 199, 200, 201, 202
Ржева – см. Ржевская земля (Пусторжева)
Ржевская земля (Пусторжева) 198, 200, 201, 202
Ржова другая – см. Ржева, г.
Родос, о. 43
Романовская волость, Романово городище 169, 170
Романцево («Романцево с уездом») 135, 136, 162–175, 178, 181, 182,
Романцевский лес 174, 175
Романцево, д. 171
Ростов Великий, г. 51, 89, 95, 99
Ростовское княжество 95, 147
Русь (Русская земля, Россия, Российское государство, Северо-Восточная Русь) 5, 7, 9, 11, 14, 28, 30, 31, 33, 43, 50, 60, 61, 72, 82, 84–89, 94, 95, 99, 103, 106, 109, 117, 123, 127, 128, 141, 150, 158, 160, 162, 166, 178–180, 183, 184, 197, 199, 206, 212, 216, 221, 223–227
Рыбница, р. 159
Рыльск, г. 181
Рыхотка, р. 162
Рязанская губ. 174
Рязань, Рязанская земля – см. Рязанское великое княжество, Переяславль – Рязанский
Рязанское великое княжество 5–7, 9–20, 22–28, 31–39, 41–53, 55, 56, 58, 59, 63–71, 76, 87, 94, 95, 97–, 105, 109–121, 123–126, 128–134, 136–139, 141–157, 160, 162–172, 176–179, 182–186, 190–193, 195, 196, 201–203, 207, 209, 211, 215, 219–223, 227, 228
Сарай, г. 64
Северские земли 160
Сенькин перевоз (брод) 49, 50, 59
Сернава – см. Чернава
Серпейск, г. 178
Серпухов, г. 47, 49, 50, 51, 59, 200
Серпуховское и Боровское княжество 46
Сквирня (Скверна), р. 174
Скорнищево 12, 37, 57
Смедва, р. 135, 139
Смоленск – см. Смоленское великое княжество
Смоленск, г. 121, 122, 193, 201
Смоленское великое княжество 120, 122, 128, 143, 199, 200
Солова, р. 161, 186
Спаши (Спашский удел) 186, 187, 188, 198, 209
Средиземноморье 33
Старое городище в Туле 210, 211
Суздаль, г. 126, 225
Суздальская земля 28
Таболы (Табалы) Сухая и Мокрая, рр. 135, 137, 139, 164, 165, 210
Тамбовская губ. 170, 174
Талица 21, 23, 24, 26, 31, 32, 33, 34, 36, 41

Такасов 21, 23, 24, 26, 31, 32, 33, 34, 36, 41
Таруса – см. Тарусское княжество
Тарусское княжество 176, 177
Тверское великое княжество 12, 13, 52, 53, 54, 68, 119, 129, 130, 150, 185, 199
Тверь – см. Тверское великое княжество
Тверь, г. 12, 192
Тешев 168, 169, 170
Тешевский лес 169
Тешилов 135, 139, 169,
Тихая Сосна, р. 159, 160, 180, 181
Торжок, г. 63
Торхово, с., городище 209, 210, 211, 212
Троки (Тракай), г. 190
Труда, р. 158, 159
Тула («место Тула») 6, 7, 21, 24–28, 30–32, 36, 40, 41, 49, 50, 55, 56, 61, 71, 100, 161–163, 182–186, 190, 197, 198, 201–205, 209, 211
Тула, г. («град на Туле») 183, 205–210, 212
Тулицы, рр. 209, 210, 211
Тулцы – см. Тула
Тульская губ. 170, 187
Тульский у. 189, 210, 212
Турция 207
Углицкий удел (Углицкое княжество) 132
Угра, р. 50, 139, 158, 187
Упа, р. 21, 40, 50, 139, 161, 184, 186, 187, 202, 203, 209–211
Хупта, р. 64
Царьград 64, 68, 82–89, 92, 94, 102, 104, 116–118, 172, 224
Цна, р. 19, 20, 118
Черепеть, р. 49
Чернава, р. 159
Черниговское княжество 13, 40, 122, 151, 187, 201
Черленый (Червленый) Яр 29, 115, 152
Черничная, р. 22, 23
Чудское оз. 60
Чур- Михайлов 172
Шат, р. 50, 184
Шиворона, р. 50
Шишевский лес 14
Эгейское море 43
Ярославль, г. 63

Byberew 198
Dorczen 198
Gelec 198, 199, 200
Ossewa 198
Rszebra 198
Rszowa altera 198
Rethun 198
Rereste 197
Tula Castrum 197
Welikee Luky 198
Welyscz 198
Wronasz – см. Воронач, г.
Zukopa 198

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство

КВАДРИГА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Государственный военно-исторический и природный
музей-заповедник «Куликово Поле»

Высшая школа экономики
национальный исследовательский университет

МОСКВА
Квадрига
2011

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. Лаврентьев

ПОСЛЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Очерки истории Окско-Донского региона
в последней четверти XIV – первой
четверти XVI вв.

МОСКВА
Квадрига
2011

УДК 94(470.3)»452.150»
ББК 63.3(2)42-91
Л 13

Лаврентьев А. В.

Л 13 После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. / А. В. Лаврентьев. – М.: Квадрига, 2011. – 256 с. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-073-4

Книга известного историка А. В. Лаврентьева посвящена исследованию места сражения на Дону в контексте взаимоотношений великих княжеств Московского и Рязанского XIV – начале XVI вв., от княжения Ивана Калиты до вхождения Рязани в состав Великого княжества Московского в 1521 г.

Победа 8 сентября 1380 г. была одержана как будто при прямом противодействии Рязани общерусскому делу. Но место битвы – стратегическая территория на пограничье Руси и Степи – исторически принадлежало Рязани. «Мамаево побоище» стало переломным в истории обоих княжеств, «введя» регион в контекст общероссийской истории. После него к Москве перешло «место Тула» в междуречье Дона и Оки – узловой пункт в обороне границы.

Формирование на Верхнем Дону в конце XV в. совместного рязанско-московского рубежа обороны на р. Меча и строительство каменного «града на Туле» в 1-й четверти XVI в. защитили южные рубежи Руси.

УДК 94(470.3)»452.150»
ББК 63.3(2)42-91

ISBN 978-5-91791-073-4

© Лаврентьев А.В., 2011
© Темушев В. Н., наследники, карта по материалам Ю. В. Селезнева, 2011
© Никулин А. Ю., дизайн обложки, 2011
© Издательство «Квадрига», оформление, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предыстория и история «Донского побоища», прошлое Куликова поля в XIV – начале XVI вв. развивались, кроме общерусского, также в контексте взаимоотношений двух великих княжеств, Московского и Рязанского. Начало этим отношениям было положено, возможно, еще в княжение Ивана Калиты[1], конечной же точкой стал 1521 г., когда после бегства в Литву последнего великого князя рязанского Ивана Ивановича удел был ликвидирован, войдя в состав Великого княжества Московского.

8 сентября 1380 г. великий князь Дмитрий Иванович привел на берега Непрядвы коалиционную армию москвичей и их союзников, среди которых не было великого князя рязанского Олега Ивановича. Победа была одержана не только без участия Рязани, но и как будто бы при ее прямом противодействии общерусскому делу. В то же время как само место битвы, Куликово поле в верховьях Дона, так и междуречье Оки и Дона независимо от конкретного распределения владений в регионе на 1380 г. исторически принадлежало великим князьям рязанским[2].

Выбор места сражения, конечно, не был случайным. То немногое, что мы знаем об истории региона, свидетельствует о том, что Окско-Донское междуречье являлось важнейшей стратегической территорией на пограничье Руси и степи. В XIV в. монгольские

---

[1] *Кучкин В. А.* Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М.1993. С. 7–9. Предположение В. А. Кучкина о рязанском браке одной из дочерей Даниила Александровича, идентифицируемой автором с «княгиней Анной» духовной великого князя Семена Ивановича, а также его договорной грамоты с братьями, оспорил К. А. Аверьянов: *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 162–163.

[2] «В то ж время (на поле битвы. – *А. Л.*) *по Резанскои земли* ни ратои, ни пастух не покличет, но только часто вороны играют, трупу человеческаго чают» (Памятники Куликовского цикла. Гл. ред. Б. А. Рыбаков, ред. В. А. Кучкин. СПб., 1998. С. 99. Здесь далее в цитатах курсив мой. – *А. Л.*).

кочевья доходили до верховьев Дона[3]. От них на север, вплоть до Оки, простирался некий природный коридор, естественная сухопутная дорога с юга на север, по мнению В. Л. Егорова, начинавшаяся на правобережье Верхнего Дона, судя по всему, где-то в районе места сражения 8 сентября 1380 г., и на этой же дороге находилась расположенная севернее, ближе к Оке, Тула[4].

«Мамаево побоище» сыграло роль переломного момента в истории обоих княжеств.

Именно политические последствия Куликовской битвы, включавшие как установление москоского суверенитета над Рязанским княжеством, так и переход под прямое упраление Москвы узлового пункта междуречья Дона и Оки, «места Тула» впервые обозначили принципиальное значение региона в системе обороны Руси.

Дальнейшие события показали, что интерес Москвы к региону не был случайностью: через Верхний Дон проходил «единственный путь на юг», а на северном отрезке этого пути, «возле Тулы были сосредоточены все татарские пути к Оке»[5]. После Куликовской битвы 1380 г. Тула отошла Москве, однако Рязань не осталась равнодушной к потере влияния в Окско-Донском междуречье и на Верхнем Дону. Но, после относительно короткого периода восстановления полной самостоятельности Рязанского княжества и возвращения рязанского суверенитета над регионом, он вторично, и на этот раз навсегда, перешел к Москве. Важнейшей вехой здесь явилась «купля» Москвой в последней четверти XV в. западной половины Великого княжества Рязанского, включавшей и Верхний Дон с Куликовым полем, и Тулу в Окско-Донском междуречье. Тем не менее, участие Рязани в обороне южных рубежей продолжало оставаться актуальным и позднее, вплоть до ликвидации великого княжения в 1521 г. Тогда же, на последнем этапе рязанской самостоятельности, история региона отмечена такой важнейшей вехой, как строительство самой южного каменного «града», Тулы, форпоста обороны на юге, «от Поля» (как отметил анонимный летописец эпохи Ивана Грозного, описывая стратегические выгоды положения новой крепости Российского государства, «близ бе Поле града Тулы»[6]). «Последний город перед степью», Тула, по подсчетам имперского посла ко двору великого князя московского Василия III, барона С. Герберштейна, символически располагалась на равном расстоянии от Москвы и Переяславля Рязанского[7].

В этом контексте формирование на Верхнем Дону в конце XV в. совместного рязанско – московского рубежа обороны на р. Меча и строительство каменного «града на Туле» в 1-й четверти XVI в. встают в один ряд с Куликовской битвой 1380 г. как важнейшие вехи в становлении обороны южных рубежей Руси. В известном смысле сражение на Дону «ввело» регион в контекст общероссийской истории не только фактом самой победы над татарами, но и на долгую перспективу обозначив его узловое положение в организации защиты границ Российского государства. Все вышеизложенное и послужило предметом изучения в настоящей книге.

Хронологические рамки исследования истории Окско – Донского региона охватывают период от Куликовской битвы до окончательной ликвидации Великого княжества Рязанского т.е. между 1380 и 1521 гг., точнее между летом 1381 г., когда московский и рязанский великие князья заключили договор, в котором судьбе региона впервые на уровне межгосударственных отношений уделено серьезное внимание, и завершением строительства каменной Тулы, практически совпавшим с концом рязанской самостоятельности и, соответственно, присутствия Рязани в регионе как самостоятельного политического игрока. Следующий этап в истории Окско-Донского междуречья был связан со строительством в третьей четверти XVI в. первой крепости единого Российского государства в верховьях Дона и вблизи Куликова поля, Епифани, о которой уже приходилось писать[8].

Автор глубоко признателен друзьям и коллегам, в разговорах и дскуссиях с которыми писалась эта книга и которым он обязам

[3] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 124.

[4] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 31, 40–43, 52. Ср.: «В состав Рязанского княжества постоянно входили земли по верхнему течению Дона и его притоков, преимущественно с левой стороны» (*Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1884. С. 176).

По наблюдению В.А. Кучкина Куликово поле, как его понимали на Руси позднее, в XVI–XVII вв., представляло собой «громадную территорию водораздела Оки и Дона», знасчительно отступающую от Непрядвы как на север, так и на юг (*Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980.№8. С. 17–18).

[5] *Щепкина Е. Н.* Тульский уезд в XVII в., его вид и население. М., 1892. С. IV; *Белоцерковский Г. М.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1915. С. 18.

[6] ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 487.

[7] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 136 («город Тула... отстоит от Рязани почти на сорок немецких миль, а от Москвы на тридцать шесть к югу»).

[8] *Лаврентьев А. В.* Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005.

как доброжелательной критикой, так и многочисленными ценными замечаниями и советами – А. А. Булычеву, А.В. Кузьмину, Ю. М. Эскину, А. А. Турилову, И. Н. Юркину, А. В. Шекову. Особая благодарность коллективу музея – заповедника Куликово поле и в первую очередь его директору В. П. Гриценко и заместителю директора по научной работе А. Н. Наумову, сделавшим все, чтобы эта книга появилась на свет.

ГЛАВА 1

МОСКОВСКО-РЯЗАНСКИЙ ДОГОВОР 1381 г. И КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Победные разультаты сражения на Дону 8 сентября 1380 г. давно сделали Куликовскую битву своего рода символом возрождения Руси, стали зримым прологом к освобождению от Ордынского ига, важнейшим этапом в объединении русских земель в единое государство, и пр. Но ясно, что, кроме общерусских, победа в Куликовской битве имела и региональные последствия, повлиявшие на расстановку сил в Окско-Донском регионе. Среди русских земель и княжеств эпохи феодальной раздробленности стратегический интерес к региону проявляли два крупнейших государственных образования, великие княжества Московское и Рязанское.

В ряду письменных источников, освещающих события вокруг Куликовской битвы, московско-рязанский договор лета 1381 г. занимает особое место, поскольку по сей день остается единственным современным Куликовской битве документом, упоминающим это ключевое событие в истории нашего Отечества. Один из пунктов докончания сообщает о том, что «князь великии Дмитрии и братъ, князь Володимеръ, *билися на Дону с татары* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – *А. Л.*)»[1], и речь здесь может идти только о Куликовской битве. Заключенный великим князем московским Дмитрием Ивановичем с двоюродным братом и соправителем, князем Владимиром Андреевичем Серпуховским, и великим князем рязанским Олегом Ивановичем, договор неоднократно издавался и исследовался; последняя, четвертая по счету публикация текста сопровождается

[1] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М.2003. С. 344.

обстоятельным историографическим экскурсом и подробными комментариями[2].

То, что документ появился на свет как политический итог взаимоотношений Москвы и Рязани в том виде, в котором эти взаимоотношения сложились по результатам событий 1380 г., совершенно очевидно. 8 сентября, на праздник Рождества Богородицы, войска коалиции русских князей под руководством Дмитрия Ивановича Московского разбили на Куликовом поле орду темника Мамая. Олег Иванович не только не принял участия в сражении, но и был обвинен во враждебных действиях против Москвы на стороне татар и Литвы (подробнее об этом ниже). «Победа (коалиции русских князей во главе с Дмитрием Ивановичем. – *А.Л.*) поставила Олега Рязанского в беспомощное положение перед великим князем всея Руси. Олег потерял опору в ордынской власти и в сближении с Литвой. Великий князь Дмитрий использовал благоприятный момент, чтобы покончить с международной самостоятельностью Рязани»[3]; таким образом, «только отходом Рязани от Москвы в 1379–1380 гг. можно объяснить факт заключения докончания 1381 г.»[4].

Что касается позиции рязанского князя в московско-ордынском конфликте 1380 г., то летописные тексты сообщают о неблаговидных и антипатриотичных поступках Олега Ивановича, причем сюжет этот дается в некотором историческом развитии.

Если в самом раннем летописном рассказе о Куликовской битве, читающемся в Рогожском летописце и Симеоновской летописи (их общий протограф существовал уже в 1409 г.[5]), враждебные действия рязанского князя сводятся к «переметыванию» рязанцами мостов на пути армии – победительницы, возвращавшейся с Дона[6], то в Софийской I летописи старшего извода, восходящей к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в.[7], речь уже впрямую идет о грабежах, учиненных подданными Олега Ивановича возвращающимся домой через Рязань победителям – москвичам. Последних рязанцы насильственно «имали» – задерживали, пос-

[2] Там же. С. 231–244. Исследователь предлагает датировать докончание 2 августа. В дальнейшем все цитаты из документа даются по этому изданию.

[3] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 167.

[4] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 93. Прим. 13.

[5] Памятники Куликовского цикла. С. 13, 15.

[6]. Там же. С. 10, 19. Прим. 17.

[7] Там же. С. 28, 47. В Новгородской I летописи информация о враждебных действиях рязанцев отсутствует, а имя Олега Ивановича не упоминается вовсе.

ле чего «грабили и нагих пущали»[8], и содержание московско-рязанского договора 1381 г. как будто бы «прямо подтверждает те сведения о поведении Олега..., которые содержатся в раннем летописном материале»[9]. Созданный в начале XVI в. литературный памятник, Сказание о Мамаевом побоище, идет гораздо дальше летописных текстов. Здесь рязанский князь уже обвиняется в измене православию, предательстве общерусских интересов, выразившемся в существовании в 1380 г. антимосковского союза Рязани, Орды и Литвы[10].

Сам по себе не вызывающий никакого сомнения факт неучастия рязанского князя в Куликовской битве может, в то же время, иметь достаточно очевидные объяснения, связанные с непростым географическим положением княжества – своеобразного буфера между Русью и Степью, в своей политике вынужденного, может быть, более других учитывать постоянную ордынскую угрозу. Исследователи и ранее обращали внимание на то, что широко распространенная сугубо негативная оценка действий рязанского князя при более тщательном анализе источников не представляется столь однозначной[11]. Говорить же о собственно предательстве Олега Ивановича в 1380 г. будет справедливо только в том случае, если в это время Москву и Рязань связывал письменный договор – докончание, вовлекавший великое княжество в орбиту московского влияния и делавший участие для Олега Ивановича в битве на Куликовом поле неизбежным.

Все известные на сегодняшний день договоры между русскими князьями, и великими, и удельными, принадлежат к неравноправным соглашениям, в которых всегда присутствует доминирующая сторона («брат стареишии») и сторона подчиненная («брат молодшии»); за этими «древними терминами... скрывались вассальные отношения», устанавливавшиеся докончаниями[12]. В договорах «брат стареишии» диктует условия «молодшему», естес-

[8] Памятники Куликовского цикла. С. 40.

[9] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. С.244.

[10] *Рудаков В. Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. С. 148–149, 152–155.

[11] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 113–117; *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М.1965. С. 221-229; *Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 8–9.

[12] *Пашуто В. Т.* Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм) // Древнешие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 15.

твенно беря одновременно на себя определенные обязательства, но при этом лишая второго права проведения самостоятельной внешней политики и обязывая принимать участие в военных действиях на своей стороне. Кроме того, в договорах великих князей, носивших характер межгосударственных соглашений, обязательно фиксировалось признание «братом стареишим» границ владений «брата молодшего» (вопросы границ в докончаниях великих князей с удельными, по наблюдениям В. Н. Дебольского, не трактовались[13]).

Очевидно, существуй к моменту Куликовской битвы московско – рязанский договор, он должен был бы быть построен по этому же принципу, в основе его должно было лежать московское «стареишинство», прямо обязывавшее Олега Ивановича сражаться на стороне Москвы и, с другой стороны, признание Москвой границ Рязани.

О существовании такого договора исследователи говорят довольно уверенно.

Л. В. Черепнин привел ряд соображений в пользу наличия договора – предшественника соглашения 1381 г., отнеся его к лету – осени 1371 г., но сам же справедливо отметил, что, если московско-рязанское докончание и существовало, то уже в декабре того же 1371 г. было дезавуировано военным столкновением Москвы и Рязани, битвой у Скорнищева[14]. В. А. Кучкин относит этот гипотетический московско-рязанский договор к 1372 г[15]., и, в таком случае докончание можно было бы считать действующим и в год сражения на Куликовом поле. Однако никаких свидетельств наличию в московско-рязанских отношениях неких договорных обязательств Рязани Москве в момент Куликовской битвы не прослеживается. Более того, очевидно ранее даты заключения договора, лета 1381 г. отношения Москвы и Рязани носили не доминантный со стороны Москвы, а партнерский характер некоего, словами И. Б. Грекова, «сотрудничества»[16].

Об отсутствии письменного договора между Рязанью и Москвой в 1375 г. говорит неучастие Олега Ивановича в походе русских войск этого года на Тверь. Дмитрий Иванович привел под стены

[13] *Дебольский В. Н.* Древнерусские княжеские отношения по договорам // Историческое обозрение. СПб., 1892. Т. 4. С. 66.

[14] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 56–58.

[15] *Кучкин В. А.* Русские земли и княжества перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сб. статей. М.? 1980. С.86–87.

[16] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). С. 89–90.

столицы Великого княжества Тверского коалицию из двух десятков союзных Москве князей, среди которых рязанского князя не было[17]. При этом, согласно московско-тверскому докончанию этого же года, заключенному по воле и на условиях Москвы, Олег Иванович – третейский судья в межгосударственных спорах[18] то есть как минимум доброжелательно – нейтрален, а скорее даже дружественен Дмитрию Ивановичу, но никак не вассал-«брат молодшии» Москвы.

В то же время существует, как кажется, косвенное свидетельство участия рязанцев в сражении с татарами незадолго до сражения на Дону в составе армии Дмитрия Ивановича.

Три года спустя после Тверского похода и за два до Куликовской битвы, 11 августа 1378 г. московские полки под личным руководством великого князя разгромили татар на р. Воже. Одним из двух «крыльев» армии Дмитрия Ивановича[19], скорее всего, левым[20], командовал единственный участник победного сражения – немосквич, «князь Данилеи (так! – *А. Л.*) Проньскы». Пронский князь Даниил Владимирович приходился двоюродным племянником Олегу Ивановичу, и его имя упоминается в летописях один раз и только в связи с битвой на Воже[21].

Потомки черниговских Рюриковичей, с середины XII в. сидевшие в отделившемся от Черниговского Рязанском княжестве, поделились на две ветви рода, пронскую и собственно рязанскую, только ко времени Батыева нашествия. В силу плохой сохранности источников до сих пор остается неясным вопрос, какая из них была старшей, пронская, как полагают А. Г. Кузьмин и А. В. Кузь-

[17] ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 110–111.

[18] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 342 («А о чемъ судьи наши вопчии сопрутся, ини идут на трети, на князя великаго на Олъга»).

[19] «И удари на нихъ (татар. – *А. Л.*) с одину сторону Тимофеи (Вельяминов. – *А. Л.*) околничии, а с другую сторону князь Данилеи Проньскы, а князь велики (Дмитрий Иванович. – *А. Л.*) удари въ лице» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 134).

[20] Если в данном случае, как это практиковалось в разрядных книгах XVI–XVII вв., порядок перечисления имен командиров соответствует полковой иерархии, в которой первым называют воеводу более почетного полка, «правой руки», то им в 1377 г. командовал окольничий двора Дмитрия Ивановича Т. В. Вельяминов, пронский же князь назван вторым и, следовательно, командовал полком «левой руки».

[21] *Кузьмин А. В.* Князья Пронские, бояре Монастыревы и князья Кусаковы – участники битвы на р. Воже в 1378 г. и их потомки в XV–XVI вв. (Историко-генеалогическое исследование) // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2007. Т. 2. Вып. 2. С. 80–83; *Он же.* Рязанские, пронские и муромские князья в XIII – середине XIV вв. (Историко-генеалогическое исследование) // Записки отдела рукописей РГБ. М., 2008. Вып. 53. С. 47.

мин[22], или, как считает В. А. Кучкин, рязанская[23], что объяснило бы многое в упорном соперничестве двух ветвей одного дома. Так или иначе, но это политическое противостояние, растянувшееся до середины XV в., времени, когда Пронское княжество прекратило свое существование, войдя в состав рязанского удела[24], не мешало, тем не менее, в случае необходимости, объединять военные силы князей – родственников для противодействия татарам. Так, в 1365 г., после нападения Тагая на Переяславль, столицу Рязанского княжества, татар преследовала и разгромила «под Шишевским лесом» объединенная рязанско – пронская рать[25], хотя о нападении ордынцев на Пронский удел летопись не сообщает. Во время нашествия на Русь Ольгерда в 1370 г. пронский князь Владимир Дмитриевич, отец участника битвы на Воже, Даниила Пронского, выдвигался на помощь Москве за Оку, в Перемышль, «*а с нимъ рать рязаньская*»[26], надо думать, включавшая в себя и собственно пронские, и рязанские полки. Передачу командования «ратью» пронскому князю в этом случае объяснить затруднительно: летописи вообще не упоминают имени Олега Ивановича между 1365 и 1371 гг.

Возвращаясь к вопросу об участии пронского князя в битве на Воже и составе левого «крыла» армии Дмитрия Ивановича, отметим, что обычная практика ведения военных действий на Руси заключалась в том, что в составе объединенных вооруженных сил, ведомых великим князем, удельные князья командовали собственными полками[27]. Состоял ли, пользуясь военной терминологией XVI–XVII вв. «полк левой руки», которым командовал 11 сентября 1378 г. пронский князь, только из собственной дружины Даниила Владимировича, врядли многочисленной и явно не сопоставимой с рязанской? Сражение происходило не на пронских зхемлях, а на территории Великого княжества Рязанского[28]; вскоре после победы на Воже, «тое же

[22] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С.196; *Кузьмин А. В.* Князья Пронские, бояре Монастыревы... С 81.

[23] *Кучкин В. А.* Ранняя история Зарайска и проблема ее источников // Зарайск. Исторические реалии и легенды. М., 2002. Т. 1. С. 105–106.

[24] *Флоря Б. Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. К столетию акад. В. И. Пичеты. М., 1978. С. 182–184; см. также гл. 5 настоящего издания.

[25] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 80.

[26] Там же. Стб. 94.

[27] *Пресняков А. Е.* Московское царство. Пгр., 1918. С. 56–57.

[28] «О побоищи на реце на на Воже в *Рязанскои земли*» (ПСРЛ. М., 2007. Т. 18. С. 126; ср.: «Того же лета... князь великы Дмитреи Ивановичъ... поиде в *землю Рязаньскую* и сретеся с татары на реце на Вожи» (Там же. М., 2000. Т. 25. С. 199).

осени» Рязанское княжество подверглось страшному разгрому Мамаем[29]. Если это был карательный поход в отместку за выигранное сражение, то участие рязанцев в битве 11 сентября 1378 г. выглядит логичным. В таком случае пронский князь Даниил Владимирович командовал, как и его отец в 1370 г., объединенной ратью прончан и рязанцев.

Если это так, то надо как- то объяснить, почему во главе левого «крыла» на Воже стоял не сам Олег Иванович, а его однородец.

Существует единичное известие о ранении великого князя рязанского («изстрелян») во время нападения татар на Переяславль – Рязанский после разгрома царевичем Арапшей нижегородских ратей на р. Пьяне в 1377 г.[30]. В историографии оно воспринимается с доверием[31], и только В. А. Кучкин датирует ранение Олега Ивановича иначе, осенью 1378 г. Исследователь связывает его с карательным набегом этого года Мамая на Рязань[32], хотя все, что летописное известие сообщает о рязанском князе, это то, что последний «не приготовился бе и не ста противу их (татар. – *А. Л.*)», а «перебежа за Оку». Если ранение рязанского князя имело место все-таки в 1377 г. и именно его тяжкие последствия не позволили Олегу Ивановичу принять самому участие в битве на Воже, то появление во главе объединенных рязанских и пронских ратей пронского князя выглядит объяснимым.

Возвращаясь к вопросу о существовании в момент Куликовской битвы договора между московским и рязанским великими князьями, заметим, что гипотетическое участие рязанцев и очевидное прончан в битве на Воже вряд ли обуславливалось наличием докончаний. Общая военная опасность легко могла сделать князей - родственников союзниками и друг друга, и московского князя без фиксированных в документе взаимных обязательств. Князья действовали как самостоятельные суверены, а не вассалы «брата стареишего».

[29] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 135.

[30] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 308 («а тотарове взяша Переяславль Рязаньскии, а самъ князь Олегъ из рукъ оубежа исстрелянь»).

[31] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2. С.273; *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 110; *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 217–221; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 166.

[32] *Кучкин В. А.* Русские земли и княжества перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 110. Прим. 336.

Таким образом, говорить о наличии в канун Куликовской битвы письменного договора, обязывавшего рязанского князя выступить на стороне Москвы и, соответственно, о нарушении Олегом Ивановичем взятых на себя ранее обязательств, оснований нет.

Что же касается другого признака существования договора московского и рязанского князей в канун сражения на Дону, фиксированной московско-рязанской границы, то, похоже, до лета 1381 г. ее все-таки не существовало.

Своеобразной естественным ркбежом между княжествами была Ока. В княжение великого князя Ивана Даниловича Калиты Московское княжество распоряжалось некоторыми волостями на правом, «рязанском» по терминологии договора 1381 г., берегу Оки[33], равно как в это же время существовали и рязанские владения на «московском» окском левобережье[34]. В 1358 г. «посолъ из Орды царевъ сынъ... Мамет Хожа», прибывший в Рязань, «к великому князю (московскому. – *А. Л.*) Ивану Ивановичю присылалъ о розъезде земля Рязаньскыя»[35]. Суть этого московско-рязанского пограничного спора, в котором какая - то роль отводилась и Орде, неясна, но А. А. Горский справедливо полагает, что речь могла идти о рубежах вдоль течения Оки[36], а по сведениям В. Н. Татищева миссия «посла» носила совершенно конкретный характер – «царевъ сынъ... име... власть утвердити нерушимыи и непревратимы поставити межи» и, «доброхотствуя резанскому, хосчет Лопасню и другие волости тому отдать»[37]. Если это так, то в исходе 50-х гг. XIV в. вопрос о московско-рязанских границах еще не был юридически отрегулирован, но, похоже, он оставался в таком же «подвешенном» положении вплоть до 1381 г.

Есть и другое указание на отсутствие в 1380 г. ясности с границей по Оке. В московско- рязанских отношениях вплоть до лета 1381 г. камнем преткновения был долгий спор за две приокские территории, Коломну и Лопасню.

[33] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 75–76, 544. Табл. 2; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половины XV вв. М., 2008. С. 61.

[34] Там же. С. 27–28; *Митрошенкова Л. В.* Малоярославецкий уезд в конце XV–XVIII вв. Историко-географическое исследование. М., 2004. С. 37–47.

[35] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 67.

[36] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2001. С. 79.

[37] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. М., 1996. Т. 5–6. С. 109.

Коломна перешла к Москве задолго до эпохи Куликовской битвы, скорее всего, еще в начале XIV в.[38]. Потеря Рязанью «Лопастны» имела место тогда же, но, в отличие от Коломны, за возвращение Лопасни Олег Иванович воевал с московскими князьями, причем результативно[39]. Располагавшаяся по обоим берегам Оки, «Лопастна» в результате военных действий 1353 г. оказалась поделенной между княжествами: левобережные «лопастненские места» так и остались за Москвой, саму же правобережную «Лопастну» Рязань в итоге смогла вернуть де-факто в состав удельных земель[40].

В любом случае для наследников Ивана Калиты бывшие некогда рязанскими коломенские владения на левобережье Оки продолжали оставаться территориями, государственная принадлежность которых, очевидно, вплоть до заключения договора 1381 г. не считалась окончательно решенной. В духовной грамоте московского князя Ивана Ивановича (ок. 1358 г.) предусматривалась ситуация, при которой «могут искати из Орды Коломенскихъ и Лопастненскихъ мест»[41]. Авторы, не обратившие внимания на то, что оба «места» ранее были рязанскими, считают, что в завещании говорится о возможном предъявлении ордынскими ханами своих прав на Коломну и Лопасню[42]. Скорее всего, как представляется, отец будущего победителя татар на Дону опасался не прямого захвата Ордой «Коломенскихъ и Лопастненскихъ мест», а вмешательства ханов («искати из Орды») на стороне рязанских князей в московско - рязанские отношения, пересмотра устоявшихся, но не зафиксированных договорными отношениями границ между княжествами по Оке, что собственно и имело место во время спора за «Лопастну»[43].

[38] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. С. 92–99; *Хорошкевич А. Л.* Московское княжество в XIV столетии. Некоторые особенности развития // Куликово поле: История. Природа. Археология. Тула, 2003. Т. 2. С. 155. Отличное от общепринятого мнение о дате вхождения Коломны в состав Великого княжества Московского, 1427 г., высказал К. А. Аверьянов: *Аверьянов К. А.* Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994. Вып. 3. С. 3–20.

[39] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 150.

[40] Подробнее: *Темушев В. Н.* Борьба за Лопастну между Москвой и Рязанью // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Сб. статей. Тула, 2004. Т. 2. С. 45–51.

[41] ДДГ. С.15–16, 18.

[42] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. С.41; *Каштанов С. М.* Финансовое устройство Московского княжества в середине XV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 175.

[43] *Темушев В. Н.* Борьба за Лопастну между Москвой и Рязанью. С. 49–50.

Возвращаясь к последствиям Куликовской битвы для истории Окско – Донского региона, отметим, что ситуация в московско-рязанских отношениях кардинально поменялась только в 1380 г. после «Донского побоища», дав возможность московскому князю решить обе проблемы, и политическую, связанную с установлением вассальной зависимости Рязани от Москвы, и территориальную. Дмитрий Иванович получил возможность оформить отношения с Олегом Ивановичем договорной грамотой и продиктовать свои условия на волне взлета политического влияния Москвы.

В историографии договор 1381 г., совершенно справедливо, считают унизительным и неравноправным по отношению к Великому княжеству Рязанскому[44], что никоим образом не исключает наличия в нем встречных обязательств Москвы по отношению к Рязани[45]. Тем не менее, говорить о взаимной выгоде соглашения 1381 г. все-таки представляется преувеличением[46].

Следствием сложившегося после Куликовской битвы московского доминирования в регионе стало то, что, сохраняя великокняжеский титул, великий князь рязанский Олег Иванович теперь из самостоятельного суверена превращался в вассала Дмитрия Ивановича. В договор 1381 г. включена принципиальная формула, провозглашающая московского князя «братом стареишим», а рязанского «молодшим». Нет особых сомнений в том, что лишение рязанского князя суверенитета стало для него расплатой за политическую позицию времени Куликовской битвы.

Как следствие московского «стареишинства», в докончание внесены статьи, лишающие вассальную Рязань права проводить самостоятельную внешнюю политику. Запрет распространялся как на отношения Рязани с другими русскими землями и княжествами («а с русских князеи кто князю великому Дмитрию друг... то и князю великому Олгу... А кто недруг князю великому Дмитрию... а то и князю великому Олгу... идти нанъ с одинаго»), так и на соседей, Орду и Литву, в отношении которых Олег Иванович теперь мог действовать только с санкции Москвы: «А будет князь великии Дмитрии Иванович... с Литвою в любви, ино и князь

[44] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С.178; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1891. Т. 2. С. 587.

[45] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 168.

[46] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С.237

великии Олег с Литвою в любви. А будет... не в любви, и князю великому Олгу быти со князем с великим з Дмитрием... на них с одного. ...А с татары аже будет князю великому Дмитрию мир... ино и князю великому Олгу мир... с одиного... А будет немир... князю великому Олгу быти со князем с великим с Дмитрием... на татар и битися с ними».

Несмотря на то, что обязательство Рязани следовать в русле ордынской и литовской политики Москвы, сформулированы почти «под кальку», они содержат интересное уточнение: для Литвы докончание пользуется антонимами «любовь – нелюбовь», для Орды «мир – немир». Очевидно, в случае наличия письменного договора («любви») литовского и московского великих князей, таковой может иметь и Рязань, обязанная разорвать соглашение в случае «нелюбви». В московско же – ордынских отношениях существование письменных межгосударственных соглашений не предусматривалось в принципе, они строились «по факту» наличия в данный момент «мира» или «немира».

В. А. Кучкин полагает, что в такой формулировке «московско-рязанское докончание прямо и определенно обязывает рязанского князя участвовать в боевых операциях против Орды в случае возникновения военного конфликта»[47]. Замечание совершенно справедливое, но заметим, вассалитет Рязани собственно и выражался в том, что именно «брат стареишии» решал, «мирный» или «немирный» характер отношения с Ордой носят в каждом конкретном случае. Проще говоря, выступление Олега Ивановича на стороне Дмитрия Ивановича против татар было возможно только по сигналу из Москвы.

Первым и очевидным, как и в прочих договорах великих князей, в московско-рязанском докончании 1381 г. стал вопрос о границах Москвы и Рязани, размежевание которых произошло, естественно, на московских условиях. Договор фиксирует два московско-рязанских рубежа по Оке. Первый определен как «роздел по реку по Оку от Коломны вверхъ» и «на низ по Оце по реку по Тцну, от усть Тцны вверхъ... что на московскои стороне...то к Москве, а что на рязанскои... а то к Рязани». Второй, названный в документе «Володимерским порубежьемъ», вместо географической конкретики ограничивается ссылкой на «старину», «по тому, как было при... великом князе при Иване Даниловиче и при... дяде при великом князе при Семене

[47] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 264.

(Ивановиче. – *А. Л.*) и при... отци при великом князе при Иване (Ивановиче – *А. Л.*)»[48].

Д. И. Иловайский полагал, что «Володимерское порубежье», в отличие от «роздела по Оку по реку» никогда не было строго определено, и проводил его весьма условно по верховьям левых притоков Оки, рр. Гуся, Пры и Цны[49]. Судя по всему, рязанско – московское «Владимирское порубежье» было наследием московских Калитовичей как великих князей владимирских[50] и в таком случае определенно сложилось ранее окского «роздела», возможно еще в домонгольское время. Оба рубежа, «роздел по Оку реку» и «Володимерское порубежье», позднее неизменно подтверждаются во всех последующих московско – рязанских докончаниях XV в., договорах 1402, 1434 и 1447 и 1483 гг.[51]

Таким образом, докончание 1381 г. впервые юридически оформило раздел «Лопастны» между Москвой и Рязанью и утвердило права московского князя на Коломну и Коломенский уезд, что подчеркнуто в тексте договора выделением Коломны в отдельный от прочих московских вотчин пункт договоренностей[52]. Фиксация владельческих прав московских князей на территории более полувека спустя после захвата их московскими князьями отвечала, повторимся, интересам Дмитрия Ивановича и менее всего была нужна Олегу Ивановичу, возможно, до последнего не терявшему надежды вернуть некогда утерянные его предками владения. Дмитрий Иванович поспешил воспользоваться благоприятной для себя ситуацией после Куликовской битвы, чтобы закрепить за Москвой бывшие рязанские владения непосредственно вдоль правого берега Оки. Но этим Москва не ограничилась.

В договоре «Рязанской стороной» подчеркнуто именуется только правый берег реки. Тем не менее, признавая «естественное право» Рязани на окское правобережье, Дмитрий Иванович счел необходимым присоединить к своим владениям две терри-

[48] Там же. С. 343–344.

[49] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 169; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 125–126, 128–130.

[50] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 253.

[51] ДДГ. С. 53, 84, 143, 285, 288.

[52] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: «А вотчины вы моее блюсти а не обидети. А мне вашие вотчины блюсти, а не обидети, Москвы и Коломны, и всех Московских волостеи Коломенских, что ся потягло к Москве и къ Коломне».

тории во владениях рязанского князя, на которые, судя по всему, в отличие от Коломны и Лопасни, московские суверены никогда ранее не претендовали: «А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанскои стороне Тула как было при царице при Таидуле и коли ее баскаци ведали и то ся князю великому Олгу не вступати и князю великому Дмитрию. А что места Талица, Выползовъ, Такасовь, та места князю великому Дмитрию князь велики Олегъ ступился тех мест князю великому Дмитрию Ивановичю»[53]. Это самое раннее упоминание Тулы на страницах российской истории[54].

Совершенно очевидно, для договаривающихся сторон в 1381 г. «места» представляли собой предмет единых договоренностей. В статью включено два собственно географических объекта. Первый, «место Тула», более-менее надежно локализуется в среднем течении р. Упы[55]. Второй состоит из трех «мест» «Талица, Выползовъ, Такасовь», очевидно, представлявших собой некое территориальное единство. Локализация их вызывает определенные сложности.

О местонахождении последнего, Такасова, в историографии не высказывалось даже каких- либо предположений. Относительно Талицы В. А. Кучкин обратил внимание на существование р. Талицы, притока Красивой Мечи, однако этот регион, по справедливому замечанию самого же автора, территориально «тянул» к Ельцу[56]. Более всех «повезло» Выползову. В. Н. Дебольский, опираясь на однокоренной ойконим XIX в., по-

[53] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 344. Кроме указанных «мест» Москва по договору закрепляла за собой еще одно правобережную территорию, «Мещеру», названную в докончании «куплей» т.е. в любом случае полученную не путем отторжения. Историографию вопроса о «купле» Мещеры: *Аверьянов А. К.* Купли Ивана Калиты. С. 22–33.

[54] Присутствие «Тулы» в статье Никоновской летописи, повествующей о событиях 1146–1147 гг., носит характер редакционной вставки составителя свода начала XVI в. и, в силу очевидной доказанности этого факта, здесь не рассматривается. Подробный источниковедческий анализ летописного текста: *Кучкин В.* А. Ранняя история города Зарайска и проблемы ее источников. С. 71–91.

[55] *Грищенко В. Л.* Торховское городище и его округа // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Тула, 1997. Вып. 1. С.20; *Он же.* К вопросу о местонахождении летописной Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула.1997. С. 12–15; *Наумов А. Н.* О двух подходах к вопросу месторасположения древней Тулы в тульской историографии XIX в. // Там же. С. 16–19.

[56] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 258. Прим. 166. О местонахождении Талицы: *Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. Л., 1934. С. 3; *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII–XVI вв. (по письменным источникам) // История и культура Ельца и Елецкого уезда. Материалы к краеведческой конференции. Елец, 1992. С. 34; *Лаптенков В. В.* Елецкие древности. Воронеж, 1998. С.24, 60.

местил его под Веневом[57]. В. А. Кучкин, допуская возможность такой локализации, но не считая ее надежной, предложил искать «Выползовъ», опираясь на гидроним, р. Выползову, и по ней поместил «место» на юге Каширского уезда, по территориальному делению XIX в.[58] Однако в нашем распоряжении есть достоверное указание на существование соответствующего ойконима в эпоху Куликовской битвы, в XIV в., причем не на севере, а на юге Рязани, вблизи южных границ великого княжества.

«Селище Выползово» входило в состав наследственных земельных владений рода рязанских дворян Вердеревских, являясь частью «жалованья великого князя резанского Олга, что пожаловал... прародителя их Ивана Салахмиря очиною Верхдеревскою».

«Иван Салахмирь» – знатный ордынец, выехавший на службу к Олегу Ивановичу и крещеный под именем Ивана Мирославича. Первенствующий боярин думы рязанского князя, он, согласно родословным сказаниям, был женат на сестре Олега Ивановича и стал родоначальником нескольких именитых рязанских дворянских родов, в том числе Вердеревских[59].

Документальные подтверждения пожалования XIV в., грамота Олега Ивановича и некие «книги князей рязанских», очевидно писцовые, были целы у Вердеревских еще в 1522 г. и предъявлялись ими год спустя после ликвидации Рязанского княжества в Москве для получения у великого князя Василия Ивановича новой подтвердительной грамоты на «очину»[60].

Грамота московского князя Вердеревским, выданная в том же 1522 г., описывая «межу тои отчине», включавшей «селище Выползово», предполагаемый «Выползовъ» московско-рязанского докончания 1381 г., перечисляет «речки» внутри границ владений Вердеревских. Из пяти рек жалованной грамоты, Мошки, Почки, Гремячки, Черничной и Марьинки, четыре ло-

[57] *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. // Записки Русского географического общества. Т. 12. 1912. С. 162.

[58] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 258–259.

[59] *Сметанина С. И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // АРИ. М., 1995. Вып. 6. С. 63–64.

[60] *Юшков А.* Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. Ч. 1. 1257–1613 гг. С. 97–98; АСЭИ. Т. 3. М., 1964. С. 384–385; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. Сост. А. В. Антонов. Т. 4. М., 2008. С. 63.

кализуются в верхнем бассейне р. Прони и ее левого притока, р. Рановы[61].

Надо заметить, что р. Верда, другой левый приток Рановы, где тоже, как известно, располагались наследственные владения рода, «а по тои вотчине стали слыть Вердеревские»[62], не указана в границах «межи» по вполне понятным причинам. Первым владельцем этих мест был внук «Ивана Салахмиря», Григорий Григорьевич[63], пожалованный землями по Верде явно после кончины Олега Ивановича.

Верхнее течение Прони и ее притоков с домонгольского времени принадлежало не пронским, а рязанским князьям[64] и осталось рязанским после нашествия[65]. Среди «рязаньских градов» при жизни Олега Ивановича, в конце XIV в. упоминается «Вердерев», локализуемый исследователями на р. Верда[66]. Та же река была, много позднее, в начале XVI в., на излете рязанской государственности, охраняемым рубежом Рязани «от поля». В грамоте 1501 г. вдовой великой княгине Агриппине с указом о «береженье» московского посольства, едущего через рязанские земли в Крым, Иван III предписывает «проводить» дипломатов «до Верды до своих (рязанских. – *А. Л.*) сторож, чтобы... от ваших (рязанских. – *А. Л.*) людей от *заполян* лиха... не было; ...да и подводы бы дати по своей земле до украйны»[67].

Так что если высказанное выше предположение о локализации «места Выползовъ» на рязанском пограничье в верхнем бассейне р. Прони верно, то, скорее всего, где-то по соседству надо искать и «Талицу» с «Такасовомъ».

Употребленный докончанием в отношении « мест Талица, Выползовъ, Такасовь» глагол «съступитися» то есть «уступить», ви-

[61] *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976. С. 179, 186 (две рр. Мошки, правый и левый притоки Рановы); 175, 179, 181 (две рр. Гремячки, правый и левый притоки Прони ниже Рановы), 177 (р. Черниченка, правый приток Прони ниже Рановы); 175, 177, 181 (две рр. Марьинки, правый и левый притоки Прони ниже Рановы).

[62] Цит. по: *Гамаюнов А. И.* К вопросу о достоверности первого упоминания Венева // АРИ. 2002. Т. 7. С. 324.

[63] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 2007. С. 100.

[64] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 211.

[65] АСЭИ. Т.3. С.339; *Морозов Б. Н.* Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // АЕ за 1987 г. М., 1988. С. 299–300.

[66] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 121.

[67] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Сборник РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 365–366.

димо, должен был означать добровольную уступку бывшим владельцем своей собственности. Так, князья Иван и Андрей Ивановичи в договорной грамоте с великим князем Семеном Ивановичем «съступилися... на стареишинство» старшему брату частью «путей», завещанных отцом им, а не новому великому князю московскому, а великий князь Василий Васильевич «съступися» некоторыми волостями в пользу дяди, князя Константина Дмитриевича[68]. Новый статус трех «мест», согласно тексту московско-рязанского доокончания, подчеркнем еще раз, ясен, они переходят от Рязани к Москве.

Совершенно иначе выглядит в московско-рязанском доокончании 1381 г. запись о «месте Тула», относительно которого в договоре употреблен запретительный глагол «не въступати», присутствующий в княжеских договорах XV в. как составная часть устойчивой взаимной клятвы князей, гарантирующей неприкосновенность владений договаривающихся сторон[69]. Вопрос же в нашем случае заключается в том, на кого этот запрет распространялся: пункт договора 1381 г., содержащий информацию о государственной принадлежности «места Тулы», в отличие от полной определенности с «Талицой, «Выползовомъ, Такасовомъ», по смыслу амбивалентен.

На самом деле, понимание ситуации с «Тулой», как она изложена в доокончании московского и рязанского великих князей, «в то ся князю великому Олгу не вступати и князю великому Дмитрию», зависит от того, какое синтаксическое толкование получит «и», стоящее между именами договаривающихся князей. Предлог может быть как соединительным, аналогичным современному «и», так и весьма распространенным в древнерусском языке противительным, близким по значению предлогам «но» или «а»[70]. В зависимости от этого кардинально меняется и смысл фразы. В первом случае ее надо понимать как запрет обоим князьям «вступати» в «Тулу», во втором – как указание на передачу рязанской «Тулы» московскому князю, и тогда запрет распространяется только на Олега Ивановича. В последнем случае статус «места Тулы» по договору 1381 г. аналогичен статусу «мест Талицы, Выползова, Такасова»[71].

[68] ДДГ. С.11, 64.

[69] «Блюсти, ни въступати, ни обидети» (ДДГ. С. 70, 76, 81, 87 и др.).

[70] Примеры: Сл. РЯ XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С.75.

[71] Особняком стоит мнение К. А. Аверьянова, считающего «место Тула» договора 1381 г. «автономной теорриторией», находившейся в начале 80-х гг. XIV в. под управлением ордынской администрации: *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. С. 46–47. Если это так, то совершенно непонятно, почему «автономная» Тула стала объектом договорных отношений Москвы и Рязани, не имевших, коль скоро прав автор, никакого к ней отношения.

Неудивительно, что, например, С. М. Соловьев так и не пришел к однозначному толкованию вышеприведенного пункта доокончания, предложив сразу оба возможных объяснения статуса «места Тулы»[72], а А. Е. Пресняков находил это место московско-рязанского договора «непонятным»[73].

Знаки препинания в изданиях древнерусских текстов, как известно, расставляются пубикаторами[74]. Случай с договором 1381 г. далеко не единственный, и коллизии, в которых понимание смысла того или иного места древнерусского текста целиком зависит от одного из двух синтаксического толкования предлога «и», известны в отечественной археографии[75]. Московско-рязанское доокончание издавалось целиком четырежды, и двусмысленность статуса «места Тулы» нашла прямое отражение в синтаксисе публикаций текста грамоты 1381 г.

В трех изданиях московско-рязанского договора 1381 г. перед предлогом «и» неизменно ставилась запятая, «и то ся князю великому Олгу не вступати, и князю великому Дмитрию». Так фраза выглядит в публикациях грамоты в Древней Российской вивлиофике Н. И. Новикова[76], Собрании государственных грамот и договоров[77] и издании комплекса княжеских духовных и договорных грамот, подготовленном Л. В. Черепниным[78]. Совершенно очевидно, что во всех трех случаях предлог «и» издателями оценивался как противительный.

В последнем по времени, четвертом издании грамоты, осуществленном В. А. Кучкиным, запятая в интересующей нас фразе отсутствует. Следственно, предлог «и» между именами договаривающихся князей здесь, по мнению публикатора, не противительный, а соединительный.

Сообразно синтаксической двусмысленности текста московско-рязанского договора отечественная историография предла-

[72] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2. С. 462.

[73] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 411. Прим. 49.

[74] Ср. замечание Л. В. Черепнина во Введении к подготовленной им публикации духовных и договорных грамот: «Знаки препинания расставляются *по смыслу*, применительно *к современному их употреблению*» (ДДГ. С. 6).

[75] Ср. подмеченную Г. М. Прохоровым аналогичную проблему с трактовкой текста известного сочинения XIV в. «От иного послание о повинных». Исследователь относит его к творчеству митрополита Дионисия Суздальского и датирует 1381 г.: *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб., 2000. С. 395–396.

[76] Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2. Ч. 1. М., 1788. С. 92.

[77] СГГД. Ч. 1. М., 1813. С. 54.

[78] ДДГ. С.29.

гает и два варианта объяснения ситуации с «местом Тулой» по состоянию на лето 1381 г.

Первый сводится к тому, что рязанская «Тула» по докончанию 1381 г. перешла во владение Москвы. Так полагали М. М. Щербатов[79], Н. М. Карамзин[80] А. Е. Пресняков[81], уже наши дни с ними солидаризовались А. Г. Кузьмин и А. Б. Мазуров[82]. Таково же мнение и авторов последней по времени публикации, посвященной «Туле» XIV–XV вв., Г. А. Шебанина и А. В. Шекова, предлагающих, правда, свое объяснение лексической стороны документа: в текст грамоты по вине писца вкралась ошибка, и на месте «и» должен стоять другой предлог, «то»[83] (? – *А. Л.*). Разумеется, было бы замечательно все несоответствия собственных построений текстам документов русского средневековья объяснять именно таким образом, но в нашем случае в этом нет никакой необходимости. Повторимся, с точки зрения грамматической предлог «и» может быть в данном контексте истолкован как противительный.

Другое толкование статьи московско-рязанского докончания предлагает видеть в «Туле» 1381 г. своеобразную «ничейную территорию», «нейтральную зону», получившую такой специфический статус в результате политического взаимодействия в регионе Москвы, Орды и Рязани.

В тексте договора в связи с «Тулой» присутствуют, как помним, упоминания баскаков и «царицы» Тайдулы, в связи с чем высказывались подозрения в некоем особом статусе территории[84]. Этот гипотетический особый статус привел В. Л. Егорова и В. А. Кучкина, независимо друг от друга, к выводу о том, что «место Тула» – «нейтральная» территория. Оба автора, в отли-

[79] *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1784. Т. 4. Ч. 3. С. 10. Это следует из пересказа текста докончания, опубликованного в приложении: «Что же касается до Тулы... да пребудет за великим князем Дмитрием, также Талица, Выползов и Такасов».

[80] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М.1993. Т.5. С.46.

[81] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 411 («Владения Дмитрия Ивановича заходят за Оку: тут Тула»).

[82] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 225; *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. С. 105. Оба автора полагают, что после московско-рязанского «нелюбья» 1385 г. Рязань вернула себе «Тулу», следовательно, предыдущие пять лет она была московской, а до этого рязанской.

[83] *Шебанин Г. А., Шеков А. В.* О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV вв. // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 146–147.

[84] См. например: *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 411. Прим. 49; *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 78. Прим. 1.

чие от сторонников московской принадлежности Тулы, подробно аргументируют свою позицию, но по-разному, объясняют происхождение этого «нейтралитета».

В. Л. Егоров, странным образом не заметивший запятую в тексте докончания (автор пользовался публикацией Л. В. Черепнина, где знак, как помним, присутствует), считает «Тулу» изначально принадлежавшей непосредственно ханше Тайдуле и управлявшейся ее баскаками. После разгрома татар на Куликовом поле ситуация, полагает В.Л. Егоров, не изменилась, «Тула» оставалась ордынской, хотя реально последняя утратила контроль над регионом. Москва и Рязань, в свою очередь, одинаково стремились овладеть «Тулой», но в договоре 1381 г. вынуждены были дать друг другу взаимное обязательство не занимать ее; «нейтральный статус» «Тулы», таким образом, явился следствием политического равновесия в регионе сил договаривающихся сторон, Москвы и Рязани[85].

Сходные выводы В. А. Кучкина, также посчитавшего предлог «и» текста докончания 1381 г. соединительным, что отразилось в подготовленной им публикации документа, свелись к предложенной ранее В. Л. Егоровым схеме, но с учетом неравноправного для Рязани характера московско-рязанского договора. Ордынская «Тула», полагает исследователь, какое-то непродолжительное время действительно могла принадлежать Москве и ранее заключения договора, перейдя к великому князю Дмитрию Ивановичу либо после разгрома татар на Воже в 1378 г., либо после Куликовской битвы. Однако летом 1381 г., при заключении договора, московский князь не рискнул закрепить за собой «Тулу», связав при этом, как «брат стареишии», Олега Ивановича Рязанского обязательством «не въступати» в нее [86].

Оба автора, повторимся, исходят из изначальной ордынской принадлежности «Тулы», однако еще А. Е. Пресняков в свое время предложил иное толкование упоминания баскаков и «царицы Таидулы»: «простую... ссылку на *объем Тульского уезда* нельзя принимать за указание на особое положение Тулы»[87].

Свою мысль А. Е. Пресняков не развил, однако она предельно ясна. «Ведение» «Тулы» баскаками могло иметь в виду не

[85] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. С. 41, 52.

[86] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 257–258. Впрочем, еще А. Н. Насонов высказывал предположение о принадлежности «Тулы» Москве до Куликовской битвы, едва ли не со времени «великой замятни» в Орде т.е. с 60-х гг. XIV в.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 78. Прим. 1.

[87] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 411. Прим. 49.

управление «местом», а исчисление «выхода» с территории, проведенное ордынскими чиновниками, автоматически предполагавшее как перепись населения, так и установление границ новой податной единицы. Именно таким образом, «по описи и по людем» начислялась, например, в середине XV в. доля «выхода» в Орду с вотчинных владений и новых пожалований брата великого князя московского Василия Васильевича, суздальского князя Ивана Васильевича, с «оуделов» вдовой великой княгини Софьи Витовтовны и братьев великого князя московского Ивана III [88].

Рязанские земли были «положены в число» в 1257 г.[89], причем, возможно, именно баскаками, помимо прямых обязанностей, заключавшихся в получении дани, занимавшихся и переписью населения[90]. В Рязани около этого времени сидел собственный баскак, по доносу которого, согласно В. Н. Татищеву, в Орде был убит в 1270 г. рязанский князь Роман Ольгович[91].

В начале XIV в., как известно, институт баскачества прекратил на Руси свое существование[92], но за исключением двух территорий. Первой была Киевщина и Подолия, где баскаки известны в 30–40- х гг.[93], вторая – южные окраины Рязанского княжества или соседствующие с ними земли по Верхнему Дону, где баскаки действовали в середине XIV в.[94], причем эти баскаки были православными[95] и, скорее всего, русскими. Так что под баскаками грамоты 1381 г. необязательно надо понимать только татар-сборщиков дани в принадлежавшем Орде «баскачестве»[96].

[88] ДДГ. С.157, 159, 197.

[89] ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 474–475: «Тое же зимы приехаша численници и сщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Муромьскую».

[90] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998. С.167.

[91] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 5–6. С. 49

[92] *Зимин А. А.* Народные движения 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Известия АН СССР. Сер. Истории и филологии. М., 1952. Т. 5. С. 61–62.

[93] *Шабульдо Ф. М.* Литовско-ордынский и польско-ордынский кондоминиум в украинских землях в XIV в. // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М.2010. С.496–497.

[94] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. С. 78. Прим. 1; *Halperin Ch. J.* Russia and the Golden Horde? The Mongol Impact on Medieval Russian History. L, 1987. P. 37–40. Речь идет о местности на Среднем Дону, известной как Червленый Яр («Черленый Яр» источников), которую А. Н. Насонов считал южным пограничьем Рязани, другие же исследователи полагают, что указанная территория была улусом Золотой Орды (*Шенников А. А.* Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. С. 10, 15–16; *Селезнев Ю. В.* Рязанское великое княжество и Орда на рубеже XIV–XV вв.: военное давление или пограничная война? // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2004. Т.2. С. 57–67).

Относительно «ведения» баскаками «места Тулы» в докончании дана расплывчатая временная отсылка на «царицу» Тайдулу, а не на правившего в Орде хана – «царя».

Любимая из четырех жен скончавшегося в 1431 г. хана Узбека, мать наследовавшего ему Джанибека, убитого в 1357 г. ее же внуком, Бердибеком, два года спустя свергнутого, с ее согласия ханом Кулпой, Тайдула погибла в 1360 г. вместе со свергнувшим Кулпу ханом Новрузом[97]. «Царица» была современницей пяти «царей», пережив четверых из них. «Ведение» «места Тулы» по логике должно было иметь место еще при хане Узбеке, когда собственно Тайдула и была «царицей», т.е. не менее чем за полвека до заключения московско-рязанского договора. Однако и после кончины Узбека Тайдула, возведенная при жизни мужа в сан «главной матери», играла существенную роль в жизни Орды, определяя внешнеполитические дела[98]. Вероятно, «ведение» баскаками «места Тулы» началось за два-три десятилетия до 1381 г. Возможно, «царица» имела здесь и практический интерес – к южной границе Великого княжества Рязанско-

[95] В предположении о сохранении института баскачества на юге Руси А. Н. Насонов и Ч. Гальперин опираются на единственный источник – грамоту митрополита Феогноста о епархиальной юрисдикции «Черленого Яра», в которой среди адресатов послания фигурируют баскаки. Как в этой, так и в грамоте «на Черленый Яр» митрополита Алексея, баскаки перечислены среди «всех християн Черленого Яру», к которым первоиерархи обращаются как к своим «детем», т.е. духовным чадам (Русский феодальный архив XIV – первой половины XV вв. Ч. 2. М., 1987. С. 292–296). А. А. Шенников (*Шенников А. А.* Червленый Яр. С. 10) считает их «православными татарами», а саму принадлежность татар к православию едва ли не массовым явлением в Орде середины XIV в., что во всех отношениях сомнительно.

[96] Текст московско-рязанского договора 1381 г. дал В. Л. Егорову основание предполагать существование в XIV в. особой административной единицы Орды, «Тульского баскачества» (*Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 41; *Он же.* О времени возникновения Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. С. 32).

[97] *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 45–46, 87, 137, 142. В отечественной историографии Тайдула зачастую считается женой не Узбека, а Джанибека, ср.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. М., 1993. С. 48; *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. С. 41–42. Эта традиция идет от русских средневековых источников, считавших Тайдулу женой Джанибека: *Орешников А. В.* Перстень св. Алексея митрополита // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1928. Т. 2. С. 172.

[98] *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV в. из Венеции. Источниковедческое исследование. СПб., 2002. С. 34–36.

го примыкали «тюмены» князей – ближайших родственников Тайдулы[99].

В исследованиях давно обращено внимание на то, что из шести ханских ярлыков русским митрополитам, дошеших до наших дней, половина, ярлыки 1347, 1351 и 1354 гг. даны от имени не хана, а ханши Тайдулы[100], причем все три относятся ко времени ее вдовства, когда в Орде правил ее сын Джанибек[101]. Этим же временем, правлением Джанибека, датировал «ведение» баскаками Тулы В. А. Кучкин[102].

«Ведение», скорее всего, преследовало не управленческие, а фискальные цели. В 1359 г. ставку недолгое время «сидевшего» в Орде хана Новруза посетили *«вси князи руские»* и здесь был произведен некий «роздел княжениям ихъ»[103]. Наверняка в 1359 г. в Орде побывал и Олег Иванович. Вполне вероятно, этот «роздел» 1359 г. каким-то образом был связан событием двухлетней давности, ноября 1357 г., когда на Русь «прииде посол изъ Орды отъ царя именем Итъкара *по запросе ко всем князем роусъскимъ*»[104]. Имя «царя» летописи не называют, но им был, скорее всего, убитый в этом же году Джанибек, и речь определенно шла о каком-то экстренном ордынском налоге вне сумм обычного «выхода». Если это так, то среди «всех князеи», адресатов «запроса», был и рязанский князь Олег Иванович.

В связи с последним особого внимания заслуживает уникальное известие Софийской I летописи, сообщающее о том, что перед Куликовской битвой «Мамаи нача слати к великому князю (московскому Дмитрию Ивановичу. – *А. Л.*)... выхода просити, *какъ было при цари Чзянибеке*, а не по своему докончанъю»[105], в связи с чем В. А. Кучкин совершенно справедливо предположил, что в правление хана Джанибека имели место какие-то изменения

[99] *Григорьев А. П.* Ярлык Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу // Мамай. Опыт исторической антологии. Казань, 2010. С. 24.

[100] *Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л.* Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 88.

[101] *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. С.44, 57; *Он же.* Конкретные формуляры чингизидских жалованных грамот XII–XIV вв. // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 213.

[102] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С.257–258.

[103] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 96.

[104] Там же. Стб. 66.

[105] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 458–459

в порядке взимания с русских земель ордынского «выхода»[106]. Судя по всему, речь надо вести о простом увеличении суммы «запроса». И в более поздние времена правители Орды видели именно в эпохе правления Джанибека ту идеальную ситуацию в финансовых обязательствах Москвы ханам, которой надлежало придерживаться их наследникам. Полвека спустя после убийства Джанибека Едигей в письме великому князю Василию Дмитриевичу, объясняя причины ордынского набега на Русь 1408 г., указывает на нарушение Москвой платежных обязательств и требует прислать в Орду «от своих бояр единого... [с] старыми оброки, как давал царю Жанибеку» и заплатить «серебро» сполна «по старине по правде»[107]. Не исключено, что при Джанибеке и при участии Тайдулы выплата с Рязанского княжества была увеличена за счет описанного ее баскаками «места Тулы». Надо помнить о безусловном праве «царей» на переделы границ внутри русских княжеств, с точки зрения Орды собственного улуса.

Если высказанные выше предположения правомерны, то «объем», словами А. Е. Преснякова, рязанской «Тулы» мог быть определен «баскацами» двумя–тремя десятилетиями ранее Куликовской битвы в связи с фискальными задачами и по инициативе Орды. Забирая по договору 1381 г. «место Тулу» себе, великий князь московский Дмитрий Иванович принимал на себя и обязательство платить ханам дополнительный «выход» с нового «примысла» – возможность возобновления выплат «царям» предусматривалась в ряду прочих московско-рязанских договоренностей[108].

В княжеских грамотах и иных юридических документах постоянно встречаются топонимы, например, те же «Талица», «Выпорлзовъ» и «Такасовъ» договорной грамоты 1381 г. в абсолютном большинстве, в отличие от «места Тулы» безо всяких дополнительных разъяснений и комментариев. Несомненно, договаривающиеся стороны в каждом из этих, равно как и во многих иных случаях, имели в виду территории с понятными для обоих субъектов договора границами, не требовавшими никаких дополнительных разъяснений. С этой точки зрения «место Тула», к лету 1381 г., времени заключения московско-рязанского докончания,

[106] Памятники Куликовского цикла. С. 53.

[107] СГГД. Ч. 2. М., 1819. С.56.

[108] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 334: «А с татары аже будет князю великому Дмитрию миръ... или данье, ино и князю великому Олгу миръ или данье с одиного со княземъ с великимъ з Дмитриемъ».

возможно еще не получила ясного для обеих договаривающихся сторон понимания «объема» территории, для чего и понадобилось включить в текст ссылку на недавнее «ведение» «Тулы» баскаками.

Считать «место Тулу» московско-рязанского договора «нейтральной» мешает и еще одно обстоятельство. Самостоятельной ордынской политики Рязань, как помним, с лета 1381 г. проводить не могла, все ее действия должны были диктоваться из Москвы. Докончание четко фиксирует расстановку сил в треугольнике «Москва – Рязань – Орда»: «А с татары аже будет князю великому Димтрию миръ... ино и князю великому Олгу мир... с одиного... А будет немиръ князю великому Дмитрию...с татары, князю великому Олгу быти со князем великим Дмитриемъ... с одиного на татаръ и битися с ними»[109]. Проще говоря, гипотетическое самовольное «вступление» Рязани в «Тулу» естественным образом влекло за собой «немиръ» с Ордой, прямо нарушая этот пункт договора.

Таким образом, «место Тула» московско-рязанского докончания 1381 г., скорее всего не первоначально ордынская, а потом «нейтральная» территория, а рязанская, перешедшая летом этого года по договору Москве с запретом Олегу Ивановичу Рязанскому «вступати» в ее границы, установленные баскаками при «царице Таидуле» около середины XIV столетия.

Со всех точек зрения любопытно, зачем великому князю московскому в 1381 г. понадобились отбирать у Рязани и присоединить к своим владениям «место Тулу» и «места Талица, Выползовъ, Такасовъ», земли, далеко отстоящие и от московско-рязанской пограничной Оки, и друг от друга. Кроме того, если «место Тула» гипотетически все-таки могло иметь выход к Оке, границе между Рязанью и Москвой, и ее включение в состав удела значительно увеличивало владения Дмитрия Ивановича, то рязанские владения в верховьях р. Прони к Оке прямого выхода иметь не могли, да и вряд ли были особенно велики.

Выскажем предположение, что речь идет о первой, во всяком случае, известной нам, попытке Москвы войти в Окско-Донской регион, установить в 1381 г. контроль за стратегически важными территориями «брата молодшего» на «Резанскои стороне» Оки. Владение перечисленными в договорной грамоте двумя теперь уже бывшими рязанскими объектами

[109] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 334.

обеспечивало Дмитрию Ивановичу слежение за путями с юга к Москве и, естественно, в обратном направлении, сухопутным и водным. Первый, сухопутный, через «место Тула», имел принципиальное значение для организации обороны, второй, водный, через «места» Талицу, Выползов и Такасов – для международной торговли.

Сухопутная дорога из степей на Русь, как известно, шла вдоль правого берега Дона, и «место Тула» на ней занимало ключевое положение на пути к Оке, что в итоге и предопределило строительство здесь позднее, в 1-й четверти XVI в., самой южной каменной крепости Российского государства[110]. Нет, однако, особых сомнений в том, что осознание московскими суверенами стратегической важности «Тулы» произошло гораздо ранее XVI в.

Водный путь в том же направлении шел через Проню, Ранову и ее притоки, которым можно было попасть из Дона в Оку и на котором какую-то доминантную роль в XIV в. играли «Талица, Выползовъ, Такасовъ». В верхнепронских владениях Олега Ивановича находились «волоки», соединявшие через верховья Прони и ее притоков Оку с Доном через левый приток Дона, р. Воронеж[111]. В период заключения московско-рязанского договора 1381 г. именно этот водный путь был основным в торговых сношениях Руси с Византией и Средиземноморьем[112], и через земли Рязанского княжества в это время шел в Москву импорт джучидских диргемов[113]. Таким образом, переход «места Тулы» и «мест» в верховьях Прони к Москве ставил под контроль Дмитрия Ивановича основные пути на юг, всеми преимуществами владения которыми до Куликовской битвы пользовался Олег Иванович Рязанский.

[110] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 382. О стратегическом значении сухопутных дорог региона красноречиво свидетельствуют результаты археологических исследований А. Н. Наумова: *Наумов А. Н.* Водораздельные городища и сухопутные дороги на водоразделе Оки и Дона в развитом средневековье. (К вопросу о методике археологического поиска) // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 1. Тула, 2007. С. 112.

[111] *Сыроечковский В. Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия АН СССР. Отд. общественных наук. 1932. № 3. С. 200, 215, 223, 228; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. // Труды ГИМ. Вып. 21. М., 1952. С. 13; *Кудряшов В. Н.* Половецкая степь. Очерки исторической географии // Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. Т. 2. М., 1948. С. 88.

[112] *Тихомиров М. Н.* Пути из России в Византию в XIV–XV вв. // *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 49–53.

[113] *Волков И. В.* Особенности денежного обращения в рязанско-московском пограничье в последней четверти XIV – начале XV вв.// Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004. С. 365–366.

Трудно, в то же время, сказать, был ли такой контроль реально установлен или остался только предметом договоренности. Что касается «Талицы», «Выползова» и «Такасова», то еще при жизни Олега Ивановича, то есть не позднее 1402 г. «селище Выползово» было пожаловано, как помним, в числе иных рязанских земель по верховьям Прони его свояку, предку Вердеревских «Ивану Салахмирю». Сам договор сохранял силу всего год, и уже осенью 1382 г. волею обстоятельств перестал действовать[114].

Потерей независимости, установлением границы на московских условиях и территориальными потерями дело не ограничилось. Как помним, летописные рассказы содержат обвинения рязенцев в ограблении возвращавшихся после Куликовской битвы москвичей. Однако касающийся этого вопроса пункт московско-рязанского докончания 1381 г. представляет известную загадку: «А что князь великии Дмитрии и братъ, князь Володимеръ, билися на Дону с татары, от того времени что грабеж или что поиманые у князя у великого люди у Дмитрия и у брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчии, отдати то по исправе. А что ся ни делало дотоле, как есмя целовали крестъ, томоу въсему погреб до Спасова Преображения за четыре дни. А суд вопчии меж насъ от того праздника всему»[115].

Фраза докончания построена таким образом, что «поиманые» и «грабеж» могут быть как московским, захваченным Олегом Ивановичем, так и рязанским, плененными Дмитрием Ивановичем. В историографии высказывались разные точки зрения на смысловое содержание этого положения договора, но та, что речь здесь идет именно об антимосковских действиях рязанского князя, представляется исследователям очевидной. Заметим также, что в докончании говорится о двух разновременных имущественных коллизиях в отношениях Москвы и Рязани, той, что, так или иначе, связана с последствиями Куликовской битвы и другой, что предшествовала крестному целованию, причем первая решается общим судом, а под второй просто подводится черта.

Относительно всего, «что ся ни делало дотоле» В. А. Кучкин абсолютно справедливо полагает, что имущество, захваченное субъектами договора до момента его заключения, 2 августа (праздника Спаса Преображения – этот день исследователь считает и датой заключения договора) возврату не подлежит,

[114] См. гл. 2 настоящего издания.
[115] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 344.

все же взаимные претензии впоследствии решаются в судебном порядке[116]. Однако точно так же, по суду, предполагается решить вопрос о московских «поиманых» и «грабеже», оказавшихся в руках Олега Ивановича. Рязани следует почему-то не безоговорочно вернуть и то и другое Москве, а решить судьбу «поиманых» и «грабежа» также путем разбирательства с участием обеих сторон и руководствуясь только итоговыми решениями суда («по исправе»).

Вообще в этой статье договора несколько неожиданно выглядит определение «поиманые». Под последними обычно понимают захваченных рязанцами в плен москвичей. Однако во всех прочих докончаниях, дошедших до наших дней, пленные именуются «полоном» т.е. собственно военнопленными[117], обычно размениваемыми по завершении военных действий, и «нятцами», захваченным в плен гражданским населением, подлежащим выкупу по данным им кабалам[118].

С другой стороны, договорные грамоты часто употебляют однокоренное уникальному, повторимся, для договорных грамот отглагольному существительному «поиманые» существительное «поимание». Наряду с определением «грабеж», оно характеризует трофеи, полученные в ходе военных действий[119], однако и здесь, похоже, существует определенная терминологическая разница. «Грабеж» захватывался в ходе собственно вооруженных столкновений («воины и грабежи»)[120], «поимание» же имело в виду присвоение чужой собственности в пору «нелюбья». Так, «поиманием» договорные грамоты великого князя московского Василия Васильевича с галицкими князьями называют великокняжескую казну, захваченную в Москве отцом последних, князем Юрием Дмитриевичем, а также великокняжеский архив, «ярлыки и дефтери», в ходе борьбы за московский стол оказавшиеся в руках племянников Юрия Дмитриевича, можайского и белозерского князей[121].

[116] Там же. С.229, 264–265.
[117] ДДГ. С. 43, 54, 83, 86, 88, 91, 102, 104, 106, 108, 111, 114, 144, 286.
[118] ДДГ. С. 102, 104, 148 («Нятцы...на которых поиманы кабалы»). Подробнее о коломенских «нятцах»: *Лаврентьев А. В.* Московско-рязанское соперничество за Коломну в 1385 г. // Коломна и Коломенская земля: история и культура. Коломна, 2009. С.52.
[119] ДДГ. С. 36 («А кого... или что еси пограбил или что оу людеи помано»).
[120] Там же. С. 91, 93, 99, 102, 104, 111, 114, 148.
[121] Там же. С. 91, 93, 141. Ср.: «А что... поимани будут мои люди в твоих городех, и в волостехъ, и в селехъ... воиною и грабежом» (ДДГ. С. 111).

Возможно, в оригинале московско-рязанского договора 1381 г. (грамота, как и прочие московско-рязанские докончания, дошла до наших дней в копии начала XVI в.) читалось не «грабеж и *поиманые*», а «грабеж и *поимание*», и речь, в таком случае, шла исключительно о захвате рязанцами имущества москвичей. Хронологическая привязка захвата «поиманых», если даже это не искажение архетипного текста докончания, и «грабежа» в московско-рязанском докончании 1381 г., «от того времени (битвы. – *А. Л.*)», может быть истолкована двумя способами, либо как имевшие место непосредственно сразу после сражения, либо в почти годовом временно́м промежутке между Куликовской битвой и заключением договора, то есть между 8 сентября 1380 и летом 1381 гг.

Если речь идет о тех самых грабежах сентября 1380 г., которые инкриминируются рязанцам ранними летописными рассказами о Куликовской битве и которые имели место во время возвращения армии-победительницы домой через владения Олега Ивановича, то непонятно, почему Дмитрий Иванович Московский собирается решать вопрос о них путем совместного, причем с «грабителями»-рязанцами, суда. Речь могла бы идти только о безоговорочном, в императивном порядке, возвращении того и другого, так же, как договором 1381 г. был установлен вассалитет Олега Ивановича и переведены в московское владение стратегически значимые территории Рязани, «место Тула» и «места Талица, Выползовъ, Такасовъ».

Возвращаясь к формуле о «суде вопчем» московско-рязанского договора 1381 г., необходимо вспомнить один очень важный факт. Докончание сохранилось только в рязанском варианте. Княжеские договоры, как известно, готовились в двух противенях, в нашем случае московском и рязанском, с соответствующей меной имен собственных, местоимений и пр. Если допустить, что в несохранившейся московской грамоте, предназначенной Рязани, формула «от того времени что грабеж или что поиманые у князя у великого люди *у Дмитрия* и у брата, князя *Володимера*, тому межи нас суд вопчии, отдати то по исправе» выглядела как «от того времени что грабеж или что поиманые у князя у великого люди у *Олга*, тому межи нас суд вопчии, отдати то по исправе» то есть содержала аналогичное обязательство Москвы Рязани, тогда понятно появление в тексте договора 1381 г. судебной процедуры как способа разрешения вопроса о «поиманых» и «грабеже», очевидно находившихся и у того, и у другого великих князей. В таком случае, надо думать, «поиманые» и «грабеж» не были результатом антимосковских действий Олега Ивановича сентября 1380 г. или, может быть, не только их.

В московско-рязанских договорах 1402 и 1447 гг. упоминаются два размена военнопленными, один по результатам, как полагают исследователи, московского похода на Рязанское княжество 1385 г., второй же вообще относящийся к итогам битвы московских и рязанских «ратей» при Скорнищеве в 1371 г.[122] – в обоих случаях речь идет об отпуске договаривающимися сторонами «полона» и снятии взаимных претензий по имуществу («а грабежу всему погреб») и никаких судебных процедур в связи с этим не предусматривалось. Бывало и так, что «полон», оказавшийся в распоряжении рязанской стороны, был результатом совпадения неких обстоятельств. В московско-рязанском договоре 1434 г. фигурирует московский «полон», захваченный в 1408 г. при погроме княжества, учиненном Едигеем и «запроваженный» и «запроданный» в Рязани, равно как и иной татарский «полон» договоров 1402 и 1483 гг., оказавшийся в Рязани после бегства пленников из Орды. Во всех случаях судьба «полона» также подлежала не суду, а безоговорочному возвращению «запроваженных» и «окупу» «запроданных»[123].

Рискнем предположить, что интересующую нас фразу договора 1381 г. надо понимать не как свидетельство антимосковских действий 1380 г. Олега Ивановича, а как следствие того, что через Рязань шли транзитные торговые пути на юг, в связи с чем, очевидно, возникали разнообразные имущественные коллизии. «А что князь великии Дмитрии и братъ, князь Володимеръ, билися на Дону с татары, *от того времени* что грабеж или что поиманые» может указывать на временной промежуток между 8 сентября 1380 г., Куликовской битвой, и датой заключения договора, летом 1381 г., когда в Москве и Рязани могли оказаться задержанные подданные великих князей и их имущество, судьбу которых теперь надлежало решать «вопчим судом».

В московско-рязанском договоре 1402 г. есть пункт, как правило, трактуемый как упоминание о Куликовской битве, по смыслу аналогичное тому, что включено в докончание 1381 г.: «А будет в твоеи отчине тех людеи, з Дону которые шли, и тех ти все отпустити»[124]. В «людях» великого князя московского, шедших «з Дону», видят учас-

[122] ДДГ. С. 144, 54.
[123] Там же. С. 86.
[124] Там же. С. 54.

тников сражения 8 сентября 1380 г., плененных рязанцами[125], хотя, повторимся, в ранних летописных рассказах о битве неблаговидные действия великого князя Олега Ивановича описываются как «переметывание мостов» и «грабеж», а о насильственном пленении подданных Дмитрия Ивановича не говорится вовсе.

Вообще выражение «идти с Дона» имеет устойчивый антоним «идти на Дон», употреблявшийся в документах XV в. по, так сказать, прямому назначению, применительно к тем, кто движется дорогами на юг и обратно, главным образом по торговым делам[126]. Видеть в этом положении договора 1402 г. эвфемизм, отсылающий к событиям Куликовской битвы, а не простое указание на урегулирование положения транзитных путешественников, по каким-то причинам задержанных рязанскими властями, нет, как представляется, особых оснований.

Теснейшим образом связанным с последствиями сражения на Куликовом поле считается требование одного из пунктов докончания 1381 г. «к Литве князю великому Олгу целование сложити»[127]. Следующее далее обязательство рязанского князя строить свою литовскую политику исходя из характера московско-литовских отношений приводилось выше, и в нем предусматривается возможность нового «взятия любви» Литвы и Рязани в том случае, если аналогичный договор в будущем свяжет Литву с Москвой.

Подлежащее «сложению» «целование» в историографии уверенно считается договором Олега Ивановича с великим князем литовским Ягайло Ольгердовичем[128], и если это так, то гипотетический литовско-рязанский договор был заключен не ранее 1377 г., года вокняжения Ягайло. В. А. Кучкин считает «целование» договора 1381 г. своеобразной «правовой основой» совместных антимосковских действий Литвы и Рязани лета 1380 г., юридически оформленным антимосковским союзом Рязани и Литвы.

[125] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 248–249; Ср.: «Район битвы глухо упомянут в договорах московских князей с рязанскими... 1381... и 1402 гг.». (*Хорошкевич А. Л.* О месте Куликовской битвы // ИСССР. 1980. № 4. С. 93).

[126] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и Турцией. С. 298, 314. Ср. предостережение Ивана III великой княгине рязанской внимательней следить за попытками ухода ее подданных «самодурью на Дон в молодечество». Цит. по: *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 202.

[127] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 344.

[128] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). С. 145–146; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 244–245.

Исследователь, правда, делает существенную оговорку: известие о Рязани и Литве – союзниках Мамая появляется только в летописных сводах новгородского происхождения, Новгородской IV и Софийской I летописях, в более же ранних Рогожском летописце и Симеоновской летописи об этом нет ни слова[129].

В отличие от Олега Ивановича, московский князь в 1381 г. с Литвой, точнее, с Ягайло никакими договорными отношениями связан не был[130]. Русские дипломаты более позднего времени были уверены, однако, что собственно и посольские связи между великими княжествами тоже начались ранее вокняжения Ягайло, при его отце, великом князе Ольгерде[131].

Действительно, именно при Ольгерде Литву и Москву связывали докончания дяди и отца Дмитрия Ивановича[132], а также его самого. В описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминается «докончальная грамота великого князя Ольгерда и братии ево князя Кестутья и великого князя Святослава Ивановича (Смоленского. – *А. Л.*) с великим князем Дмитрием Ивановичем и з братом ево со князем Володимиром Андреевичем, году не писано»[133]. Неясно, идет ли речь об известной московско-литовской грамоте 1372 г., правда, названной ее составителями не «докончалной грамотй», а «перемирьем и докончаньем»[134] или все-таки о каком-то ином, несохранившемся договоре. В том же архиве Посольского приказа, например, некогда хранились два документа, грамота князей-соправителей «к свату *их* (так! – *А. Л.*) к великому князю Ольгерду и к князю Кестутью» и докончание митрополита Алексея «с послы великого князя Олгерда, как они приходили к великому князю Дмитрию»[135]. Скорее всего, обе не дошедшие до нас грамоты связаны с браком Владимира Андреевича и сестры великого князя литовского Елены Ольгер-

[129] Там же. С. 262–263.

[130] Там же. С. 250.

[131] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1845. Ч. 2. С. 97 («почен от... великого князя Дмитрия Донского и от Олгерда короля»).

[132] На московско-литовских переговорах 1494 г. упоминалось о существовании договоров Ольгерда с великими князьями московскими Семеном и Иваном Ивановичами, факта чего литовская сторона не отрицала. Подробнее: *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за Смоленск и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 63.

[133] Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 34.

[134] «А на семъ перемирьи и докончаньи... целовали крестъ...». О датировке документа: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 149–153.

[135] Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 34.

довны[136], который мог, так или иначе, закреплять мирные отношения Москвы и Литвы.

Обратим внимание на два аспекта подлежащего расторжению в 1381 г. литовско-рязанского «целования». Во-первых, это было «целование к Литве», а не договор с одним великим князем. Именно так, собирательно, от имени не только своего, но и прочих здравствующих Гедиминовичей, Ольгерд заключил и вышеупомянутое перемирие с Москвой 1372 г., и договор с тверским князем, подлежавший расторжению в 1375 г.[137] Во- вторых, как и князья-соправители, московский и серпуховской, равно как и тверской князь, Олег Иванович был связан с Ольгердом кровно родственными узами. Сам рязанский князь был женат вторым браком на сестре литовского князя, Евфросинье[138], дочь же Олега Ивановича от первого брака, княгиня Анастасия Олеговна первым браком был замужем за князем Д. В. Друцким, вассалом Ольгерда, а вторым – за сыном Ольгерда князем Дмитрием-Корибутом[139].

Возможно, и само «целование», и рязанский брак сестры великого князя Ольгерда как-то были связаны с установлением в начале 60-х гг. XIV в. литовско-рязанской границы. В это время произошло окончательное поглощение бывших земель Черниговского княжества Литвой[140], и граница прошла где-то западнее р. Упы, в районе рязанского на тот момент «места Тула».

Так что, скорее всего речь в договре 1381 г. шла о расторжении «целования» Олега Ивановича не с Ягайло, а с Ольгердом. В связи с последним видеть в этом пункте московско-рязанского докончания доказательство наличия союза Ягайло и Олега Ивановича в год Куликовской битвы особых оснований нет.

Как помним, московско-рязанское докончание 1381 г. допускало заключение нового договора с Литвой, если таковой свяжет Дмитрия Ивановича с Ягайло. И такой московско-литовс-

[136] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. Ч. 1. С. 49–50.

[137] «А к Ольгерду ти, и къ его братьи, и къ его детем, и къ его братаничем целованье сложити» (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. С. 340).

[138] *Баумгартен Н. А.* К родословию последних великих князей рязанских // ЛИРО. М., 1907. Вып. 3 (11). С. 4.

[139] Там же; *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy od konca czernastego wieku. Warszawa, 1895. S.178; Варонiн В. Друцкия князi XIV стогоддзяi // Беларускоi гiстарычны агляд. 2002. № 1–2 (издание доступно в интернете по адресу: htpp//kamunikat.fontel.net/reww/czasopisy/bha/09-1-2/01.htm)

[140] *Шабульдо Ф. А.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 62.

кий договор после Куликовской битвы был заключен[141], но после вторичного прихода к власти в Литве Ягайло (осенью 1381–1382 гг. в Литве княжил Кейстут). Возможно, приготовления к несостоявшейся свадьбе Ягайло и дочери Дмитрия Ивановича, княжны Евдокии, лета 1382 г. были как-то связаны с этим договором[142]. В то же время никаких данных о возможном «взятии любви» после заключения договора лета 1381 г. между Ягайло с Олегом Ивановичем, теперь вассалом Москвы, источники не содержат, а уже в ноябре того же года Ягайло был отстранен от власти Кейстутом.

Возвращаясь к отражению в содержании договора 1381 г. последствий Куликовской битвы, отметим, что они, похоже, сводятся к двум принципиальным позициям.

Во-первых, установлен вассалитет Москвы над Рязанью. Во-вторых, к Дмитрию Ивановичу перешел контроль за двумя ключевыми в стратегическом отношении территориями Рязанского княжества, «местом Тула», контролирующим сухопутные пути между Доном и Окой, и «местами Талица, Выползовъ, Такасовъ», расположенными на водной магистрали. Ничего иного, касательно битвы, договор не содержит.

Докончание Дмитрия Ивановича Московского с Олегом Ивановичем Рязанским было заключено почти год спустя после Куликовской битвы, и как развивались в эти девять – одиннадцать месяцев отношения между княжествами, известно только из ранних летописных рассказов о битве. Из них следует, например, что после победы в сражении на Куликовом поле «поведаша» Дмитрию Ивановичу об антимосковских действиях рязанского князя, и «князь...велики про то въсхоте на Олга послати рать свою. И се внезапу... приехаша к нему (Дмитрию Ивановичу. – *А. Л.*) бояре рязаньстии и поведаша..., что князь Олегъ повергъ свою землю да самъ побежалъ и со княгинею и з детьми и с бояры и з думцами своими. И молиша его... дабы на них рати не слал, а сами биша ему челом и рядишася у него в ряд. Князь же великии... приим челобитие их... рати на них не посла, а сам поиде в свою землю, а на Рязанском княженье посади свои наместници»[143].

[141] «Тетрать ветха, а в ней писан список з грамоты докончалные Якгайловы с великим князем Дмитрием Ивановичем» (Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 34).

[142] Подробнее: *Флоря Б. Н.* Договор Дмитрия Донского с Ягайло и церковная жизнь Восточной Европы // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. Сб. статей. М., 2005. С. 233–237 (здесь же обоснование даты).

[143] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 140; Памятники Куликовского цикла. С.10.

В историографии летописный рассказ о событиях в Рязанском княжестве осени 1380 г. пользуется как безоговорочным доверием[144], так и вызывает справедливые сомнения. Скептично отнесся к нему А. В. Экземплярский, находивший летописный рассказ «странным»[145]. Не отвергавший в принципе это известие, А. Е. Пресняков отмечал, что оно «вызывает... недоумение»[146]. Наибольшее недоверие летописное известие вызвало у Д. И. Иловайского, не находившего здесь ни малейшей логики: «С какой стати вздумал... Олег нарочно ломать мосты... уже после победы? ...Такое намерение не имело никакого смысла и могло только навлечь беду на собственное княжество... Разве Дмитрий не мог знать о том (антимосковских действиях рязанского князя. – *А. Л.*) гораздо прежде и, воспользовавшись соединенными силами, отомстить вероломному князю? И если рязанцы изъявили покорность Дмитрию, а он послал к ним своих наместников, то каким образом мы находим Олега в Рязани, спокойно договаривающимся с Дмитрием? Нет сомнения, что истина сильно искажена в приведенном известии»[147].

Таким образом, если следовать летописной версии хода событий осени 1380 г., то она на самом деле порождает ряд недоумений.

Во-первых, о враждебных намерениях Олега Ивановича московский князь узнал, как ни странно, только после Куликовской битвы, несмотря на то, что к верховьям Дона армия под командованием Дмитрия Ивановича двигалась, равно как и назад, после победного сражения, землями Великого княжества Рязанского. Действия Олега Ивановича, грабежи, и «преметывание» мостов, направленные против победителей, выглядят глубоко абсурдными. Если бы они были предприняты до победного сражения на Куликовом поле, то тогда можно было бы говорить о попытке рязанского князя, в полном соответствии с обвинениями в его адрес в союзе с Мамаем, осла-

[144] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XV–XVI вв. М., 1960. С. 599–600; *Горский А. А.* Московско-ордынский конфликт 80-х гг. XIV в.: причины, особенности, результаты // ОИ. 1998. № 4. С.16. В. А. Кучкин полагает, что под «посажением наместницей» московского князя речь идет не о всем Рязанском княжестве, а только о примыкающих к Оке бывших рязанских волостях в районе впадения р. Лопасни, перечисленных в докончании 1381 г. (Памятники Куликовского цикла. С. 19). Но речь в летописной статье говорится не об отторжении части рязанского удела, а о, повторимся, бегстве Олега Ивановича за пределы княжества, что, в случае правоты рассказа, предполагало не частичное, а тотальное подчинение Рязани Москве с определением в бывший удел московских административных лиц.

[145] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. Т. 2. С. 587.

[146] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 409. Прим. 38.

[147] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 118.

бить боевой потенциал московских полков перед сражением. После Куликовской битвы такие действия теряли всякий смысл и неминуемо вели бы к ответным мерам со стороны Москвы.

Во-вторых, решение московского князя предпринять карательный поход стало каким-то необъяснимым образом заранее известно в Рязани, вызвав раскол в местной элите. Сам Олег Иванович с семьей и частью думы, бросив княжество, куда-то бежал[148], другая же часть «думцев» внезапно прибыла с целью переговоров о мире на встречу с московским князем и даже заключила с Дмитрием Ивановичем некий договор. Встреча эта имела место во время возвращения московского князя «в свою землю» т.е. еще до переправы через Оку. В таком случае и свидание бояр с Дмитрием Ивановичем, и принятие последним решения о походе на Рязань, и бегство Олега Ивановича должны были происходить тогда, когда московский князь и его армия находились еще на территории Рязани. И все это должно было произойти в течение приблизительно двух недель, что во всех отношениях выглядит необъяснимым[149].

В-третьих, после бегства Олега Ивановича в Рязанском княжестве было, как сообщает летописный рассказ, введено московское наместническое правление. Если так и было на самом деле, то речь, в таком случае, надо вести о фактической ликвидации осенью 1380 г. одного из крупнейших государственных образований Средневековой Руси.

Практика инкорпорации государственных образований в состав Великого княжества Московского действительно включала в себя, как и в летописном рассказе о судьбе Рязани в 1380 г., два взаимосвязанных акта: бегство прежнего суверена за границы княжения, очевидно, означавшее отказ от прав собственности на удел,

[148] Направление бегства Олега Ивановича ранние летописные тексты не указывают. В Сказании о Мамаевом побоище впервые появляется Литва, а в одной из поздних редакций памятника (печатный Синопсис. Киев, 1680 г.) рязанский князь бежал на «Род остров» – о. Родос в Эгейском море: *Лаврентьев А. В.* К истории верхнего Дона в XIV–XVI вв.// Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М.; Тула, 1999 (Гос. музей-заповедник «Куликово поле». Научные труды. Вып. 2). С. 53.

[149] Не увидевший в риторическом вопросе Д. И. Иловайского ничего странного, В. А. Кучкин, ссылаясь на ранние летописные рассказы о Куликовской битве, подчеркивает, что рязанская «сила» была послана Олегом Ивановичем на помощь Мамаю еще до сражения (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 247). Но даже если это так, то в любом случае рязанцы не присоединились к орде Мамая и «вступили в действие» почему-то только после разгрома «союзника» в сражении на Куликовом поле. Ср.: «Се бысть побоище септября в 8 день... Князь же великии Дмитреи Иванович... возвратися на Москву... Тогда поведаша князю великому, что Олегъ Рязаньскыи послал Мамаю на помощь свою силу и самъ на рекахъ мосты переметал» (Памятники Куликовского цикла. С. 10).

и назначение московских наместников. Так, в 1450 г. князь Дмитрий Шемяка бежал из своей столицы, Галича в Новгород Великий, «гражане же предашася» великому князю московскому Василию Васильевичу, «он же град омиривъ и наместникы своя посажав по всеи отчине тои»[150]. Аналогичным образом другой противник московского князя, Иван Андреевич Можайский в 1454 г., ожидавший военной кары «за... неисправление», «выбрався» из стольного Можайска «с женою и з детми и со всеми своими» и «побеже к Литве. А князь велики пришед к Можаиску взят его...и наместникы своа посадив, възвратися к Москве»[151]. Назначение великим князем Иваном III московских наместников в Новгород в январе 1478 г. означало фактический конец государственности вечевой республики, теперь становившейся московской «отчиной»[152], а бегство в Литву в 1521 г. великого князя рязанского Ивана Ивановича стало поводом для формальной ликвидации последнего удела на Руси[153].

Известны нечастые случаи присылки московских наместников в государственные образования, не влекшие за собой их ликвидацию. Летом 1367 г. московского князя посетили «послы... Новгородци... о миру с поклономъ и докончаша миръ с княземъ с великым». Вместе с возвращавшимися из Москвы послами Дмитрий Иванович «наместникы своя тогда послалъ... въ Новгородъ въ Великыи»[154]. В том же году, освободив сидевшего в заточении в Москве тверского князя Михаила Александровича, Дмитрий Иванович «отпусти его на удел», предварительно отняв Городок и передав его своему союзнику, Еремею Константиновичу, «а въ Гордке своего намесника посадили съ княземъ съ Еремеемъ»[155]. Но в данном случае наместники не заменили собой прежнюю власть, а всего лишь олицетворяли временный московский протекторат над территориями

Таким образом, летописный рассказ повествует о ликвидации в 1380 г. Великого княжества Рязанского и инкорпорации его в состав владений московского князя, что, как мы знаем, действительности не соответствует. Это случилось только в 1521 г, после, заметим, бегства в Литву последнего великого князя рязанского, Ивана Ивановича. Положения московско – рязанского договора 1381 г. недвусмысленно свидетельствуют о том, что Олег Иванович продолжал оставаться сувереном собственного княжения, хотя и ограниченным в правах и потерявшим две стратегически важные территории.

[150] ПСРЛ. Т. 25. С.271.
[151] Там же. С. 273.
[152] *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 249.
[153] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 155–156.
[154] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 85.
[155] Там же. Стб. 87.

Налицо, как представляется, значительный контраст представлений об отношениях Москвы и Рязани после Куликовской битвы, каковыми они рисуются из докончания, и памятников Куликовского цикла. При этом, разумеется, договор лета 1381 г. заслуживает бóльшего доверия хотя бы в силу того, что речь идет о юридическом документе. В таком случае, антирязанские инвективы летописных текстов и литературных памятников должны быть как-то объяснены.

Самые ранние летописные известия о Куликовской битве, повторимся, известны по Рогожской и Симеоновской летописям, общий протограф которых существовал к 1409 г., и восходящим к Новгородско-Сойфийскому своду 30-х гг. XV в. Новгородской IV и Софийской I летописям. Между 1382 г, когда московско-рязанское докончание перестало действовать, и 1402 г., годом кончины Олега Ивановича и заключения нового неравноправного договора между Москвой и Рязанью, совпавшими по времени с формированием ранних летописных рассказов о битве, московско-рязанские отношения, с точки зрения Москвы, были далеки от идеала: Олег Иванович смог не только дезавуировать неравноправный договор, но и проводил вполне самостоятельную, не зависящую от Москвы политику, которая вряд ли всегда находила понимание и поддержку в Москве[156].

Если заключение московско-рязанского договора имело место только в 1381 г. и почти год спустя после Куликовской битвы, и эта задержка не была связана с гипотетическим бегством Олега Ивановича из Рязани и последующим возвращением на удел, то она требует объяснения. Возможно, оно лежит в чисто канцелярской плоскости. Мы не знаем механизма выработки текстов окончаний, понятно только, что итоговый текст формировался в результате согласований, как на переговорах уполномоченных лиц, так и путем «ссылок», требоваших определенного времени.

О «технологии» выработки взаимоприемлемого текста можно, с известной долей условности, судить по взаимоотношениям Москвы и Бахчисарая в конце XV в. Изначально существовало два-три варианта текста, обсуждавшиеся во время взаимных визитов дипломатов, в других случаях проекты договоров возили на

[156] См. гл. 4 настоящего издания.

согласование из столицы в столицу гонцы, послы же отправлялись заключать договор только по получении сигнала о готовности сделать то же самое другой стороной, и пр.[157] Все это предполагало как определенное время, необходимое для согласования позиций сторон, так и наличие лиц, в этих переговорах участовавших. И здесь уместно вспомнить имя преп. Сергия Радонежского.

Не ранее конца мая того же 1381 г. в Москве митрополит Киприан и преп. Сергий Радонежский крестили родившегося «тоя же весны» сына серпуховского князя, Ивана Владимировича[158]. Троицкий игумен был духовником серпуховского князя-героя Куликовской битвы, а сам монастырь располагался в его уделе[159]. Год заключения договора совпал с пиком политического влияния Владимира Андреевича, формально держателя всего лишь Серпуховского и Боровского уделов, в московско-рязанском договоре, тем не менее, выступившего «стареишим» князем по отношению к великому князю Олегу Ивановичу[160]. Не будет большим преувеличением предположить, что возможно к московско-рязанским переговорам, завершившимся заключением договора 1381 г. был причастен преп. Сергий Радонежский. Позднее преподобный старец прямо участовал в налаживании мирных отношений между Москвой и Рязанью (подробнее см. гл. 3 и Приложение к настоящей книге).

Таким образом, неучастие Олега Ивановича в Куликовской битве 8 сентября 1380 г., резкий подъем политического влияния Дмитрия Ивановича после сокрушительного разгрома Мамая, впервые вывели Москву в число политических субъектов, имеющих не локальные, вроде овладения небольшими приокскими волостями, а гораздо более значимые стратегичекие интересы вдалеке от Москвы, в Окско-Донском регионе. Дальнейший ход событий показал, однако, что до реализации этих планов было далеко. Политический потенциал ключевого игрока в регионе, Великого княжества Рязанского, во всяком случае, при жизни Олега Ивановича, еще не был исчерпан, что и показали дальнейшие события.

[157] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногоайскою ордами и Турцией. С. 1–2, 4, 19–21 и др.

[158] ПСРЛ. Т.1 5. Стб. 142.

[159] *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский и «Филофеевский крест» // Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С.19; *Он же.* Сергий Радонежский и борьба за митрополичью кафедру всея Руси в 70-е – 80-е гг. XIV в. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 354, 359; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в сеоредине XIV – первой половине XV вв. С. 191.

[160] *Хорошкевич А. Л.* К взаимоотношениям князей московского дома во второй половине XIV – начале XV вв. // ВИ. 1980. № 6. С.174.

ГЛАВА 2

ПОСЛЕДНЯЯ МОСКОВСКО-РЯЗАНСКАЯ ВОЙНА. ОТ ТОХТАМЫША ДО КОЛОМНЫ 1382–1385

Признание в докончании 1381 г. за Олегом Ивановичем статуса «брата молодшего» московского князя и его обязательство действовать в согласии с Дмитрием Ивановичем относительно татар, «литвы» и русских князей, казалось, привязывало все последующие внешнеполитические шаги Рязани к Москве. Ход дальнейших событий показал, однако, что и московское «стареишинство», и прочие пункты обязательств 1381 г. были быстро забыты как Рязанью, так и Москвой. Более того, четыре с половиной года спустя после Куликовской битвы Рязань полностью вернула себе суверенитет и территории Окско-Донского междуречья в результате военных действий. Вооруженное противостояние Москвы и Рязани через два года после Куликовской битвы и через год после заключения неравноправного договора, охарактеризованное докончанием 1402 г. как «нелюбье», стало своеобразным «побочным продуктом» набега на Москву ордынского хана Тохтамыша.

Сам набег в исходе лета 1382 г., достаточно подробно описанный в летописях[1], завершился не только сожжением татарами Москвы и Серпухова, столиц уделов Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата и союзника Владимира Андреевича, но и

[1] ПСРЛ. М., 2000.Т. 4. Ч.1. С.327, 330; ПСРЛ. Т. 15. Стб.144–146; М.2007. Т. 18. С.132–133; М. 2004. Т. 25. С.207–210; Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV вв. С. 190–207. *Салмина М. А.* Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 134–136. Правда в новейшей работе М. А. Салмина приходит к парадоксальному заключению о создании Повести в XVI в. в Западной Руси; под взятием Москвы в ней описан захват Полоцка армией Ивана Грозного (1562): *Салмина М. А.* Летописная Повесть о нашествии Тохтамыша (к вопросу о времени создания памятника) // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 193–196.

Рязани, причем вскоре, «на ту же осень» вторично разоренной, на этот раз московской ратью и с еще бóльшей жестокостью, чем Тохтамыш: «Землю всю (рязанскую. – *А. Л.*) до остатка взяша... и пусту сотвориша, пуще ему (Олегу Рязанскому. – *А. Л.*) и татарьские рати»[2].

Причиной разгрома Рязанского княжества московскими войсками в историографии считается нарушение Олегом Ивановичем договора 1381 г.[3] Обвинение в адрес рязанского князя, ставшее поводом для ответных, по мнению летописца, действий Москвы, сводится к двум пунктам: встретив Тохтамыша «близ предел Рязаньскиа земли», Олег Иванович, во-первых, «обведе царя около своеи отчины» и, во-вторых, «оуказа емоу вся (! – *А. Л.*) броды, сущаа на реце на Оке». Инвектива, надо сказать, выглядит сомнительно, на что уже обращалось внимание в историографии[4].

Если следовать летописному изложению событий, то дело надо понимать так, что Олег Рязанский как-то убедил, наверняка небескорыстно, Тохтамыша следовать к Оке, минуя собственный удел. С этой точки зрения совершено неясно, в чем же собственно заключалось нарушение Рязанью буквы договоренностей докончания 1381 г.

Московско-рязанское докончание на самом деле содержало, как помним, пункт об обязательном участии Рязани, в случае конфликта Москвы и Орды, в совместных военных действиях, инициатива в ведении которых, однако, должна была исходить от «брата стареишего», Дмитрия Ивановича. Неожиданность нападения Тохтамыша (буквально накануне появления татар под Москвой о грядущем набеге даже не догадывались[5]) сняла с повестки дня вопрос о совместном отпоре, что, заметим, Олегу

[2] Появление этого летописного известия, равно как и рассказа о предательстве нижегородских князей, о котором ниже, М. А. Салмина связывает с составлением так называемой пространной редакции повести, вторичной по отношению к более раннему рассказу краткой редакции (*Салмина М. А.*. Повесть о нашествии Тохтамыша С. 147–148), однако И. Б. Греков считает изложение событий пространной редакции «более достоверным» (*Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв). С.157. Прим.)

[3] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 120; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С.270.

[4] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 228–229; *Селезнев Ю. В.* «А переменит Бог Орду...» (Русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв.). Воронеж, 2006. С. 42–43.

[5] В. А. Кучкин обратил внимание на то, что еще 14 августа, за десять дней до появления Тохтамыша под стенами Кремля, в Москве проходили торжества по случаю рождения и крещения сына великого князя, Андрея Дмитриевича (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 246).

Ивановичу в вину и не ставилось – ставилась, выражаясь современным языком, нелояльность Москве.

Можно, правда, предположить, что помимо московско-рязанского договора лета 1381 г. между князьями существовали какие-то другие договоренности о совместном отпоре Орде, не зафиксированные докончанием. Возможно, речь идет о результатах княжеского съезда ноября 1381 г., как полагают исследователи, собранного Дмитрием Ивановичем для укрепления единства Руси в связи с угрозой ордынского нашествия, на котором должен был присутствовать и Олег Иванович Рязанский[6].

Хорошо известная источникам XVII в. татарская сакма, ведущая от левобережья нижнего течения Волги к правобережью Верхнего Дона, которой в 1382 г. воспользовался Тохтамыш[7], действительно выводила нападающих «близ предел Рязаньскиа земли». Эти «пределы» в соседстве с владениями Олега Ивановича были территориями, примыкавшими к Рязанскому княжеству с запада. Скорее всего, речь надо вести о «месте Тула» докончания 1381 г., с лета этого года принадлежавшем, как помним, Москве и, возможно, имевшего выход к правому берегу Оки. Единственным городом на левобережье реки, разоренным татарами во время движения к столице московского князя, был Серпухов («царь же, перешед реку Оку и преже всех взя град Серпохов... и оттуду... поиде к Москве»). Вблизи Серпухова Тохтамыш собственно и форсировал Оку[8].

Ситуация с переправами через Оку также дает основания отнестить к обвинениям Олега Ивановича скептически. Она хорошо известна по документам XVI в.: и два столетия спустя река оставалась естественным рубежом «от Поля», охранявшимся от вторжений крымских татар. Русский географический справочник, Книга Большому чертежу, знает единственный брод через Оку, «брод Быстрой» в верховьях реки недалеко от г. Кромы, «а в тот брод лезли татаровя, как 79 году (1571. – *А. Л.*) шел царь (крымский хан Девлет Гирей – *А. Л.*) под Москву»[9]. Других бродов ниже по течению на Оке не существовало – имелись «перевозы», места, приспособленные для переправ[10], причем

[6] См. Приложение к настоящему изданию.

[7] *Селезнев Ю. В.* «А переменит Бог Орду...». С. 43.

[8] *Симсон П.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще отечественною историею. М., 1880. С. 32.

[9] Книга Большому чертежу. Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л. 1950. С. 114–115.

[10] Ср.: «А на усть реки Хопра на Дону перевоз – брод татарской» (Книга Большому чертежу. С. 84).

всего два – один в районе впадения в Оку р. Черепеть[11], второй же действительно в районе Серпухова. «Перевоз от Серпухова дорога на Тулу», известный по разрядным книгам XVI–XVII вв. как *Сенькин брод или Сенькин перевоз*, замыкает целую цепочку бродов через реки правобережья окского бассейна, «а ходят в тот брод татарове, как бывает царев ход мимо Тулы... лазят... выше Тулы верст 8 реку Шат, а перелезши Шат и речку Шиворонь, лазят реку Упу» [12]. Не случайно именно у «Сенкина перевоза» для «бережения» в XVI в. специально выставлялся «полк левой руки» берегового разряда[13]. Многие годы спустя, когда «береговая служба» в Российском государстве канула в вечность, а охраняемые рубежи «от Поля» ушли далеко на юг, «перевоз у Серпухова» продолжал оставаться в сознании современников «обычной переправой татар»[14]. Понятно, что он служил не толькоь военным целям – в 1570 г. здесь действовал «мыт» («Сенкин мыт»), собиравший налоги с тех, кто пересекал Оку по торговым надобностям[15].

Ситуацию с «бродами» на Оке подтверждают документы Разрядного приказа, относящиеся к весне 1572 г., когда на Руси готовились отразить нападение крымцев. Были спешно перекрыты надолбами «перелазы гладки да мелки», находившиеся выше Жиздры и «на Угре на устье, от устья вверх» т.е. в верхнем течении Оки; среднее течение, где не было бродов, просто патрулировалось, и Орда форсировала реку выше упомянутым «Сенкиным перевозом» в районе Серпухова, которым в течение одной ночи на левый берег переправилось несколько десятков тысяч человек[16]. Как видим, собственно броды на Оке находились только в верхнем течении реки, вдалеке от исторических границ Рязани, возможность же для удобного форсирования имелась только одна, в районе Серпухова. Судя по всему, этой переправой воспользовался в 1382 г. и Тохтамыш, который вряд ли нуждался в рязанском князе – проводнике к единственному «перевозу», несомненно, не бывшему ни для кого секретом.

[11] Он размещался на дороге, связывавшей Калугу и Орел (Книга Большому чертежу. С. 119–120).

[12] Книга Большому чертежу. С.59.

[13] Разрядная книга 1495–1605 гг. Т. 1.Ч. 3. М., 1978. С. 508, 510.

[14] *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. М., 2007. С. 126–127.

[15] Синбирский сборник. Изд. Д. Валуев. Т. 1. М., 1844. С. 26, 28.

[16] Документы о сражении при Молодях в 1572 г. Подгот. В. И. Буганов // Исторический архив. 1959. № 4.
С.170–171, 179.

Таким образом, вряд ли речь шла о нарушении Олегом Ивановичем обязательств докончания 1381 г. Не исключено, что, кроме последнего, существовали и еще какие-то не зафиксированные договором обязательства Рязани по участию в совместном с Москвой отпоре Орде, установленные осенью 1381 г. на княжеском съезде, в котором, очевидно, принимал участие и Олег Иванович[17].

Непросто объяснить и последовавший после сожжения татарами Москвы и других городов княжества разгром Переяславля Рязанского, вотчинной столицы Олега Ивановича, вчерашнего «благодетеля» и едва ли не союзника, если верить летописной повести, Тохтамыша. В историографии его традиционно связывали с обычным коварством степняков[18]. В то же время И. Б. Греков и А. А. Горский тонко подметили, что удары ордынцев по русским городам носили избирательный характер[19], и с этой точки зрения уничтожение Переяславля Рязанского выглядит необъяснимым исключением.

Еще один существенный момент московско-рязанского «нелюбья», сопровождавшего набег 1382 г. Кроме Рязани Дмитрий Иванович Московский мог предъявить, но не предъявил, претензии, причем реальные, еще двум великим князьям, Дмитрию Константиновичу Нижегородскому и Михаилу Александровичу Тверскому.

Первый ранее всех на Руси узнал о появлении Тохтамыша, но также, как и Олег Иванович, не поспешил оповестить о появлении татар московского князя. Надо сказать. что всего пятью годами ранее, в 1377 г., когда «ополчилися иноплеменници ити

[17] См. Приложение к настоящему изданию.

[18] Так объяснял разгром Рязани, например, Д. И. Иловайский («На возвратном пути... татары прошли по Рязанской земле с своими обычными спутниками, грабежом и разорением»: *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 120; Ср.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 108.). Особняком стоит мнение И. Б. Грекова (*Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв. С. 163) полагавшего, что Рязань была сожжена в отместку за заключение договора 1381 г., т.е. как союзница Москвы, что во всех отношениях не представляется логичным.

[19] Ордой были сожжены Москва и Коломна – центры вотчинных владений Дмитрия Ивановича, Серпухов – его союзника и соправителя Владимира Андреевича и Переяславль-Залесский – город, очевидно данный в наместничество литовскому князю Остею, внуку Ольгерда, служившему Москве и возглавившему оборону города от Тохтамыша (*Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). С. 163; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 106–107). Кроме того, через Переяславль Залесский «а оттуду... мимо Ростовъ на Кострому» из Москвы бежал сначала сам Дмитрий Иванович, а несколько дней спустя великая княгиня Евдокия Дмитриевна с детьми. Возможно, целью Тохтамыша в Переяславле-Залесском был захват великокняжеской семьи, о дальнейшем маршруте движения которой на север хан мог не знать.

на Русьскую землю на Новгородъ на Нижнеи», Дмитрий Константинович не нашел никаких препятствий для того, чтобы послать «весть» о татарском набеге «ко князю к великому Дмитрию Иванович[у] на Москву»[20].

Итак, не известив московского зятя о приближении татар, нижегородский князь послал к хану, с той же целью, что несколько позднее и рязанский, отвести удар от своих владений, двух сыновей, князей Василия и Семена Дмитриевичей. Оба нижегородских князя, нагнавшие Тохтамыша где- то близ Оки, вынуждены были сопровождать ордынцев до Москвы. После четырехдневной безуспешной осады каменного Кремля хан, как известно, начал с москвичами переговоры, пообещав уйти из-под Москвы после того, как осажденные откроют ворота и выразят покорность; согласившиеся на эти условия горожане были обмануты, татары сожгли Москву, перебив население и ограбив город[21]. Понятно, почему осажденные отнеслись с доверием к мирным предложениям Тохтамыша: гарантами на переговорах с ханом выступили нижегородские шурины, братья жены Дмитрия Ивановича («имите веру нам, мы есме ваши князи крестьянстии, вам на том правду даем»). Таким образом, ближайшие родственники великого князя, пусть и невольно, способствовали разгрому и сожжению Москвы.

При этом Нижний Новгород не был разгромлен, как Рязанские земли, Москвой. Более того, действия тестя и шуринов московского князя, похоже, если и испортили отношения Дмитрия Ивановича с нижегородской родней, то только на время. Предательское, по характеристике В. А. Кучкина, поведение нижегородских князей лишило их отца поддержки московского зятя[22]. Однако уже в 1386 г. нижегородцы приняли участие в походе коалиционной армии под руководством Дмитрия Ивановича на Новгород[23]. А еще через год один из виновников сожжения и разгрома Москвы, Василий Дмитриевич Кирдяпа вместе с братом, как и он клявшимся в 1382 г. москвичам в мирных намерениях Тохтамыша, овладел столицей удела, отняв его у дяди, князя Бориса Константиновича с помощью московских полков, данных братьям Дмитрием Ивановичем Московским[24].

[20] Цит. по: *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. С. 326.

[21] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 326–339; Т. 5. Стб.43–146; Т. 18. С. 131–133; Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV вв. С. 190–207.

[22] На это, как полагает В. А. Кучкин, указывает распря за нижегородский «стол», вспыхнувшая вслед за нашествием Тохтамыша (*Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1977. С. 250).

[23] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 342.

Что же касается позиции Твери, то в год набега Тохтамыша на Русь, кроме Олега Ивановича Рязанского, формальным обязательством воевать на стороне московского князя был связан и тверской князь Михаил Александрович. Но в московско-тверском докончании 1375 г. это положение было сформулировано для Твери жестче и определеннее, чем такое же обязательство Рязани докончания 1381 г.: если в последнем, в качестве условия выступления Олега Ивановича на помощь Москве речь шла только о «немире» с татарами, который можно было бы понимать достаточно широко, то в московско-тверском договоре 1375 г. напрямую говорится об обязанности Твери участвовать в отражении набегов Орды («а поидут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобе с одиного всем противу них»[25]).

Тем не менее, в 1382 г. тверской князь не только не вмешался на стороне Москвы в конфликт[26], но наоборот, отправил к «царю (Тохтамышу. – *А. Л.*)» своего посла, отпущенного из ханской ставки в Тверь «с жалованьем к великому князю Михаилу, с ярлыкы»[27]. И в этом случае ни о каких репрессивных шагах Москвы по отношению к нарушителю договора неизвестно.

Таким образом, рязанский князь оказался единственным «ответчиком» за последствия набега Тохтамыша. Если, по справедливому замечанию А. А. Горского, набег 1382 г. при всех тяжелейших потерях, все-таки не стал для Великого княжества Московского катастрофой[28], то для Рязани, безусловно, стал,

[24] Там же. С. 95; Т. 18. С. 137.

[25] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 340. На разницу в формулировках договоренностей московско-тверского (1375) и московско-рязанского (1381) докончаний относительно совместных военных действий против Орды обратил внимание А. А. Горский (*Горский А. А.* Москва и Орда. С. 102).

[26] Похоже, ситуация 1382 г. не была уникальной. Несмотря на приведенное обязательство, тверичи не приняли участия ни в одной из военных операций коалиции русских князей под руководством Дмитрия Ивановича второй половины 70–80-х гг. XIV в., ни в сражениях на Пьяне и Воже, ни в литовском походе 1379 г., ни в Куликовской битве, ни в походе на Новгород Великий 1386 г.: *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 218, 221, 223.

[27] ПСРЛ. Т.15. Стб. 433, 436, 442.

[28] *Горский А. А.* Московско-ордынский конфликт начала 80-х гг. XIV в.: причины, особенности, результаты // ОИ. 1998. № 4. С. 17; *Он же.* Москва и Орда. С. 106–107, 113.

причем двойной, татарской, а затем московской, разделенных во времени едва ли не несколькими неделями[29]. Совершенно очевидно, что удар осени 1382 г. по Рязани, ранее уже обращенной в пепел Тохтамышем, не имел для Москвы никакого стратегического смысла и не мог преследовать цели захвата добычи.

Нападение явилось полной неожиданностью для Олега Ивановича, второй раз в течение короткого времени вынужденного бежать из Переяславля Рязанского. В практике межкняжеских отношений существовала некая форма денонсации договоров, «сложение целования» с официальным оповещением об этом одной из сторон[30], в данном случае очевидно Москвой не использованная. В итоге московско-рязанское докончание 1381 г., содержавшее, кроме всего прочего, обязательство о взаимном «соблюдении» уделов, в том числе, разумеется, и Москвою рязанского, невозможно было считать действующим уже год с небольшим спустя после его заключения.

В начавшемся «нелюбье» ответный ход рязанского князя, теперь явно не скованного никакими обязательствами перед Москвой, последовал только через три года, однако он оказался более чем эффективным. Весной 1385 г., несмотря на особо подчеркнутое докончанием 1381 г., обязательство Олега Ивановича «блюсти» вотчину Дмитрия Ивановича, Коломну и «все московские волости Коломенские»[31], рязанцы «изгоном» захватили южный форпост Великого княжества Московского, город, представлявший исключительное стратегическое и хозяйственное значение[32].

Московско-рязанское «нелюбье» 1385 г. потерялось на фоне грандиозных событий предшествующих лет – Куликовской битвы и кровавого набега Тохтамыша, оставшись в сознании современников событием «местного значения». Военный конфликт из-за Коломны не нашел отражения ни в тверских, ни в новгородских, ни в псковских летописях, под этим годом рассказывающих исключительно о региональных

[29] В Никоновской летописи указан месяц, когда состоялся поход московских полков на Рязань – сентябрь (ПСРЛ. Т. 11. С. 72).

[30] Ср.: «Того же лета князь велики Дмитреи Ивановичъ посла во Тферь и сложи целованье ко князю Михаилу Александровичю и...послав рать, повеле воевати села и волости около Твери» (ПСРЛ. Т. 25. С. 185). Ср.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 433–434.

[31] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 343.

[32] ПСРЛ. Т.15. Стб. 150.

делах. И только в московских летописных сводах «нелюбье» получило отражение[33].

Краткий летописный рассказ сводится к тому, что 25 марта 1385 г. рязанцы под руководством великого князя Олега Ивановича неожиданно, «изгоном» захватили город, взяв в нем большую военную добычу и уведя в плен в Рязань коломенского наместника с «прочими бояры» и «лутчими («лепшими») мужами». Однако уже к концу года, «на Филипово говение», конфликт был исчерпан, причем мирным путем. По просьбе московского великого князя Дмитрия Ивановича в Рязань, послом к Олегу Ивановичу ходил преп. Сергий Радонежский, благодаря которому «нелюбье» завершилось заключением «мира вечного» между противоборствующими сторонами[34]. В долгой и непростой истории московско-рязанских отношений события 1385 г. вокруг Коломны действительно стали последним вооруженным противостоянием[35], а «мир вечныи», кроме прочего, даже способствовал возрождению в Рязани, при участии московских зодчих, великокняжеского каменного строительства, прерванного на полтора столетия татаро-монгольским погромом[36].

Несколько забегая вперед, отметим еще одно важное наблюдение, зафиксированное в отечественной историографии относительно конфликта 1385 г. вокруг Коломны и его мирного разрешения. Очевидно, в результате мирных переговоров была достигнута договоренность о возвращении Рязани Тулы в обмен на захваченную Коломну[37]. Действительно, в договорах, заклю-

[33] Единственное исключение – лаконичное упоминание «нелюбья» («князь резаньскыи взя Коломну») в белорусско-литовском летописании, помещенное в тексте Супрасльской летописи дважды, под 1384 и 1387 гг. (ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 50). Такое же краткое сообщение Устюжской летописи («того же лета Ольг Рязаньскии взял Коломну город» – ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 78), возможно, заимствовано из тех же литовских источников, активно использовавшихся составители Устюжского свода (*Сербина К. Н.* Устюжское летописание XVI–XVII вв. Л., 1985. С. 54–55).

[34] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 150–151.

[35] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 282; *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 121–122; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 168.

[36] Первый великокняжеский каменный храм Переяславля Рязанского, столицы княжества после Батыева нашествия, строился в связи с установлением мира 1385 г., причем московскими мастерами (*Вагнер Г. К.* Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяславля-Рязанского // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л. 1960. С. 176).

[37] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 411. Прим. 49; *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. С. 105.

ченных после примирения Дмитрия Ивановича Московского и Олега Ивановича Рязанского их наследниками, докончаниях 1402, 1434 и 1447 гг., неизменно подчеркивается принадлежность Тулы Рязани, в то время как в первом сохранившемся московско-рязанском докончании, 1381 г., заключенном за четыре года до конфликта вокруг Коломны, Тула – бывшее рязанское владение, отошедшее Москве, о чем писалось выше. Относительно статуса Тулы московско-рязанского договора 1402 г. высказывалось и иное мнение, о нейтральном, не московском и не рязанском, характере территории[38], что в нашем случае дела не меняет. Возвратиться в состав Рязанского княжества или стать впервые рязанской Тула могла, так или иначе, только с согласия Москвы, что и произошло, очевидно, в результате московско-рязанского примирения 1385 г.

А. Б. Мазуров предложил гипотетическую реконструкцию пунктов «мира вечного» Дмитрия Ивановича Московского с Олегом Ивановичем Рязанским, среди которых был возврат рязанскому князю Тулы в обмен на признание Коломны вотчиной Дмитрия Ивановича[39]. Даже если договор 1385 г. и не был оформлен письменно[40], с таким предположением надо, с несущественными оговорками, согласиться[41]. Но справедливым оно будет только в том случае, если великий князь рязанский, после нападения на Коломну марта 1385 г., присоединил ее к своим владениям, сделав государственную принадлежность Коломны предметом торга на переговорах с московским князем конца этого года. Между тем, летопись ничего не сообщает о судьбе города после мартовско-

[38] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. С. 41, 52. В другой, более поздней работе, В. Л. Егоров уже справедливо отмечает принадлежность по договору 1402 г. Тулы рязанскому князю, но считает, что случилось это не в 1385 г., а не ранее 1389 г., в княжение в Москве великого князя Василия Дмитриевича (*Он же.* О времени возникновения Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 32–33). К таким же, с некоторыми оговорками, выводам пришел и В. А. Кучкин (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 257–258).

[39] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. С. 105.

[40] На его существовании настаивал А. Е. Пресняков (*Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 167–169).

[41] А. Б. Мазуров полагает, что Москва вернула Рязани в 1385 г. не только Тулу, но и Берестей, однако последний впервые в связке с Тулой («Тулцы и Берестеи») упоминается только в договоре 1402 г. (ДДГ. С.53), в московско-рязанском же докончании 1381 г. речь идет только о «месте Тула» (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 342–343). Что касается признания Коломны московской вотчиной, то Олег Иванович сделал это уже , как минимум в 1381 г. (См. гл. 1 настоящей публикации).

го «изгона», а в историографии высказывалось убеждение, что «Олег вскоре оставил разоренную Коломну, не надеясь удержать ее за собою»[42].

Вообще вне поля зрения остается целый ряд вопросов, связанных с московско – рязанским конфликтом 1385 г. вокруг Коломны. Среди них – и стратегические цели захвата Олегом Ивановичем одного из самых значимых московских владений, и разнообразные условия, приведшие к успеху этой, без сомнения неординарной с военной точки зрения операции, и ряд обстоятельств выхода из конфликта. Не менее любопытно проследить и корни конфликта вокруг Коломны 1385 г., как представляется, впрямую не связанные с соперничеством двух князей за город на левобережье Оки.

Напомним, что Коломна, изначально владение рязанских князей, перешла к Москве, скорее всего, еще в начале XIV в.[43], став очередной потерей рязанских Рюриковичей на левобережье Оки. При этом летописи не сообщают ни об одной попытке Рязани в течение почти восьми десятилетий вернуть Коломну, в отличие от, например, Лопасни – «Лопастны» русских источников. Бывшую рязанскую волость, захваченную, как и Коломна, Москвой, судя по всему также в начале XIV в., рязанцы пытались вернуть вооруженным путем в 1353 г.[44]

К моменту нападения отрядов Олега Ивановича на Коломну отношения между княжествами, казалось бы, регулировались докончанием 1381 г. В договоре, заключенном почти год спустя после Куликовской битвы, присутствует обязательство рязанского князя «блюсти» домениальные владения Дмитрия Ивановича, причем отдельный пункт посвящен собственно московскому уделу и отдельный – Коломне и Коломенскому уезду, «блюсти...Москвы и Коломны и всех московских волостеи и волостеи коломенских, что ся потягло к Москве и къ Коломне

[42] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 120.

[43] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. С. 92–99; *Хорошкевич А. Л.* Московское княжество в XIV столетии. Некоторые особенности развития // Куликово поле: Истории. Природа. Археология. Тула, 2003. Т. 2. С. 155. Отличное от общепринятого мнение о дате вхождения Коломны в состав Великого княжества Московского, 1427 г., высказал К. А. Аверьянов (*Аверьянов К. А.* Московское княжество Ивана Калиты. М., 1994. Вып. 3. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. С. 3–20).

[44] *Темушев В. Н.* Борьба за Лопастну между Москвой и Рязанью С. 45–51. В. Н. Татищев полагал, что сражение 1371 г. при Скорнищеве, в котором московские воеводы разбили армию Олега Ивановича, имело место из-за «Лопастны» (*Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 5–6. С. 123–124).

по реку по Оку»[45]. В любом случае взаимная договоренность о признании границ и ненападении («а вотчины вы моее блюсти, а не обидети. А мне вашие вотчины блюсти, а не обидети») дефакто, как и весь договор, перестала действовать уже в начале осени 1382 г. Возвращаясь к событиям весны–зимы 1385 г., связанным с захватом рязанцами Коломны, отметим, что Олег Иванович определенно чувствовал себя свободным от обязательств по договору 1381 г. «Изгон» был ответом на московский погром княжества начала осени 1382 г.

Нападение увенчалось полным успехом как будто бы потому, что было коварно предпринято рязанцами на праздник, совпавшие в этом году Благовещение и великопостную Лазареву субботу[46] – злодеяние, за которое Олегу Ивановичу, как полагал А. К. Зайцев, якобы даже грозило отлучение от церкви[47]. Но, похоже, сам по себе церковный праздник нисколько не был препятствием для ведения военных действий не только для рязанского князя, но и для московского, равно как и для его ближайших потомков.

В 1386 г., например, Дмитрий Иванович с двоюродным братом и соправителем, серпуховским князем Владимиром Андреевичем «прииде ратию к Новгороду» в канун одного из важнейших праздников христианского календаря, «в Филипов пост перед Рождеством Христовым»[48] (подробнее о новгородском походе, как представляется, определенным образом связанном с коломенскими событиями 1385 г., ниже). В ночь под тот же праздник Рождества Христова 1446 г. бояре московского и тверского князей «изгоном» захватили Москву, едва не пленив князя Дмитрия Шемяку, в этот момент стоявшего всенощную в Успенском соборе Кремля[49]. А девятью годами ранее другой воевода великого князя московского Василия Васильевича, князь Г. И. Оболенский с «десятильником» ростовского митрополита (!) И. Булатовым

[45] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 342–343.

[46] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. С. 102–103

[47] *Зайцев А. К.* Памятники Куликовского цикла и летописная повесть «О побоище иже на Дону» // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. М., 2005. (Труды ГИМ. Вып. 150). С. 53–55. Автор апеллирует к авторитету константинопольского патриарха Филофея, якобы осуждавшего военные действия в Лазареву субботу под угрозой отлучения от церкви, однако почему-то отсылает читателя к публикации трех анонимных архиерейских поучений XIII в., ни в одном из которых указанный вопрос не трактуется (Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. (РИБ. Т. 6). Стб. 102, 108, 122).

[48] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 342.

[49] ПСРЛ. Т. 25. С. 268–269; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 320.

планировали убийство брата Шемяки, князя Василия Юрьевича Косого не более не менее как «на порании Велика дни на заутрени» т.е. во время пасхальной службы[50].

Дело, похоже, заключалось не столько в легендарном коварстве рязанского князя, сколько в определенном расчете. Совершенно очевидно, что после «двойного», татарского и московского, разгрома Рязани в 1382 г. и понесенных в ходе военных действий людских потерь от Олега Ивановича просто не ожидали сколько – нибудь серьезной военной угрозы. Кроме того, и без учета потерь 1382 г. понятно, что людские ресурсы Рязани и ее немногочисленных союзников были несопоставимы с московскими. Если Олег Иванович и решился пойти на атаку Коломны, то речь в любом случае не могла идти о долгой осаде, но только о неожиданном, хорошо просчитанном нападении малыми силами. Столь же очевидно, что военный потенциал Рязани вряд ли давал возможность удержать захваченную Коломну в случае осады ее московскими полками. Смысл и задачи «изгона» становятся понятными в связи с ответом на вопросы, почему ответное нападение последовало только в 1385 г., три года спустя и случайной ли здесь была дата рязанского «изгона», 25 марта.

Что касается месяца и даты нападения на Коломну, то успех операции, так или иначе, зависел от того, насколько атакующей стороне удастся незаметно форсировать Оку, московско-рязанский пограничный рубеж, явно пребывавший под неусыпным наблюдением. Начало весны как время атаки, разумеется, бюыл выбрано не случайно.

Гипотетическая попытка переправы рязанцев через Оку летом натыкалась на ряд непреодолимых природных факторов. В принципе «перелезть» реку в теплое время года, наверное, не было проблемой, если бы не тщательное наблюдение за правым берегом с московской стороны. На Оке ниже Серпухова по течению иногда намывались, например, «мелкие места» и «броды», которые тщательно «дозирались» московскими чинами, регулярно промеривавшими фарватер[51] и, надо думать, принимавшими, в случае обнаружения новых мелей, соответствующие меры военного характера.

Быструю и надежную переправу можно было осуществить только через приспособленные для этого природные объекты,

[50] ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 148.

[51] Ср.: Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 44–45 (*Около* 1529 г. Наказная память И. А. Полеву и О. Андрееву, назначенным надзирать мели и броды на Оке вниз по течению от Серпухова).

«перевозы», но их на Оке по состоянию на конец XVI–XVII вв. было всего два, и ближайший к Коломне, уже упоминавшийся «Сенькин перевоз», находился выше по реке, в районе Серпухова. Нет сомнений, что и в предыдущие века этот «перевоз», стратегическое значение которого было огромно, находился под неусыпным вниманием московских властей.

Существовали и иные способы летнего форсирования реки. Переправиться нападавшие, разумеется, могли бы в любом месте, одолев Оку вплавь или с помощью каких - то подручных средств, в том числе и непосредственно в районе Коломны, как это сделали татары в 1451 и 1455 гг. Но в обоих случаях речь никак не шла об «изгоне», более того, такая переправа явно требовала определенного времени, и московские войска успевали подтянуться к местам, где нападающие «перевезошася», оказав им, во втором случае, вооруженное сопротивление непосредственно на берегу[52]. А при попытке хана Ахмата в 1472 г. форсировать Оку значительно выше «перевоза», под Алексином, где брода не было («вринушася в реку вси (татары. – *А. Л.*) хотящеи переити на нашу сторону»), атакующие были отбиты стрельбой из луков, так и не достигнув левого берега[53]. Так что шансов на успех у немногочисленного отряда рязанцев, пожелай Олег Иванович напасть на Коломну в летнее время, практически не было.

Иная ситуация складывалась зимой. Пересечь Оку можно было по льду в любом необходимом месте. Однако нет никаких сомнений в том, что коломенский гарнизон внимательно наблюдал за ситуацией на правом берегу. Важно отметить, что дата захвата рязанцами Коломны, 25 марта, совпадает с началом ледохода на Верхней Оке, обычно приходящимся на рубеж марта–апреля [54]. Вспомним, кстати, что по времени года рязанская атака близка дате Ледового побоища 1242 г., 5 апреля, когда подтаявший весенний лед Чудского озера сыграл важную стратегическую роль в победе новгородцев.

Разумеется, точное время начала ледохода в 1385 г. нам неизвестно, но праздник Благовещения, по русскому календарю начало весны[55], явно было выбран как дата нападения с определенным расчетом. Переправа по непрочному ледяному покрову или в первый день ледохода для тяжеловооруженных всадников была рискованным делом. Скорее всего, с ослаблением или вскрытием льда наблюдение из Коломны за правым берегом Оки было ослаблено, если не отменено, чем и воспользовались рязанцы во главе с князем Олегом Ивановичем.

[52] ПСРЛ. Т. 25. С. 271, 273.

[53] Там же. С. 297. Ср. оригинальное изложение событий 1472 г. в Устюжском летописце, особо отметившим, что «река» в районе Алексина «глубока» (ПСРЛ. Т. 37. С. 48).

[54] Большая Советская энциклопедия. М., 1974. Т. 18. Стб. 966.

[55] *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990. С. 105–106; Ср.: «В лето 6923 бысть весна рано: до Благовещениева дни за неделю на Волзе кра (лед. – *А. Л.*) прошла вся» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487).

В практике ведения военных действий на Руси известны удачные операции по захвату городов, осуществлявшиеся «изгоном» крайне немногочисленными отрядами. Так, в 1410 г. воевода нижегородского князя Даниила Борисовича Семен Карамышев ухитрился, «приидоша лесом... безвестно» «изгоном» захватить один из самых укрепленных и больших городов Руси, Владимир на Клязьме, располагая при этом всего тремя сотнями конных нижегородцев и татар[56]. Еще более скромными силами, «вмале 90 или во 100 человекъ», пытаясь пленить Дмитрия Шемяку, бояре московского и тверского князей в Рождественскую ночь 1446 г. захватили Москву[57].

Владимирский «изгон» 1410 г. увенчался успехом еще и потому, что, как отмечает летопись, городские укрепления в этот момент то ли ремонтировались, то ли строились заново[58]. В каком состоянии находились деревянные стены Коломны после сожжения города Тохтамышем всего тремя годами ранее рязанского «изгона», неизвестно. Возможно, нападавшие воспользовались какими-то прорехами в фортификационных сооружениях города. Совершенно очевидно, тем не менее, что времени для строительства новых или исправления прежних стен у коломничей в течение этих трех лет было достаточно. Известно, что сопоставимые масштабами с Коломной деревянные укрепления Владимира в 1492 г. «срубиша... въ два месяца»[59], а «град на Туле древян» в исходе первого десятилетия XVI в. «поставили» «с нуля» всего за год[60]. Так что если стены Коломны к исходу марта 1385 г. еще не были приведены в порядок, это лишний раз подтверждает, что нападения, в том числе рязанского, никто не ожидал.

[56] ПСРЛ. Т. 25. С. 240.

[57] Ср. панегирическую оценку деяния своего князя тверским книжником иноком Фомой: «И толь бо дивно... изгониша вмале... А во граде том (Москве. – *А. Л.*) неколико тем человек (тьма – десять тысяч. – *А. Л.*) седело» (Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. С. 320.)

[58] ПСРЛ. Т. 18. С. 160; Т. 25. С. 240 («а града тогда не было»).

[59] ПСРЛ. Т. 25. С. 333.

[60] *Лаврентьев А. В.* «Место Тула» великокняжеских договоров последней четверти XIV–XV вв. вв. и «град на Туле» летописей 1-й четверти XVI в.: к вопросу о преемственности // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 226.

Летописный рассказ не содержит известий о том, что происходило в Коломне после взятия города, отмечается только «многая корысть» взятая победителями и захваченные пленные, московский наместник Александр Андреевич Остей «с прочими бояры» и «лучшими людми». Сосредоточение в Коломне верхушки великокняжеского двора именно в это время, за неделю до Пасхи, тоже вряд ли было случайностью и, безусловно, учитывалось нападавшими, равно как и ситуация с состоянием льда на Оке, в качестве важнейшего фактора при выборе даты «изгона».

Родной брат знаменитого Ф. А. Свибло, коломенский наместник А. А. Остей действительно принадлежал к узкому кругу ближних бояр великого князя московского[61]. Что же касается «прочих бояр», плененных в Коломне, то, судя по конструкции летописной фразы, это были «думцы» Дмитрия Ивановича, в иерархическом отношении «сидевшие» в великокняжеской думе ниже А. А. Остея. Согласно второй духовной грамоте великого князя московского (1389), таковых было четверо, включая брата наместника, боярина Ф. А. Свибло[62]. И если это так, то во время нападения на Коломну 25 марта 1385 г. в рязанский плен попали как минимум трое бояр великого князя московского, коломенский наместник и еще двое, если не больше, «думцев» («прочие бояры»), судьбой которых должен был озаботиться Дмитрий Иванович.

Есть основания полагать, что такой представительный сбор великокняжеских бояр в Коломне под Пасху 1385 г. был традиционным. В 1511 г. великий князь московский Василий Иванович пожаловал «в кормленье» своего слугу, И. С. Писарева «мехом коломенским прошлым, что *не брат на Велик день* в лете семь тысяч осмого на десять»[63]. Как видим, И. С. Писарев получил некие доходы с Коломны[64] за предыдущий 1510 г., изымавшиеся, надо полагать, именно на Пасху («Велик день»). Практика приурочивания времени сбора пошлин к церковным

[61] *Веселовский С. Б.* Личный состав бояр великого князя Дмитрия // *Веселовский С. Б.* Московское государство XV–XVII вв. Из научного наследия. М., 2008. С. 109–122.

[62] ДДГ. С. 36–37.

[63] *Юшков А.* Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. 1257–1613 гг. Ч. 1. С. 71.

[64] «Мехъ» кроме прочего, в русском языке допетровского времени означал еще и кожаную суму для хранения денег (Сл. РЯ XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 130).

праздникам вряд ли была особенностью только Коломны: в Саввино-Сторожевском монастыре оброк с крестьян, например, собирался «на три праздники, на Рождество Христово, да на Велик день, да на Петров день»[65].Существовали и иные виды поступлений с Коломны в великокняжескую казну, например, налог под характерным названием «поворотное коломеньское», в начале XVI в. дававшийся «в кормление» чинам московского двора[66].

Если кормленщики времени великого князя московского Василия III сами приезжали в Коломну для получения «милости», то не исключено, что нечто подобное имело место и в XIV в., и бояре великого князя Дмитрия Ивановича, оказавшиеся на свою беду в Коломне под Пасху 1385 г. и там плененные рязанцами, приехали за своей долей налогов, собиравшихся в городе.

В XIV–XV вв. Коломна с волостями давала великокняжеской казне огромный доход: более трети сумм ордынского «выхода» с Великого княжества Московского приходилась на Коломну[67]. Коломенские наместники, и надо думать А. А. Остей в их числе, обычно получали половину городовых доходов[68], вторая же уходила в Москву. Время ежегодных приездов московских бояр в Коломну для раздела «коломенского меха», вероятно, имевших место регулярно в течение многих лет, если не десятилетий, и приуроченных к Пасхе, наверняка было известно и в Рязани. Если такая практика существовала и в конце XIV в., то в таком случае дата нападения на Коломну рязанского отряда и пленения в городе верхушки московского великокняжеского двора выбиралась не спонтанно, а с определенным расчетом, в итоге обеспечившим успех мартовского «изгона».

Что касается дальнейшей судьбы плененных бояр, то в летописной статье под 1353 г., описывающей аналогичные коломенским события, успешное нападение рязанцев на бывшее собственное владение на окском левобережье, «Лопастну»-Лопасню, особо подчеркивается жестокость подданных Олега Ивановича и

[65] АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 143–144.

[66] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. Т. 1. М., 1997. С. 66–67 (1516 г. Жалованная кормленная грамота великого акнязя московского Василия III В. Я. Демьянову «на Коломне стольничим путем»). «Поворотное» в XVI в. собиралось также в Ярославле и Торжке и, как и аналогичный коломенский налог, отдавалось в кормление (*Юшков А.* Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257–1613 гг. С. 143–145).

[67] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. С. 109.

[68] Там же. С. 116–117.

печальная судьба коллеги коломенского наместника А. А. Остея, московского наместника Лопасни, Михаила Александровича: «изнимаша... и поведоша его на Рязань и биша его, и многы пакости сътвориша ему, и потом одва выкупили его»[69]. Лопастненский наместник, как и плененный позднее в Коломне А. А. Остей, принадлежал к числу «больших бояр» великого князя Дмитрия Ивановича[70]. Тем не менее, несмотря на одинаковый наместничий статус, содержание коломенского наместника в Рязани было, очевидно, более гуманным, а о его выкупе, как в случае с Михаилом Александровичем, вообще не шло и речи.

Примечательный факт – летописи ничего не сообщают об уничтожении рязанцами Коломны, сожжении укреплений и пр., чего логично было бы ожидать от Олега Ивановича, если бы рязанцы покинули город сразу после удачного «изгона».

Косвенным признаком укрепления в Коломне после захвата города 25 марта, гарнизона и администрации рязанского князя, по справедливому наблюдению А. Б. Мазурова, служит выбор маршрута путешествия митрополита Пимена из Москвы в Царьград. Иерарх выбрал не кратчайший путь, Москвой-рекой в Оку мимо Коломны, которым Пимен воспользовался позднее, для третьей поездки в Царьград в 1389 г., уже в ситуации «мира вечного»[71], а долгий обходной маршрут через Верхнюю Волгу[72]. Таким же окружным путем («Волгою къ Сараю»), не рискнув плыть мимо Коломны, в 1377 г. в Царьград проследовал епископ Дионисий, отправившийся к патриарху вопреки воле великого князя, более того, нарушивший клятву, данную Дмитрию Ивановичу, не совершать задуманную поездку и закономерно опасавшийся ареста. Кстати, именно в Коломне осенью 1381 г. был арестован возвращавшийся из Царьграда в Москву митрополит Пимен[73].

[69] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 63.

[70] *Кучкин В. А.* Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8. С. 105–106.

[71] Маршрут поездки митрополита 1389 г. хорошо известен: Москвой-рекой мимо Коломны в Оку, от рязанского Перевитска «сухим путем» через Рязанское княжество до правого притока Дона, р. Большой Кочур и далее Доном. Существовал и другой, еще более короткий, речной путь из Москвы в Царьград, также проходивший на начальном отрезке у Коломны, Москвой-рекой в Оку, вниз по течению до р. Прони, Пронею вверх к ее притокам, Ранове и Хупте и далее коротким волоком от их верховей в р. Воронеж, правый приток Дона. Подробнее: *Кудряшов В. Н.* Половецкая степь. С. 88; *Сыроечковский В. Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. С. 200, 215, 223, 228; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. С. 13.

[72] *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. С.103.

[73] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 131; Т. 25. С. 197.

Некоторый намек на ситуацию в Коломне после захвата ее отрядами Олега Ивановича 25 марта содержит пункт московско-рязанского докончания 1402 г., согласно которому «что в наше нелюбье Олег Иванович воевал Коломну..., что нашеи отчине взято что на нетцех, то отдати, а чего не взято, того не взяти. А с поручников порука и целованье свести»[74].

Близкий по смыслу пункт присутствует в московско-тверском договоре 1375 г.[75], и очевидно речь идет о захваченных рязанцами в Коломне заложниках из «лутчих людей», обложенных контрибуцией под поручительства других горожан. Если дело обстояло именно так, то после успешно проведенной операции Олег Иванович сразу покинул город с добычей и пленными, но оставил здесь свою администрацию, которая и должна была получить с колмничей – «поручников» контрибуцию, которой обложили уведенных в Рязань «нетцев». Речь, таким образом, надо вести о непродолжительном фактическом возвращении Коломны Рязанскому княжеству в 1385 г., несколько десятилетий спустя после присоединения ее к Москве.

Заметим, что рассказ о событиях весны – зимы 1385 г. ничего не сообщает о судьбе «волостеи коломенских, что ся...потягло къ Коломне». Очевидно, рязанцы, в силу малочисленности гарнизона, оставленного в Коломне, даже не пытались «воевать» окрестности города или установить собственный суверенитет над регионом, ограничившись только захватом волостного центра.

Если с конца марта 1385 г. под защитой стен Коломны действительно находился гарнизон, оставленный в городе Олегом Ивановичем, становится понятным дальнейшее развитие событий. У московского князя было два возможных направления ответного удара – либо непосредственно по Коломне с очевидным риском уничтожения в ходе военных действий городских укреплений, либо поход на правобережные владения Рязани. Овладев ими и отрезав источники снабжения через Оку, можно было вынудить рязанский гарнизон Коломны к сдаче без потери фортификационных сооружений. Князь Дмитрий Иванович выбрал последний вариант.

Летописное известие об ответном походе на Рязанское княжество датировки не имеет, но помещено между двумя события-

[74] ДДГ. С. 54.

[75] «А что еси целовал к нам (тверской князь. – *А. Л.*) наперед сего, что будет на ком не взято на нятцах или их поручницех... а с поручников порука свести, а нятцы попущати» (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 341).

ми, имеющими даты, 9 мая (отправление митрополита Пимена из Москвы в Царьград) и 29 июня (рождение в Москве сына великого князя, княжича Петра Дмитриевича). Следовательно, военная операция Москвы последовала полтора – два с половиной месяца спустя после захвата рязанцами Коломны.

Если в Никоновской летописи поход на Рязань 1385 г. представлен как действия коалиции московского князя и союзников («собра воиньства много отовсюду», «и... на бою убиша бояръ многихъ московскихъ и лутчих мужеи новгородцкихъ и переславскихъ»[76]), причем среди них указаны совершенно невозможные в этой ситуации «новгородцы»[77], то из текста московских сводов следует, что операция была организована силами только одного удельного княжества, Боровско-Серпуховского и поручена Дмитрием Ивановичем двоюродному брату и соправителю, князю Владимиру Андреевичу. Поход закончился для Москвы поражением, разгромом армии одного из самых удачливых полководцев своего времени и гибелью «на тои воине... на Рязани» князя Михаила Андреевича Полоцкого[78]. Сын героя Куликовской битвы, полоцкого князя Андрея Ольгердовича служил не московскому, а серпуховскому князю. Ольгердовичи были близки двору Владимира Андреевича, женатого на тетке погибшего Михаила Андреевича, Елене Ольгердовне[79]. Возможно, возвращение Андрея Ольгердовича в Литву (не позднее октября 1385 г. князь получил назад Полоцк[80]) было как-то связано с гибелью Михаила Андреевича во время летнего похода на Рязань.

[76] ПСРЛ. Т. 11. С. 86.

[77] Исходя из формы прилагательного это могли быть как «мужи» Нижнего Новгорода – местный епископ, например, титуловался «суждальским и новгородцким и городецким» (*Комарович В. Л.* Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 46), а выход «новгородцким» (ДДГ. С. 49) – так и Новгорода Великого. Между тем, участие тех и других в военных действиях на стороне Москвы летом 1385 г. невозможно. После набега Тохтамыша лета 1382 г. отношения Дмитрия Ивановича с тестем, великим князем Дмитрием Константиновичем, резко испортились (подробнее: *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. С. 250). Отношения же Москвы и Новгорода Великого уже с начала 1385 г. носили резко конфронтационный характер, вылившийся в военный поход на Новгород следующего, 1386 г., о чем ниже.

[78] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 150.

[79] Подробнее: *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повесть о Мамаевом побоище». СПб., 1906 // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1910. Т. 81. С. 181.

[80] *Хорошкевич А. Л.* Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Вып. 1. М., 1977. С. 45–47.

В историографии бытует убеждение, что военная операция лета 1385 г. носила широкомасштабный характер[81], поскольку в рязанском походе участвовали союзные Москве князь Роман Семенович Новосильский и тарусские князья[82]. Основывается оно на одном из пунктов московско-рязанского договора 1402 г., в котором великие князья московскй, Василий Дмитриевич и рязанский, Федор Ольгович обязываются подвести черту («погреб») по пленным и «грабежу» под некими военными действиями времени княжения их отцов, «что была рать отца моего великого князя Дмитрия Ивановича в твоеи вотчине при твоем отци при великом князи Олги Ивановиче, и брата моего княже Володимерова рать была, и княже Романова Новосилского, и князеи торусских»[83]. Представляется, что события, которые имеются в виду в этом пункте докончания 1402 г., необязательно соотносить только с московско-рязанским конфликтом 1385 г.

Во-первых, из построения фразы московско-рязанского договора совершенно не следует, что речь идет об одной «рати» т.е. одновременном нападении на Рязань всех перечисленных князей, а не о, например, разновременных походах Дмитрия Ивановича и его союзников.

Во-вторых, летописное известие 1385 г. предельно четко гласит, что командовал операцией против Рязани серпуховской князь, в договоре же список открывает «рать» Дмитрия Ивановича, ни лично, ни иным образом к Перевитскому поражению не причастного. Кроме всего прочего, новосильский и тарусские князья были вассалами не Владимира Андреевича, а Москвы, и вряд ли бы приняли участие в походе на положении «подручников» серпуховского князя. Здесь скорее следует согласиться с А. Г. Кузминым, полагавшим, что этот пункт договора имеет в виду события не 1385, а осени 1382 г., когда после нашествия Тохтамыша Рязань действительно громили полки московского и серпуховского князей, возможно, при участии союзников первого[84].

Летописи ничего не сообщают о маршруте похода серпуховского князя на Рязань. Поздний источник рязанского происхож-

[81] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 120 («Дмитрий Иванович собрал многочисленную рать»); *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 99–100 (князь Владимир Андреевич «командовал многочисленным воинством», а «сам поход был организован с размахом»).

[82] *Шеков А. В.* Верховские княжества (краткий очерк политической истории. XIII – сер. XVI вв.). Тула, 1993. С. 36; Памятники Куликовского цикла. С. 59.

[83] ДДГ. С. 54.

[84] *Кузмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 229.

дения указывает место, где полки князя Владимира Андреевича потерпели поражение: «рязанцы москвич побили под Перевицким»[85]. Рязанский город Перевитск на правом берегу Оки, сорока верстами ниже Коломны, занимал выгодное стратегическое положение, разместившись между водным путем по Оке и сухопутной дорогой из Переяславля Рязанского на Коломну и Москву[86]. Кроме важного стратегиченского положения, судя по всему, Перевитск располагал пристанью. Именно здесь в 1389 г., во время упоминавшейся выше третьей поездки первоиерарха из Москвы в Царьград, насады с Пименом и его спутниками *причалили к рязанскому берегу*, где митрополита торжественно встретил великий князь Олег Иванович «съ сынове»[87]. Не исключено, что через пристань Перевитска, ближайшую к Коломне, рязанцы в 1385 г. снабжали гарнизон всем необходимым, и именно это обстоятельство сделало город целью похода серпуховского князя.

Итак, карательный поход на Рязань провалился. Столь же неудачно для великого князя Дмитрия Ивановича закончилась в том же году и попытка военного похода московских полков на Муромское княжество[88], очевидно действовавшее на стороне Рязани. К исходу лета 1385 г. победа Рязани была полной.

Совершенно очевидно, что военный потенциал Москвы и ее союзников был несопоставим с рязанским и вряд ли оказался серьезно подорваннным в ходе сражения под Перевитском. Всего полтора года спустя после захвата рязанцами Коломны и провала карательной операции против Рязани, на исходе 1386 г. Дмитрий Иванович Московский и Владимир Андреевич Серпуховской возглавили поход на Новгород. Князья-соправители сумели собрать серьезные военные силы, отправив на Новгород «рати Московьскаа, Коломеньскаа, Звенигородчкаа, Можаискаа, Волочкаа, Ржевьскаа, Серпоховьска, Боровьска, Дмитровьскаа, Переяславьскаа, Володимерьскаа, Юрьевьскаа, Муромьскаа, Мещерьскаа, Стародубьскаа, Суздальскаа, Городецкаа, Нижьняго Новагорода, Костромскаа, Углечскаа, Ростовьскаа, Ярославьскаа, Можаискаа, Моложескаа, Галичкаа, Бежичкаа, Белозерьскаа,

[85] Цит. по: Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 231.
[86] *Фролов В. П.* Город Перевитск // Ученые записки Рязанского гос. пед. института. Т. 28. Историко-краеведческий сборник. Рязань, 1961. С. 55.
[87] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 155.
[88] ПСРЛ. Т. 11. С. 86; Т. 26. С. 155; Т. 27. С. 256, 334.

Вологочкаа, Устижьскаа, Новоторжьскаа»[89]. Анализ состава более чем внушительных военных сил, отправленных на Новгород в 1386 г., сопоставленных А. А. Горским с армией, приведенной в 1375 г. Дмитрием Ивановичем под Тверь, позволил автору не только убедительно реконструировать состав полков, выведенных московским князем на Куликово поле, но и показал устойчивые мобилизационные возможности Москвы на протяжении десятилетия, разделяющего два эти события[90]. Московско-рязанское противостояние вокруг Коломны тоже пришлось на это десятилетие.

В связи с последним возникает естественный вопрос, почему московский князь, потеряв Коломну и потерпев поражение под Перевитском, не воспользовался явным перевесом в военной силе и не попытался организовать новый, более масштабный а, главное, абсолютно предсказуемый по результатам поход на Рязань. Как представляется, многое может объяснить ситуация с обострением московско - новгородских отношений, тех самых, что стали причиной выше уже упоминавшегося похода на Новгород кануна Рождества 1386 г.

А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров полагают, что конфликт возник из-за разгрома новгородскими ушкуйниками великокняжеских купцов на Волге[91], но корни его, безусловно, серьезнее. В. Л. Янин подчеркивает связь московско-новгородского противостояния с «обидами» предшествующего походу 1385 г., когда новгородцы отвергли требование московского князя выплатить «черный бор»[92]. Новгородская летопись относит московско-новгородский конфликт из-за «черного бора» к зиме 1385 г.[93], московская и тверская летописи – к весне того же года[94] то есть ко времени, совпавшему с захватом Олегом Ивановичем Рязанским Коломны. Московско-новгородское «розмирье» к лету 1385 г. было свершившимся фактом, требовавшим от Дмитрия Ивановича каких-то ответных действий.

[89] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 342. Ср.: ПСРЛ. Т. 18. С. 136; Т. 25. С. 212–213.
[90] *Горский А. А.* К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4 (6). С. 31–32, 37.
[91] *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 100.
[92] *Янин В. Л.* «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. //Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М. 1983. С. 102–103. Подробно о самом «черном боре» см. С. 106–107.
[93] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 341 («В лето 6892... Тои зимы»).
[94] ПСРЛ. Т. 15. С. 149; Т. 25. С. 211 («В лето 6892... Тое же весны»).

«Черный бор», выплаты которого с Новгорода добивался московский князь, по подсчетам В. Л. Янина, собирался каждые 7–8 лет как особая форма «выхода» в Орду, «по запросу». Отказ новгородцев задевал интересы не только Великого княжества Московского, но и других русских земель, которые вынуждены были бы, в случае успеха новгородцев, разверстать между собой их долю в ордынском «запросе»[95]. Так что, в отличие от «регионального» московско-рязанского конфликта из-за Коломны, этот носил в известном смысле общерусский характер.

Кроме того, если высказанное выше предположение о захвате рязанцами одной Коломны верно и Коломенский уезд в ходе «изгона» и последующего полугодового пребывания в городе рязанского гарнизона не пострадал, неясно, почему Москва не попыталась вернуть город силами самих коломничей. Мобилизационный потенциал коломенского великокняжеского удела на рубеже XIV–XV вв., по подсчетам Ю. В. Селезнева, был наибольшим среди прочих владений Москвы и ее союзников[96]. В списке участников Новгородского похода 1386 г. «рать Коломеньскаа», которую, как видим, удалось собрать с уезда всего год спустя по завершении московско-рязанского конфликта, идет второй, непосредственно за московской. Тем не менее, колмничей, как помним, не посылали летом 1385 г. на Рязань, ограничившись серпуховскими полками и двором князя Владимира Андреевича. Последнее может быть связано как с недооценкой в Москве военного потенциала Рязани, так и начавшейся подготовкой похода на Новгород следующего, 1386 г.[97]

Разумеется, хронологическое совпадение между коломенскими событиями и московско-новгородским конфликтом может быть и случайным, однако факт остается фактом: Дмитрий Иванович, потеряв Коломну и потерпев поражение у Перевитска, не попытался собрать более мощное войско против Олега Ивановича, что было абсолютно реально. Более того, очевидно едва ли не сразу после разгрома рязанцами полков серпуховского князя, имевшего место, напомним, не позднее конца июня 1385 г., Дмитрий Иванович стал искать путь мирного выхода из вооруженного конфликта с рязанским князем.

[95] *Янин В. Л.* «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. С. 101–102, 106–107.

[96] *Селезнев Ю. В.* Мобилизационный потенциал Руси в конце XIV – начале XV вв. // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2. Тула, 2002. С. 45–51 (особенно С. 48).

[97] Ср.: «Московский князь... не желал тратить военные силы... отвлеченный делами новгородскими» (*Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. С. 589). Неаргументированное мнение А. В. Экземплярского осталось в историографии незамеченным.

Возвращаясь к оценке результатов московско-рязанского «нелюбья», в центре которого оказалась Коломна, мы вправе сделать вывод о том, что события, на первый взгляд, локального конфликта 1385 г. на самом деле были частью большой политической картины, в которой фигурировали не только Москва и Рязань, но и другие земли Руси.

Рязанский князь, очевидно, не помышлял о возвращении Коломны в состав домениальных владений, но воспользовался рядом благоприятных обстоятельств, связанных с конфликтом из-за «черного бора» и проявил безусловный талант политика и воина, захватив Коломну, сделав ее объектом торга за свои интересы и легко уступив город после достижения поставленных целей. Совершенно очевидно, что среди последних, кроме выхода из вассальных отношений с Москвой, установленных договором 1381 г., было и возвращение Рязани отторгнутых докончанием «мест», в первую очередь «места Тулы», имевшего, судя по всему, принципиальное стратегическое значение.

Таким образом, в результате решительных действий великого князя рязанского Олега Ивановича пошатнувшиеся было позиции княжества в Окско-Донском регионе были восстановлены. Переговоры по установлению мира между Москвой и Рязанью вывели на страницы истории региона одно из самых славных имен в русской истории эпохи Куликовской битвы, игумена Троицкого монастыря преп. Сергия Радонежского.

ГЛАВА 3

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ПРЕП. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО И «МИР ВЕЧНЫЙ» 1385–1386

В общественном сознании, в научно-исследовательской традиции имя преп. Сергия Радонежского неразрывно связано со сражениенм на Дону 8 сентября 1380 г, освободительной борьбой против ига Орды, временем формирования политического единства русских земель и княжеств под эгидой Москвы. Троицкий игумен принял «самое активное участие в идеологической подготовке... (Куликовской) битвы – крупнейшего события русской истории XIV в. и, независимо от степени достоверности содержащихся в источниках сведений (так! – *А. Л.*), данная... оценка деятельности Сергия истинна»[1].

С точки зрения содержательной речь идет, правда, о единичном, но весьма значимом эпизоде, встрече Дмитрия Ивановича с игуменом в стенах Троицкой обители накануне выступления из Москвы к месту «Мамаева побоища». Краткое известие о свидании двух знаменитых современников содержит Житие преп. Сергия: «Некогда...прииде князь великии в монастырь к преподобному ...и рече ему: «Отче...слышах бо, яко Мамаи...идет на Русьскую землю... Помоли бога о том, яко сия печаль обща всем християном есть». Преподобныи же отвеща: «Иди противу их и... победиши, и здравъ съ вои своими възвратишися, токмо не малодушьствуи»; выступивший из Москвы «противу» Мамая Дмитрий Иванович действительно «победивъ, татары прогна и сам здравъ... възвратися»[2].

[1] *Плугин В. А.* Сергий Радонежский – Дмитрий Донской – Андрей Рублев // ИСССР. 1989. № 4. С. 73–74.

[2] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 369–370. Житие известно ныне в редакции Пахомия Серба (Пахомиевской), созданной около середины XV в. на основе более раннего текста троицкого инока Епифания Премудрого, написанного в 1417–1418 гг.

Как видим, целью свидания Дмитрия Ивановича с преп. Сергием Житие называет просьбу великого князя о молитве, обычную и естественную для православного мирянина[3], а ответом на нее преподобного старца предсказание игуменом Сергием победы московской дружине и здравия будущему победителю Мамая и герою Куликовской битвы, вроде бы впрямую с молитвой не связанного.

В историографии, кроме безоговорочного принятия житийного рассказа, существует как радикальное отрицание факта встречи[4], так и опыт иного истолкования текста. В житийном изложении отсутствуют имя «князя великого» и дата посещения им монастыря. Если первое сомнений не вызывает – «княземъ великимъ» мог быть только Дмитрий Иванович Московский – то год приезда его в обитель к преп. Сергию, в историографии всегда соотносившегося с Куликовской битвой 1380 г., был подвергнут сомнению.

В. А. Кучкин обратил внимание на то, что над Мамаевой ордой московский князь одержал две победы, не только в 1380 г. на Куликовом поле, но и при Воже в 1378 г. В сочетании с другими доводами это делает возможным, по мнению исследователя, датировать свидание князя и игумена в Троице не 1380, а 1378 г.[5] При этом самого факта поездки великого князя в Троицу В. А. Кучкин не отрицает.

Свидание князя Дмитрия Ивановича Московского и игумена Сергия не нашло отражения ни в старейшем произведении Куликовского цикла, Задонщине, ни в самом раннем летописном тексте, повествующем о Куликовской битве, читающемся в Рогожском летописце и Симеоновской летописи. Однако рассказ о сражении, включенный в летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду, содержит известие о получении великим князем на Куликовом поле накануне сражения грамоты преп.

[3] Митрополит Алексей, перечисляя просьбу духовенству о молитве, среди прочих обязанностей православного христианина («а священников и монахов любите и просите молитвы их»), определенно не имеет в виду никакого политического подтекста. Подробнее: *Вальденберг В. Е.* Древнерусское учение о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. М., 2006. С. 114.

[4] *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 346; *Егоров В. Л.* Пересвет и Ослябя // ВИ. 1985.№9.

[5] *Кучкин В. А.* Свидание перед походом на Дон или Вожу // Наука и религия. 1987. № 7. С. 52–53; *Он же.* О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Т. 37. Православие в истории России. М., 1988. С. 110–116. У этой точки зрения есть и свои сторонники: *Зеленокоренной А. М.* Некоторые аспекты кануна Куликовскоц битвы // Сб. РИО. № 10 (158). М., 2006. С. 469–473.

Сергия «благословелная... ему битися с татары»[6]. В. А. Кучкин, впрочем, допускает возможность «литературного происхождения» эпизода с грамотой, связывая его появление в летописном тексте с творчеством составителей Новгородско-Софийского свода 30-х гг. XV в.[7] Так или наче, но именно здесь впервые возникает мотив благословения троицким игуменом великого князя на битву с Мамаем.

Соединенные в единое повествование, обе темы, житийный рассказ о поездке великого князя в Троицу и летописное получение им грамоты с благословением преп. Сергия накануне сражения 8 сентября 1380 г., попали в литературное сочинение, посвященное сражению, причем в самое позднее по времени происхождения, Сказание о Мамаевом побоище, памятник, относящийся к началу XVI в.[8], где превратились в большой и связный беллетристический текст, с ремарками, диалогами и множеством мелких деталей[9]. Основным содержанием его стало благословение троицким игуменом московского князя на битву с Мамаем[10], с тех пор ставшее, в глазах потомков, основной целью поездки Дмитрия Ивановича к преп. Сергию это известно, как заметил К. А. Аверьянов, «уже из школьных учебников»[11].

Успех борьбы за свержение ордынского ига прямо зависел от степени единства русских земель и княжеств. Центром притяжения в объединительном процессе выступила Москва, и имя преп. Сергия прямо ассоциируется с объединительной политикой московских князей. Однако относительно и этого сюжета количество реальных фактов из биографии троицкого игумена невелико. Один из самых тщательных биографов преп. Сергия, Е. Е. Голубинский увидел всего лишь два эпизода, имевших прямую связь с политическими событиями 2-й пол. XIV в.: участие старца в примирении московского и нижегородского князей и дипломатический визит к рязанскому князю Олегу Ивановичу, осуществленный по просьбе московского князя Дмитрия Ивановича[12].

Все, что мы знаем об этой миротворческой деятельности преп. Сергия, в тексте Жития отсутствует, как и рассказ о прочих мирских деяниях подвижника[13], но известно по летописным текстам, восходящим к Троицкой летописи. Имя игумена фигурирует в десяти летописных статьях[14], и, что важно подчеркнуть, существует изначальная разница в информативных возможностях агиографических и летописных текстов, связанная с их жанровой спецификой.

[6] Памятники Куликовского цикла. С. 34, 71.
[7] Там же. С. 56
[8] Там же. С. 134.
[9] Там же. С. 149–152, 231–232.
[10] Там же. С. 150, 231
[11] *Аверьянов К. А.* Сергий Радонежский. Личность и эпоха. М., 2006. С. 295.
[12] *Голубинский Е. Е.* Преп. Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра // ЧОИДР. 1909. Кн. 2. С. 61.

Жития святых, как известно, представляют собой не собственно биографии, а описания духовного подвига святого праведника длинною в жизнь, в сравнении с которым мирские дела столь второстепенны, что не заслуживают никакого внимания. По выражению митрополита Киприана, «праведник, аще постигнетъ скончатися, в покои будетъ, и похваляему праведнику, ...занеже праведнымъ подобает похвала»[15]. Собственно похвала святому и есть реальное содержание любого жития, не протокольная фиксация жизни героя повествования, а результат строгого отбора агиографом подходящих к случаю фактов.

Другая сторона житийного понимания биографии сводится к отказу от годовой датировки событий. Ее в житиях заменяет хронологическая последовательность отобранных агиографом фактов из биографии святого угодника с отсылкой к церковному календарю, что В. О. Ключевский считал «обычной народной хронологией», где «считают не годами, а событиями и редко ошибаются»[16]. Возвращаясь к эпизоду встречи князя и игумена в стенах Троицкого монастыря, заметим, что В. А. Кучкин отнес отсутствие годовой даты и фактографическую скудость изложения житийного сюжета за счет того, что «свидание носило... частный характер и не имело какого-нибудь общественного резонанса»[17], с чем невозможно согласиться. Независимо от того, имела ли место встреча князя и игумена в 1378 г., в канун сражения на Воже, как полагает В. А. Кучкин, или все-таки в 1380 г., перед Куликовской

[13] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 18.
[14] Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1950. С. 397–398, 410, 418, 421, 429, 432, 434, 440–441; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 107, 109, 128, 137–138, 142, 149–151, 153, 156, 163.
[15] Из предисловия к Житию свт. митрополита Петра. Цит. по: *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб., 2000. С. 417.
[16] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1998. С. 106. Ср. наблюдения Г. М. Прохорова об «антиисторичности» житийной хронологии, в принципе отрицающей годовые даты (*Прохоров Г. М.* Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010. С. 216).
[17] *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 114.

битвой, и в том, и в другом случае на кону была как судьба православия, так и личная судьба Дмитрия Ивановича. Другое дело, что для агиографа было совершенно неважно, о каком конкретно из военных столкновений идет речь – важен был сам факт визита «князя великого» в монастырь к преп. Сергию, что в любом случае было «в похвалу» святому.

Летописные известия, в которых фигурирует имя преп. Сергия, в отличие от Жития, наоборот, как правило, конкретны и датированы. С этой точки зрения показателен один из немногих эпизодов биографии игумена, попавший и в Житие, и в летопись, приглашение игумена князем Владимиром Андреевичем Серпуховским для основания Высоцкого монастыря. В Житии дата отсутствует [18], в летописи она, наоборот, обозначена («в лето 6882 индикта 12»), а усеченное «князь Владимир» житийного рассказа в летописной статье выглядит вполне определенно, как «серпуховской князь Владимир Андреевич»[19]. Особенно показательно в связи с этим то, что и летописцем, и автором Жития был, как полагает Б. М. Клосс, один человек, троицкий инок Епифаний Премудрый[20].

В связи с указанными особенностями житийных и летописных известий о преп. Сергии особого внимания заслуживает один эпизод биографии игумена, отразившийся, как представляется, и в Житии, и в летописи, но, так сказать, с разных точек зрения. Он освящает миротворческую миссию троицкого игумена в Рязань, предпринятую им по «умолению» Дмитрия Ивановича в исходе 1385 г. в связи с описанным в предыдущей главе московско-рязанским противостоянием вокруг Кололмны. Однако прежде, чем перейти к нему, крайне важно понять характер взаимоотношений преп. Сергия и великого князя московского во время Куликовской и битвы и последовавшие за этим годы.

Вопрос о степени близости знаменитых современников зачастую понимают как то, что в наши дни называется межчеловеческими отношениями, т.е. взаимными симпатиями и антипатиями, близостью или, наоборот, расхождением взглядов, оценок тех или иных людей, событий, и пр. Разумеется, и такой подход правомерен, но и ранее, и в наши дни взаимоотноше-

[18] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 367.
[19] ПСРЛ. Т. 25. С. 189.
[20] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 100–102, 107. Аргументы против причастности Епифания к составлению Троицкой летописи: *Лурье Я. С.* Две истории Руси XIV в. СПб., 1994. С. 59.

ния светского и духовного лица не были и не есть прямой аналог взаимоотношений между двумя мирянами или, наоборот, людьми церкви. Духовное лицо всегда пастырь лицу светскому. В Русской церкви эти отношения достаточно давно оформились в институт духовничества: постоянное личное присутствие духовного отца в жизни любого православного было необходимостью[21].

Для руководства повседневной жизнью всякий православный совершенно добровольно выбирал себе духовного отца, от которого получал рекомендации и указания по всем вопросам ежедневного бытия и которыми обязан был безусловно руководствоваться в жизни: грех непослушания духовнику церковью ставится вслед за грехом пренебрежения Писанием[22]. Самый важный момент во взаимоотношениях духовного отца со своими детьми, образующими вокруг него сообщество, покаяльную семью, в котором проявляется его дисциплинарная власть – это исповедь и причастие. Посторонний священник мог исповедовать и причащать чужого сына духовного только в исключительных случаях или по поручению его духовника[23].

Другая важная сторона взаимоотношений духовника со своими «чадами духовными» заключается в том, что «отец духовный» мирянину положен один, и в каждый конкретный момент своей земной жизни православный знал единственного духовного отца. Случаи существования у мирянина одновременно нескольких духовников, чтобы по собственному произволу можно было бы исповедоваться и причащаться то у одного, то у другого, исследователям древнерусской покаяльной дисциплины неизвестны[24]. Столь же невозможна и произвольная смена духовника по желанию мирянина: «а что... которого отца... сын духовный... отходит к другому, и другой того примет, и...сам той священник запрещение примет, от священства воздержится... а приятый сын к первому отцю да приходит»: «оставляти отца своего духовного... и ко иному же отходити – не годится их (духовных детей. – *А. Л.*) прии-

[21] «А которые люди живут без... отца духовного... аще и к церкви приходят, не принимати приношение от них.., своим детем духовным възбраняйте с таковыми ясти и питии, ни в домы призывати, ниже с ними ходити, понеже си сами отлучишася стада Христова». (Памятники древнерусского канонического права. СПб. 1880 (РИБ. Т. 6). Стб. 409–410. Грамота митрополита Фотия приходскому духовенству 1419 г.).
[22] *Смирнов С.* Древнерусский духовник. Исследование из истории церковного быта. М., 1913. С. 41–45.
[23] Там же. С. 175.
[24] Там же. С. 60–61.

мати»[25]. Таким образом, «идеальный духовный отец несменяем, самостоятельно и свободно выбрав его себе, верующий не имел уже права также свободно и беспрепятственно его оставить... Разлучала покаяльных детей с отцом только смерть»[26].

В то же время в жизни любого человека могут появиться обстоятельства, в связи с которыми смена духовника или даже появление нового при здравствующем первом делается необходимой. Среди таких «вин» одной из самых распространенных, не считая, понятно, кончины духовного отца, была долгая разлука его с покаяльной семьей, которую на время отлучки надо было обязательно перепоручить другому духовнику[27].

Существовали и иные житейские обстоятельства, невольно увеличивавшие число здравствующих «отцев духовных» у одного мирянина. Так, принятие последним на смертном одре пострига вело к тому, что прежний духовник, если он был из «бельцов», вынужденно в последнюю минуту уступал место духовнику из монахов, который принимал исповедь и причащал умирающего. В момент кончины «отец духовныи» мог по каким-то причинам не иметь возможности исповедать и причастить своего «сына духовного», что делало какое-нибудь другое духовное лицо, и т.п. Именно подобными причинами С. И. Смирнов объяснял наличие подписей нескольких «отцев духовных» под княжескими духовными грамотами[28].

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношениях преп. Сергия и великого князя Дмитрия Ивановича, отметим, то в историографии бытует мнение, что духовником великого князя преп. Сергий был уже в 70-х гг. XIV в. и, естественно, оставался им в год победного сражения на Куликовом поле.

К первой половине 70-х гг. вхождение великого князя в покаяльную семью преп. Сергия относит В. А. Кучкин, связывающий его со временем установления суверенитета над Радонежской волостью князя Владимира Андреевича, двоюродного брата и соправителя Дмитрия Ивановича, в уделе которого Троицкий монастырь теперь находился[29]. При всей очевидной, в том числе и идейной близости двоюродных братьев, это все-таки не более чем предположение. Что преп. Сергий был духовником серпуховского князя, хорошо известно[30], однако автоматически переносить эти особые отношения троицкого игумена и радонежского вотчича на его московского двоюродного брата особых оснований нет.

[25] Памятники древнерусского канонического права. Стб. 429–430. Грамота митрополита Фотия псковскому духовенству 1422 или 1425 гг.; Стб. 259. Ответы митрополита Киприана игумену Афанасию. В издании «Ответы» датированы 1390–1405 гг. Г. М. Прохоров отождествляет с адресатом послания игумена Серпуховского Высоцкого монастыря Афанасия и считает грамоту написанной до отъезда последнего в Византию в 1382 г.: *Прохоров Г. М.* Афанасий Высоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 1. С. 80, 466.

[26] *Смирнов С.* Древнерусский духовник. С. 50.

[27] Там же. С. 49–50, 52–53, 58–59; *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 276–277.

[28] *Смирнов С.* Древнерусский духовник. С. 56–57, 59.

Ко второй половине 70-х гг. отнес принятие на себя преп. Сергием обязанностей великокняжеского духовника Б. М. Клосс, полагающий, что это произошло не позднее 1378 г., ссылаясь на одно из посланий Киприана, в котором митрополит «обращается к Сергию и его племяннику Федору как к духовным отцам великого князя»[31].

На самом деле, посланий таких два, от 3 и 23 июня, и в первом Киприан обращается к адресатам как к «возлюбленным сыном нашего смирения, преподобным игуменом Сергию и Федору», во втором же как к «честному старцю игумену Сергию и игумену Федору и *аще кто ин единомудрен с вами*»[32].

В тексте, во-первых, ни слова не говорится о духовничестве обоих игуменов, а Киприан адресуется к ним как к тем, кто имеет доступ к великому князю, причем круг последних и, соответственно, адресатов второго послания («кто ин») не исчерпывается только именами преп. Сергия и Федора Симоновского. Во-вторых, великий князь в любом случае не мог одновременно исповедоваться и у того, и у другого игумена. В-третьих же, имя «отца духовного» Дмитрия Ивановича в 1378 г. хорошо известно – им был архимандрит кремлевского Спасского монастыря Михаил-Митяй, на что в свое время уже обратили внимание рецензенты книги Б. М. Клосса[33].

При этом преп. Сергий Радонежский с какого-то момента действительно был выбран великим князем московским Дмитри-

[29] *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский и «Филофеевский крест» С. 19; *Он же.* Сергий Радонежский и борьба за митрополичью кафедру всея Руси в 70-е – 80-е гг. XIV в. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 354, 359; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 191.

[30] *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Указ. соч. С. 190–192.

[31] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 35.

[32] *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. С. 397–398.

[33] *Бобров А. Г., Прохоров Г. М., Семячко С. А.* Имитация науки. О книге Б. М. Клосса «Избранные труды. Том 1. Житие Сергия Радонежского. Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты» // ТОДРЛ. Т. 53. СПб., 2003. С. 421.

ем Ивановичем в «отцы духовные», единственное документальное доказательство чему относится только к 1389 г., последнему году жизни героя Куликовской битвы. Вторую духовную грамоту в мае этого года московский князь «писал... перед своими отци: передъ игуменомъ перед Сергиемъ, перед игуменом передъ Савастьяном»[34], однако и это свидетельство не получило в историографии единодушного толкования. Архимандрит Леонид (Кавелин), на основании духовной 1389 г. внес преп. Сергия в число великокняжеских духовников[35], а С. И. Смирнов и А. А. Булычев, наоборот, усомнились в этом, сославшись на отсутствие в той же духовной при слове «отци» прилагательного «духовные»[36] и сочтя обоих игуменов просто послухами духовного звания, присутствовавшими при составлении завещания.

Представляется, что в данном случае скептицизм уважаемых историков неоправдан. Во-первых, тот же С. И. Смирнов приводит неоднократные случаи употребления в юридических документах русского средневековья усеченного «отец» вместо «отец духовный»[37]. Во-вторых, в великокняжеских духовных грамотах среди послухов всегда присутствуют лица духовного звания, среди которых четко различаются две группы «отци», как правило иерархи высокого ранга, и «отци духовные», собственно духовники[38]. При этом не известна ни одна великокняжеская или княжеская духовная, в которой среди послухов присутствовали бы только «отци», и не было бы «отца» или «отцев духовных» и, наоборот, подписанные только духовниками завещания могли обходиться и без свидетельствований «отцевъ»[39].

[34] ДДГ. С. 36.

[35] *Леонид, архимандрит.* Духовники великих князей и царей Московских и всея России // ЧОИДР. 1876. Кн. 1. С. 216–218.

[36] *Смирнов С.* Древнерусский духовник. С. 9, 246; *Булычев А. А.* Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й пол. XIV столетия (судьба свт. Дионисия Суздальского) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 97.

[37] *Смирнов С.* Древнерусский духовник. С. 9.

[38] См. например: «А сю грамоту писал... *перед своими отци*, перед *владыкою* володимерьским... Олексеемъ, перед *владыкою* переславскимъ Офонасеемъ, перед *владыкою* коломеньскимъ Офонасьемъ, перед *архимандритомъ* Петромъ, перед *архимандритомъ* ... Филимономъ, *перед своим отцем душевнымъ попомъ* Евсеемъ» (ДДГ. С. 14). Только в духовных грамотах великого князя московского Василия Дмитриевича круг послухов ограничен исключительно светскими лицами и ни «отци», ни «отци духовные» среди них не значатся. При этом все три документа, единственный известный пример, свидетельствованы собственноручной подписью главы русской православной церкви, митрополита Фотия (ДДГ. С. 57, 59, 62).

[39] ДДГ. С. 17, 19, 178, 277, 304, 308, 311.

Завещание московского князя в мае 1389 г. свидетельствовали всего два духовных лица, причем не епископского ранга, а настоятели монастырей, игумены Сергий и Севастьян, поэтому логичным кажется видеть в них именно великокняжеских духовников, а не послухов духовного звания. О возможных причинах появления в духовной грамоте имени второго «отца» речь пойдет ниже.

Возвращаясь к взаимоотношениям Дмитрия Ивановича и преп. Сергия Радонежского и чтобы точнее попытаться определить время включения великого князя в покаяльную семью преп. Сергия, необходимо проследить последовательность смены «отцев духовных» героя Куликовской битвы.

Имя первого известного источникам (но, естественно, не первого вообще) духовника Дмитрия Ивановича хорошо известно. Им был великокняжеский фаворит, архимандрит кремлевского Спасского на Бору монастыря Михаил-Митяй. «Единъ коломенскихъ попъ» т.е. изначально простой приходской священник одного из храмов Коломны «избран бысть изволениемъ великого князя во отчъство и в печатники и бысть... отецъ духовныи князю великому и всемъ бояромъ стареишимъ, но и печатникъ, юже на собе ношаше печать князя великаго»[40].

Г. М. Прохоров полагает, и справедливо, что знакомство столь несхожих в социальном отношении людей, да еще живших в разных городах, скорее всего, имело место в 1366 г., во время венчания Дмитрия Ивановича и суздальско-нижегородской княжны Евдокии Дмитриевны, поскольку «свадьба бе на Коломне», но вряд ли можно согласиться с мнением автора, что тогда же Митяй стал и великокняжеским духовником[41]. Как помним, последний одновременно выполнял еще и обязанности печатника. Императорскими печатниками в Византии были лица духовного

[40] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 125.

[41] *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 97–98. Прим. 34; *Он же.* Митяй. Повесть о Митяе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 2. С. 117, 252. Летописный рассказ указывает только место проведения свадьбы, ничего не сообщая о собственно венчании. Если оно, что, памятуя статус новобрачных, было бы логично, имело место, как считает А. Б. Мазуров, в кафедральном соборе Коломны (*Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. С. 234), то вряд ли Дмитрия Ивановича и Евдокию Дмитриевну в этом случае венчал бы простой приходской священник Митяй, а не коломенский епископ. Скорее всего, из этикетных соображений, дабы соблюсти «честь» обоих сторон, венчание проводили в одном из приходских храмов города, точно так же, как для торжеств была выбрана не столица удела жениха, а пограничная московская Коломна, расположенная посередине речного пути от Москвы к Нижнему Новгороду.

звания, и такого рода примеры известны и на Руси[42]. Печатники из духовенства, более того, как и Митяй, из духовников у русских князей, судя по всему, вплоть до конца XV в. не были такой уж редкостью[43]. Важно подчеркнуть, что должность печатника предполагала постоянное присутствие ответственного за «запечатывание» документов лица, в данном случае Митяя, при дворе суверена. В XVI–XVII вв. в царские печатники назначались уже не духовные, а исключительно светские чины государева двора, либо думные дворяне, либо думные посольские дьяки, но и они носили доверенную им печать, как некогда, по словам летописи, Митяй, «на собе» то есть на шее (отсюда и расхожее название такой печати, «воротная», происходящее от слова «во́рот» т.е. «воротник»). Причем царские печатники обязаны были хранить царскую печать не в государевой казне, а в собственном «дому»[44].

Так что быть печатником Дмитрия Ивановича для жившего вдалеке от Москвы «коломенского попа» было нереально, но реально для архимандрита кремлевского Спасского монастыря и великокняжеского духовника. «Отцем духовным» великого князя Дмитрия Ивановича Митяй стал десять лет спустя после коломенской свадьбы, одновременно с принятием пострига и рукоположением в спасские архимандриты, зимой–осенью 1376 г.[45]

После кончины в феврале 1378 г. митрополита Алексея великокняжеский духовник, при полной поддержке самого великого князя и в ситуации, когда права ранее уже поставленного в Константинополе в митрополиты Киприана Дмитрием Ивановичем не были признаны, а сам Киприан так и не смог попасть в Москву,

[42] Будущий митрополит киевский Кирилл II, например, являлся печатником галицкого князя Даниила Романовича, будучи лицом духовным (*Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 263). Недавно высказаны возражения против принадлежности печатника Кирилла к духовному званию: *Толочко П. П.* Канцлер, митрополит и летописец: действительно ли митрополит Кирилл был печатником Даниила Романовича? // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Раннее новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 345.

[43] Ср.: «А... велел еси подписати (духовную грамоту. – *А. Л.*) духовнику своему Ивану печатнику» (ДДГ. С. 311), «а запечатал сю духовную отецъ мои духовнои попъ Иванъ» (Там же. С. 521). Сохранился формуляр послания 1485 г. неизвестного по имени дьяка духовнику Ивана III, одновременно являвшемуся печатником и самого великого князя, и его сына, Ивана Ивановича Молодого (Русский феодальный архив. Вып. 2. М., 1987. С. 264).

[44] Подробнее: *Лаврентьев А. В.* Царевич – царь – цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 33.

[45] *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский и борьба за митрополичью кафедру всея Руси в 70–80-е гг. XIV. С. 357 (сентябрь); *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 99 (февраль–апрель).

вынужденно живя в Киеве, попытался сам поставиться на московскую митрополию. Однако планам эти не суждено было сбыться: Митяй умер во время поездки в Константинополь, где должен был быть рукоположен в сан патриархом, в сентябре 1379 г.[46]

Похоронили Митяя в Царьграде, и сопровождавшие его духовные и светские лица поставили у патриарха Нила в русские митрополиты архимандрита Переяславского Горицкого монастыря Пимена из состава многочисленной свиты Митяя. В Москве с выбором не согласились, предпочтя Пимену жившего в Киеве Киприана, за которым великий князь отправил игумена Симонова монастыря Федора. В Киев Федор Симоновский отправился «на великое заговение» в феврале 1381 г., уже будучи, как подчеркивает летопись, «отцем духовным» Дмитрия Ивановича[47].

Духовная карьера племянника преп. Сергия Радонежского развивалась стремительно и, случайно или нет, именно в то время, когда Митяй оказался в великокняжеском фаворе. Постриженик Троицкого монастыря, Федор покинул стены обители в 1377 г., и не позднее лета следующего, 1378 г. уже был на игуменстве в Симонове монастыре, «детище великокняжеской власти», пользовавшемся особым покровительством Дмитрия Ивановича[48]. Разумеется, избрание великим князем в духовники игумена Федора, как и ранее Митяя, не было случайностью. Игумен, как и его дядя, троицкий игумен Сергий, имел возможность прямого общения с великим князем (в неиспользовании влияния обоих на Дмитрия Ивановича дядю с племянником митрополит Киприан обвинял в выше цитированных письмах еще весной предыдущего года[49]). Контакты великого князя с новым духовником действительно как будто выходили за рамки традиционного общения: сохранились книги с дарственными надписями «отца духовного» своему чаду[50].

Великокняжеским духовником Федор Симоновский мог стать, впрочем, еще в 1379 г. (к этому же склонялся и Г. М. Прохоров[51]),

[46] О дате кончины Митяя: *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 166, 191.

[47] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 131.

[48] *Кучкин В. А.* Начало Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 118–119, 121.

[49] *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 398–410.

[50] *Вздорнов Г. В.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV вв. М., 1980. С.16.

[51] *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы С. 196, 207–208. Н. Ф. Дробленкова полагает, что это произошло после Куликовской битвы (*Дробленкова Н. Ф.* Федор Симоновский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI вв. Вып. 2. Ч. 2. Л. 1989. С. 448).

в пору, когда еще здравствовал Митяй. Уезжая надолго в Царьград, последний не мог оставить Дмитрия Ивановича без духовного попечения, и обязанности великокняжеского духовника на время отлучки были возложены им на кого-то другого, вероятно на того же игумена Федора. Хотелось бы только заметить, что, так или иначе, принять окончательно Дмитрия Ивановича в свою покаяльную семью симоновский игумен мог только по получении из Константинополя известия о кончине Митяя.

Летописная Повесть о Митяе не содержит ни даты, ни описания способа, каким известия о кончине Митяя и поставлении в митрополиты Пимена были доставлены из Царьграда на Русь, но подчеркивает, что в Москве обе новости получили одновременно: «прииде *весть* ...яко Митяи умре, а Пуминъ сталъ в митрополиты»[52]. Хиротония Пимена состоялась много позднее кончины Митяя, сразу по поставлении в Константинополе нового патриарха, Нила, имевшем место в мае–июне 1380 г.[53]

В отечественной историографии поставление Пимена датируют, как правило, июнем этого года, опираясь на единственный сохранившийся документ, определение собора под руководством нового патриарха об усвоении Пимену титула митрополита Киевского[54]. Но в любом случае к моменту появления июньского соборного определения Пимен должен был уже быть рукоположен в митрополиты московские.

Таким образом, на Русь «весть» о кончине Митяя, была послана, скорее всего, сразу после поставления Пимена, в мае–июне 1380 г. Отвезти ее в Москву должен был гонец русской делегации. Из Константинополя последний, очевидно, должен был отправиться ранее Пимена. Тремя годами ранее Киприан извещал патриарха о своем предстоящем прибытии в Царьград, выслав «вести», надо думать тоже с гонцом, еще до отъезда из Киева[55]. В посольской практике более позднего времени младшие по чину члены дипломатических миссий всегда отправлялись в Москву ранее отъезда всей делегации, спеша сообщить о результатах переговоров.

[52] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 131.

[53] *Мейендорф И., прот.* Византия и Московская Русь. Очерки по истории церковных и культурных связей в XIV в. Paris, 1990. P. 424. Переиздано под заглавием «Византия и Московская Русь» в кн.: *Мейендорф И.* История церкви и восточнохристианская мистика. М., 2000.

[54] Памятники древнерусского канонического права. Приложения. Стб. 184.

[55] «Яз без измены еду к Царюгороду, *а пред собою вести послал же есмь*» (Цит. по: *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 410).

Дошла «весть» до Москвы, как полагают, не ранее осени того же 1380 г., причем не до, а после Куликовской битвы: обстановка и в степном пограничье, и на литовских рубежах – два возможных пути, которыми «весть» могла попасть в Москву – до победы в сражении 8 сентября 1380 г. делала как будто бы невозможной получение на Руси известий из Царьграда[56], с чем трудно согласиться.

И накануне Куликовской битвы, и в более поздние времена поездка через степь всегда была делом рискованным, но отнюдь не невозможным, особенно для опытного одиночки – гонца. В практике посольских сношений Москвы с Бахчисараем конца XV в., когда степь, разделявшая границы Руси и Крыма, представляла собой опаснейший для передвижения регион, контролировавшийся общим врагом и великого князя, и крымского хана, Большой Ордой, для «ссылок» и «вестей деля» обе стороны привлекали опытных «гонцов», ухитрявшихся регулярно проносить вести через «поле»[57]. Однако существовал один фактор, в принципе снимавший, как кажется, «ордынское» препятствие для получения в Москве «вести» о кончине великокняжеского духовника еще до Куликовской битвы.

В 1379 г. на пути в Царьград Митяй со спутниками был задержан в степи Мамаем, но не только в итоге беспрепятственно продолжил путешествие, но и получил от формально правящего ордынского хана Тюляка «ярлык Мамаевою дядиною мыслию»[58]. Ситуация 1379 г. практически повторила события 1353 г., когда тем же маршрутом, в том же направлении, в Царьград из Москвы, и с той же целью, ставиться в русские митрополиты, выехал епископ Алексей. Отправляясь в путешествие, будущий митрополит имел ярлык от хана Джанибека на свободное передвижение через ордынские земли, и, хотя, как и четверть века спустя Митяй, был задержан по дороге, в итоге получил другой ярлык, от ханши Тайдулы[59], подорожную грамоту, повторявшую ярлык Джанибека, которая давала возможность не только добрать-

[56] *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 191; *Кучкин В. А.* Был ли митрополит Киприан в 1380 г. в Москве? // Анфологион: Власть, общество и культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б. Н. Флори. М., 2008. С. 270.

[57] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. СПб., 1884 (Сборник РИО. Т. 41). С. 50, 61, 67, 70–71, 73.

[58] Цит. по: *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 158.

[59] Русский феодальный архив. Вып. 3. М., 1987. С. 593.

ся до Царьграда, но и гарантировала возвращение «полем» на Русь[60]. В дипломатической переписке Москвы с Бахчисараем конца XV в. ярлыками называли достаточно широкий круг документов, как официальных, «верющих грамот», «докончаний», так и просто личные письма хана Менгли Гирея великому князю московскому Ивану III[61]. Возможно, в летописном рассказе речь идет о каком- то из аналогов более поздних «пропускных» грамот, существовавших в русско-крымской дипломатической практике конца XV в.[62]

Несомненно, ярлык, имевшийся у Митяя, также гарантировал ему и его спутникам беспрепятственное передвижение, как до Царьграда, так и в обратном направлении, до Москвы. И если гонец с «вестью» возвращался из Царьграда на Русь еще до разгрома орды на Куликовом поле, то есть до праздника Рождества Богородицы 8 сентября 1380 г., то он, очевидно, находился под охраной того же ярлыка, данного, повторимся, хотя и от имени хана Тюляка, но фактически самим темником Мамаем.

Хронология событий лета 1380 г., предшествовавших «побоищу иже на Дону», время получения первого известия о походе Мамая на Русь, сборе и выходе полков во главе с великим князем Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем Серпуховским из Москвы и пр. в источниках никак не отражена. Правда, позднее Сказание о Мамаевом побоище указывает достаточно правдоподобную дату сбора «всемъ людемъ на Коломне» перед выходом армии к верховьям Дона, Успение Богородицы 15 августа[63].

Так или иначе, но около этого времени Дмитрий Иванович должен был покинуть столицу. Рискнем предположить, что великий князь все-таки вполне мог успеть получить «весть» из Константинополя до выступления в поход на Мамая. Даже если хиротония Пимена имела место в конце июня, то от выступления московского князя на Куликово поле ее отделяло полтора месяца, если в начале – то уже два с половиной, если же вообще в мае, то к этому сроку надо прибавлять еще до тридцати одного дня. И здесь крайне важно понять, хватило бы этого времени гонцу для

[60] *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пгр., 1916. С. 81–82.
[61] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. С. 1–7, 9–10, 18, 20, 28–30, 35, и др.
[62] *Croskey R. M.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. NY.; L, 1987. P. 30–31.
[63] Памятники Куликовского цикла. С. 204–205.

того, чтобы принести из Царьграда в Москву «весть» о кончине Митяя и поставлении Пимена.

Скорость передвижения и время в пути от Царьграда до Москвы, проходившем через Крым (Кафа) и Азов в низовьях Дона, вряд ли можно выразить какой- то усредненной цифрой[64]. И то, и другое зависело от времени года, выбора и комбинации средств передвижения, наличия грузов, многолюдства путешествующих и иных факторов. Подчеркнем особо, что первостепенное значение имел характер поездки, а также ранг путешествующего, его, если угодно, общественное положение. В начале XVI в., например, время в пути дипломатов от Москвы до Азова составляло семь недель, тот же путь казачья станица преодолевала за пять, а в 1518 г. гораздо бóльшее расстояние, не от Азова, а от Крыма (очевидно, Кафы) до Москвы, Максим Грек со спутниками проделали всего за четыре недели[65].

Совершенно очевидно, кстати, что сам Пимен, в отличие от гипотетического гонца, возвращался на Русь осенью 1381 г.[66] неспешно, во всяком случае, следуя через Рязанское княжество[67]. На скорость движения митрополита через русские земли политические соображения врядли влияли, но определенно влияли архипастырские обязанности. Как и все первоиерархи православной церкви, и современники, и более позднего времени, митрополит должен был по дороге часто останавливаться для служб в церквах и монастырях, раздачи милостыни, благословения «духовных чад», специально выходивших по пути следования митрополичьего кортежа, и пр.[68] Понятно, что «весть» с гонцом преодолевала расстояния с принципиально иной скоростью

Так что о неожиданной кончине своего духовника великий князь все-таки вполне мог узнать не после битвы с Мамаевой ордой, а накануне отправления из Москвы на Куликово поле, около середины августа 1380 г. Если это так, то с этого момента посто-

[64] «Путь из Москвы до Константинополя на морских и речных судах преодалевался за два с половиной месяца, обратный занимал больше времени» (*Кучкин В. А.* Был ли митрополит Киприан в 1380 г. в Москве? С. 270).
[65] *Дунаев Б. И.* Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турциею в начале XVI в. М., 1916. С. 10, 55, 82.
[66] Обоснование этой даты: *Кучкин В. А.* Был ли митрополит Киприан в 1380 г. в Москве? С. 263.
[67] Пимен был взят под стражу в Коломне (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 132), что свидетельствует о возвращении его на Русь либо Доном, либо степью, но в любом случае он вышел к Оке землями Великого княжества Рязанского.
[68] Ср. *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. С. 247–254.

янным духовником Дмитрия Ивановича становится игумен Федор Симоновский.

Трудно сказать что-то определенное о происхождении двух уникальных известий, принадлежащих перу самого высокопоставленного русского агиографа, императрицы Екатерины II. В собственноручно составленной «О преподобном Сергии исторической выписи», предназначавшейся для «Записок касательно Российской истории», государыня отметила, что именно Федор Симоновский «ходи со князем великим (Дмитрием Ивановичем. – *А. Л.*) в поход на Мамая»[69] т.е. сопровождал великого князя московского на Куликово поле в 1380 г. Для духовника следовать за своим чадом духовным к месту сражения было бы естественным.

Очевидно, к этому известию стоит отнестись с доверием. Вслед за ним «Выпись» сообщает, что Федор Симоновский «бысть духовный отец великому князю... и тысяцкому и бояром и вельможам»[70]. Указанное известие, как и сообщение о сопровождении Федором Симоновским князя Дмитирия Ивановича на Куликово поле, иными источниками не подтверждается[71], но выглядит правдоподобным. Митяй, предшественник симоновского игумена на духовничестве, был «отецъ духовнои» не только великому князю, но и «всемъ бояромъ стареишим»[72]. Отъезжая в 1379 г. в Константинополь, Митяй обязан был препоручить другому духовнику, надо полагать, Федору Симоновскому, не только Дмитрия Ивановича, но и всю свою покаяльную семью, в которую входила верхушка великокняжеской думы[73].

Кроме выше приведенного известия 1381 г. «отцем духовным» Дмитрия Ивановича Федор Симоновский в летописях именуется еще дважды, в 1382 и 1386 гг., причем в обоих случаях в связи с поездками в Царьград «о управлении митрополи русскые»[74] В первом случае симоновский игумен сопровождал к патриарху суздальского епископа Дионисия и возвратился на Русь в 1384–1385 гг. в новом

[69] Сочинения императрицы Екатерины II... с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина. СПб., 1906. Т. 11. С. 347.

[70] Там же. Т. 11. С. 347.

[71] Его нет даже в Житии Федора Симоновского (Житие св. Федора архиепископа Ростовского. Сообщил архим. Леонид // Душеполезное чтение. 1891. Ч. 2. № 5. С. 3–13).

[72] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 125.

[73] В перечне «Выписи» смущает только наличие среди новых духовных детей симоновского игумена московского тысяцкого, должность которого, как известно, была упразднена еще за пять лет до 1379 г. т.е. даже не при Митяе, а его предшественнике на духовничестве.

[74] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 148, 150. Уточнение хронологии поездок в Царьград: *Дробленкова Н. Ф.* Федор Симоновский. С. 448–449.

сане, «ему же патриархъ дасть... архимандритью и лишъшую честь поручи ему на Руси паче всех архимандритъ». На время этой двухлетней отлучки обязанности великокняжеского духовника, как и ранее во время отлучки Митяя в Царьград, также должен был исполнять кто-то другой из русских игуменов.

Во второй раз в Константинополь Федор Симоновский отправился в 1386 г., и затем его имя упоминается только в 1390 г., год спустя после кончины Дмитрия Ивановича. Весной 1390 г. в Москву, во второй раз и теперь насовсем, вернулся митрополит Киприан, принятый новым великим князем Василием Дмитриевичем «с великою честью» и тогда же «приидоша с нимъ епископи русскые, коиждо на свою епископью» и среди них «на Ростовъ... Федоръ архиепископъ, ему же дастъ патриархъ в Цариграде архиепископьство»[75]. Последние годы жизни архиепископ провел у себя в епархии, где скончался в 1394 г. и был погребен в кафедральном Успенском соборе Ростова[76].

Таким образом, если Федор Симоновский находился четыре года в Константинополе, выехав из Москвы в 1386 г., то не позднее времени его отъезда обязанности духовника великого князя должны были быть в очередной раз возложены на кого-то иного. Скорее всего, именно тогда духовное попечение о Дмитрии Ивановиче принял на себя дядя Федора Симоновского, преп. Сергий Радонежский. Троицкий игумен оставался великокняжеским духовником вплоть до кончины великого князя в 1389 г. и в этом качестве свидетельствовал его «грамоту душевную».

Возвращаясь к единственному документальному свидетельству принадлежности Дмитрия Ивановича «покаяльной семье» троицкого игумена, духовной 1389 г., вспомним, что ее свидетельствовали не один, а два «отъци», игумен Сергий и некий игумен Севастьян, более в источниках не упоминаемый. Судя по всему, появление в числе великокняжеских духовников Севастьяна стало результатом стечения обстоятельств: обитель, в которой подвизался преп. Сергий, находилась вдали от великокняжеского двора в Кремле, где прошли последние часы жизни Дмитрия Ивановича.

Великий князь скончался 19 мая «долго вечера в два часа нощи»[77] т.е. на исходе дня[78], причем так неожиданно, что даже, в

[75] ПСРЛ. Т.15. Стб. 152.

[76] Книга, глаголемая Описание о Российских святых... Дополнена биографическими сведениями графом М. В. Толстым. М., 1887. С. 96.

[77] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 156.

[78] *Прозоровский Д.* О старинном русском счислении часов // Труды 2-го археологического съезда в Санкт- Петербурге. СПб.1884. В.2. С.171.

отличие от всех князей – предшественников на московском столе, не успел на смертном одре принять иноческий постриг[79]. Высказывалось мнение, что перед смертью Дмитрия Ивановича состоялось последнее свидание тяжелобольного князя с его духовником[80], однако летопись сообщает всего лишь, что преп. Сергий Радонежский присутствовал в Москве на отпевании и погребении великого князя, имевшем место на следующий день, 20 мая[81].

Очевидно, преп. Сергий в момент кончины своего духовного сына находился в Троице, и срочно исповедовать и причащать Дмитрия Ивановича пришлось некоему игумену Севастьяну, настоятелю, вероятнее всего, кремлевского Чудова монастыря[82].

Если имя второго игумена действительно было внесено в великокняжескую духовную в связи с экстраординарными обстоятельствами, в последнюю минуту и при окончательном редактировании документа, то в связи с этим уместно вспомнить позднее, но любопытное свидетельство, подробно описывающее механизм «свершения», в данном случае, царского завещания. В 1553 г. внезапно разболелся царь Иван Васильевич, «яко многим чаяти: х концу приближися. Царя же и великого князя дьяк Иван Михаилов (Висковатый. – *А. Л.*) воспомяну государю о духовной; государь же *повеле духовную свершити, всегда бо бяше у государя сие готово*», после чего духовную срочно «свершили», дабы еще при жизни завещателя привести подданных к крестному целованию наследнику престола[83]. Из изложения событий в Царственной книге, как видим, следует, что текст духовной грамоты пребывал в царской канцелярии в постоянной готовности, и дело было только за тем, чтобы внести в него последние коррективы

[79] Перед кончиной не был пострижен только Юрий Данилович, но по вполне понятным причинам – он был убит в 1325 г. в Орде. Об устойчивости традиции пострижения в иноческий чин великих князей и царей см.: *Cherniavsky M.* Tsar and People. Studies in Russian Myths. New Haven; L, 1961. P. 34–35.

[80] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 36.

[81] «И... положиша его в церкви святаго архангела Михаила... Бе бо ту... и Сергии игуменъ... и инии мнози» (ПСРЛ. Т.15. Стб. 156).

[82] Во втором кремлевском монастыре, Спасском, с момента его основания была учреждена архимандрия. Впрочем, в исповедальной практике XIV в. известны случаи наименования в духовных грамотах игуменами не только настоятелей монастырей, но и духовников из рядовых монахов (*Смирнов С.* Древнерусский духовник. С. 10–11, 21, 39).

[83] ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 533. Достоверность этого эпизода, содержащегося в приписке к основному тексту Царственной книги, неоднократно подвергалась сомнению (*Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 106–108), что не отменяет факта существования в царской канцелярии написанного заранее текста духовной грамоты.

(«свершити»), прежде чем завещание станет юридическим документом.

Ивану Грозному в момент болезни было всего двадцать три года, но его духовная уже существовала в царской канцелярии притом, что летописи не сообщают о каких либо серьезных заболеваниях царя ранее 1553 г. Великому князю Дмитрию Ивановичу, пра- пра- прадеду Грозного, в 1389 г. почти исполнилось сорок. Мало того, что возраст великого князя по русским понятиям того времени был достаточно почтенным[84] и уже по одному этому предполагал какие-то шаги по составлению завещания. Известно, что незадолго до кончины Дмитрий Иванович «разболеся и тяжко ему вельми бе», но потом наступило облегчение, после которого князь «пакы в болшую болезнь впаде», в результате чего и скончался[85]. Так что текст духовной к маю 1389 г., скорее всего, уже существовал, в него было вписано имя царского духовника, преп. Сергия Радонежского. Имя же игумена Севастьяна могло появиться в грамоте в последнюю минуту, в момент «вершения» документа и в связи с отсутствием в этот момент в Москве великокняжеского духовника, обязанности которого по приготовлению Дмитрия Ивановича к отхождению в мир иной вынужденно исполнил игумен Севастьян.

Очевидно, схожая с 1389 г. ситуация повторилась в 1410 г., когда в Москве «о Троицыне дни» скончался серпуховской и боровский князь Владимир Андреевич[86]. Духовная двоюродного брата и соправителя Дмитрия Ивановича была составлена заранее[87], но свидетельствована, само собой, только после кончины завещателя, причем, как и в выше приведенном случае, не только духовником Владимира Андреевича, игуменом Никоном Радонежским, но и вторым игуменом, Саввой Спасским[88]. Судя по всему, преп. Никон в 1410 г., как в 1389 г. преп. Сергий, не успел приехать к моменту кончины своего духовного чада из Троицы, и

[84] Обычная продолжительность жизни мужчины в XIV в., да и несколько столетии позже, составляла 30- 35 лет. Подробнее: *Козюба В.* Средняя продолжительность жизни взрослого населения Древней Руси (историко-археологический и демографический аспекты) // Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет им. Г. Сковороди. Науковi записки з Українськоï iсторiï. 2005. Вып.16. С. 125, 127.

[85] ПСРЛ. Т. 25. С. 216.

[86] Там же. Т. 15. Стб. 186.

[87] А. Б. Мазуров полагает, что в январе – начале марта (*Мазуров А. Б.* Когда князь Владимир Андреевич Храбрый составил свое завещание? // *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 226–232. Им же приведены иные мнения, высказывавшиеся в историографии по датировке завещания).

[88] ДДГ. С. 50.

исповедовал и причащал князя на смертном одре не великокняжеский духовник, а срочно призванный игумен Спасо-Андроникова монастыря[89].

Возвращаясь к цели поездки великого князя Дмитрия Ивановича в Троицкий монастырь перед выступлением на Куликово поле, заметим, что, коль скоро игумен Сергий в 1380 г. не был великокняжеским духовником, свидание, в таком случае, не выглядело обязательным. Но, как кажется, Житие преп. Сергия Радонежского недвусмысленно и достаточно четко объясняет смысл встречи двух знаменитых современников, инициатива которого целиком исходила от Дмитрия Ивановича.

Как помним, в стенах Троицкой обители игумен Сергий предсказал Дмитрию Ивановичу будущую победу над Мамаем и возвращение живым домой с поля сражения. Выше высказывалось предположение о получении в Москве «вести» о кончине Митяя в Царьграде не после, а накануне Куликовской битвы, перед выходом армии великого князя московского к верховьям Дона. Если это так, то известие должно было произвести огромное впечатление не только на великого князя, но и на всех современников. Смерть претендента, пышущего здоровьем мужчины,[90] буквально в двух шагах от цели долгой и тяжелой поездки, стала абсолютной неожиданностью, но не для всех. Согласно Житию преп. Сергия, игумен еще в 1379 г., до отъезда русской делегации предрек великокняжескому духовнику финал его путешествия: «Никако же сана въсприати ему (Митяю. – *А. Л.*)... но и еще Царскаго града не имат видети». Митяй на самом деле скончался в самом конце пути, буквально в двух шагах от цели, в судне на подъезде к порту столицы Византийской империи, Галате, не только не «въсприя» митрополичьего сана, но и действительно так и не увидев Царьграда.

Рогожский летописец объяснял неожиданную кончину Митяя единодушным неприятием его кандидатуры в среде русского духовенства, в связи с чем «вси...епископи и презвитери и священницы... Бога... молиша, дабы не попустилъ Митяю в митрополитех бытии, еже и бысть»[91]. Один из житийных памятников

[89] *Григорий, архим.* Список настоятелей Московского Спасо-Андрониева монастыря и судьбы их. М., 1895. С. 7.

[90] В приведенной в летописном рассказе портретной характеристике Митяя, «высокъ, плечистъ, рожаистъ» (ПСРЛ. Т.15. Стб. 125) особенно подчеркиваются выдающиеся физические качества великокняжеского духовника («рожаистъ» – ражий, т.е. дюжий, матерый, дородный, крепкий, плотный, здоровый, сильный. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 12)

[91] ПСРЛ. Т. 15 Стб. 147.

даже конкретизирует форму «пассивного протеста» русского духовенства против протежируемого Дмитрием Ивановичем несостоявшегося митрополита – «епископи же со архимандриты и игумены и ереи...вериги железныя накладаше и неповинно смиряше»[92]. Однако единственное предсказание дальнейшего развития событий и судьбы Митяя принадлежит преп. Сергию, причем оно не только сбылось, но и отличалось, как сообщает Житие, поразительной конкретностью.

Важно подчеркнуть, что свои пророческие слова игумен произнес прилюдно, в стенах Троицкого монастыря, «рече всему множеству братии» и, следовательно, предсказание, так или иначе, стало достоянием гласности. В связи с этим не вызывает удивления то, что кончина Митяя, в чем не сомневались современники, случилась *«по пророчьству святого Сергиа*; *«оттоле*, – заключает Житие, – *имаху люди святого яко некоего велика пророка»*[93]. Так что получение в Москве «вести» о кончине Митяя, кроме всего прочего, подтвердило пророческий дар троицкого игумена.

В связи с этим часто обсуждавшийся, причем с интонацией, характерной скорее для современной эпохи, принципиальный вопрос, был ли преп. Сергий «идейным вдохновителем» Куликовской битвы[94], может быть разрешен в рамках церковного понимания дара пророчествования, которого сподобился святой старец и который с несомненностью был подтвержден в истории с Митяем.

В богословской науке такой дар оценивается как особая благодать, способность предвидения неких событий, совершенно, на первый взгляд, случайных, которые «не могут быть предусмотрены из настоящего и с несомненною достоверностью предсказаны...только по откровению Всемогущего существа»; «самым важным признаком того, что пророчество есть истинное... служит его исполнение», а «из числа свидетельств относительно пророчеств... наиболее важное значение имеют те, которые принадлежат лицам, бывшим непосредственными свидетелями как провозглашения, так и исполнения...пророчества»[95].

[92] Житие св. Федора архиепископа Ростовского. Сообщ. архим. Леонид. С.13.

[93] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С.369.

[94] Ср.: *Кучкин В. А.* Свидание перед походом на Дон или Вожу. С.53; *Он же.* О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы. С. 116.

[95] *Рождественский Н. П.* Христианская апологетика. Курс основного богословия, читанный студентам Санкт-Петербургской духовной академии. Т. 2. СПб., 1893. С. 163–164, 168, 170.

В данном случае история с неожиданной кончиной Митяя, публично предсказанной преп. Сергием еще в 1379 г., до отъезда несостоявшегося митрополита в Константинополь, объясняет факт спешного, незапланированного и в каком-то смысле неожиданного визита великого князя в Троицу в преддверии будущего сражения, результаты которого на Руси мог предсказать только преп. Сергий Радонежский. Если пророческий дар игумена действительно получил недвусмысленное подтверждение, повторимся, накануне выступления русских войск из Москвы, и решение Дмитрия Ивановича о поездке в Троицкий монастырь к преп. Сергию принималось под свежим впечатлением сбывшегося предсказания судьбы Митяя, то в данном случае великого князя, разумеется, интересовал исход противостояния с Мамаем. Если выше изложенные предположения верны, то такая встреча могла состояться только в 1380 г. и в любом случае по получении известия о кончине на пути в Царьград великокняжеского духовника.

Несмотря на сбывшееся пророчество преп. Сергия победы великого князя Дмитрия над Мамаем отношения князя и игумена переменились только через пять лет после битвы на Дону. Это случилось к концу 1385 г. в связи с активным участием игумена в примирении московского и рязанского великих князей после захвата последним Коломны[96]. После безуспешной попытки «смирить» рязанского князя военным путем, о чем подробно рассказывалось в предыдущей главе, Дмитрий Иванович обратился «с молением» к Сергию Радонежскому, дабы побудить троицкого игумена отправиться «посолством на Рязань ко князю Олгу о вечном мире и любви»[97]. Особого внимания в летописном рассказе заслуживает употребленное в летописи применительно к рязанской миссии преп. Сергия Радонежского определение «сам ездил»[98]. Троицкий игумен как посредник в межгосударственных переговорах, вообще, шире говоря, духовное лицо в ранге дипломата – явление для средневековой Руси уникальное.

Наши знания о русском посольском обычае этого времени слишком скудны, чтобы делать какие- то серьезные обобщения, однако хорошо известно, что дипломатическая практика второй половины XV–XVII вв. отмечает полную непричастность русс-

[96] Подробнее о взаимоотношениях великого князя и игумена: *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский и борьба за митрополичью кафедру всея Руси в 70–80-е гг. XIV в. С.358.

[97] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 150–151.

[98] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 151 («Тое же осени... игумен Сергии... *сам ездил* на Рязань ко князю Олгу о миру»).

кого духовенства к посольским делам. Скрупулезный исследователь русского дипломатического этикета Л. А. Юзефович, правда, полагает, что ранее духовенство принимало участие в межгосударственных переговорах, но приводит единственный такого рода пример, и это как раз миссия преп. Сергия Радонежского к великому князь рязанскому Олегу Ивановичу 1385 г.[99]

Здесь, очевидно, сразу стоит отделить посольскую миссию от ситуаций, когда духовное лицо содействовало решению проблем светской власти, но собственными, церковными методами. В биографии преп. Сергия есть примеры такого рода, поездки игумена в Нижегородское и Ростовское княжества. Традиция церковного почитания преп. Сергия не разделяла подобные миссии («и с Резанским и с Нижегородцким великими князьми великому князю Дмитрию Ивановичю мир вечныи устроив посолствомъ своимъ»[100]), а В. А. Плугин причислил все три миссии к посольствам, охарактеризовав эту сторону деятельности игумена как «практически политическую»[101]. Однако нижегородская и ростовская поездки, совершенно очевидно, имели красноречивые формальные отличия от рязанской.

Надо сказать, что в отличие от поездки преп. Сергия в Рязань 1385 г., факт и, главное, время которой зафиксированы в летописном тексте и никаких сомнений не вызывают, оба предыдущие эпизода оцениваются в историографии весьма неоднозначно в силу непростой ситуации с источниками. Но, независимо от того, действительно ли преп. Сергий ездил в Ростов в 1363 г. мирить московского князя с ростовским Константином Васильевичем[102] или нет[103], формально поездка выглядела как паломническая: игумен ходил «в Ростовъ къ Пречистеи и къ чюдотворцем поклонитися»[104] (сонм ростовских святых, мощи которых почивали в Успенском соборе, был в это время одним из самых внушительных на Руси[105]).

[99] *Юзефович Л. А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV – первая половина XVII вв. СПб., 2007. С.53.

[100] Книга чудес преп. Сергия. Творение Симона Азарьина // *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т.1 . Житие Сергия Радонежского. С. 468. «Посолствами» называет поездки и Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. 11. С. 5, 86–87).

[101] *Плугин В. А.* Сергий Радонежский – Дмитрий Донской – Андрей Рублев. С.73.

[102] *Борисов Н. С.* Сергий Радонежский. С.106; *Аверьянов К. А.* Сергий Радонежский. Личность и эпоха. С. 110–115.

[103] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 59–60; *Кучкин В. А.* Сергий Радонежский и борьба за митрополичью кафедру всея Руси в 70-е гг. XIV в. С.88-89.

[104] Повесть о Борисоглебском монастыре (около Ростова) XVI в. Сообщение Хр. Лопарева. СПб.1892. (Памятники древней письменности. Вып. 86). С. 7.

[105] Книга, глаголемая Описание о Российских святых. С. 90–102.

Также непроста история с нижегородской миссией преп. Сергия – в историографии дискуссионными остаются как сам ее факт, так и возможная дата[106]. Однако даже если троицкий игумен и принял посильное участие в «смирении» князя Бориса Константиновича, действовал он не как великокняжеский посланник, а как лицо духовное и от имени другого духовного лица, митрополита Алексея.

Согласно рассказу Никоновской летописи преп. Сергий чуть ли не лично «затворил церкви» Нижнего Новгорода за ослушание[107], но как «технически» выглядел интердикт, хорошо известно из одного из посланий на Вятку митрополита Ионы второй четверти XV в., времени противоборства великого князя Василия Васильевича Темного и князей Галицкого дома. Предостерегая вятчан от участия в военных действиях против великого князя на стороне Дмитрия Шемяки, митрополит подробно описывает, как будут «затворены церкви» в случае неподчинения: «А не послушаете нас... и мы к вашим игуменом и попом и ко всему священству, к вашим духовным отцем писали и речьми приказывали, чтобы вас...не благословляли...и церкви бы Божии затворили и от вас бы отошли из земли вси вон. А не затворят, а... прочь не поидут, а имут у вас жити, и... имеем равно неблагословенных и проклятых в сеи век и в будущии»[108]. Здесь на самом деле решающую роль играет отказ пастве в благословении, священническом и архиерейском, а само «затворение» храмов проводит приходское духовенство. Так что игумен Сергий, если и побывал в Нижнем Новгороде, то только с посланием, письменным или устным, митрополита Алексия.

Посреднические миссии духовных лиц сами по себе не были чем-то необычным. Митрополит Фотий в 1425 г. ездил к звенигородскому и галицкому князю Юрию Дмитриевичу уговаривать его явиться в Москву на поставление в великие князья племянника, Василия Васильевича[109], а троицкий игумен Зиновий способс-

[106] Подробный обзор историографии: *Аверьянов К. А.* Сергий Радонежский. Личность и эпоха. С. 133–138.

[107] «Прииде... преподобныи Сергии... в Новгородъ в Нижнии... по митрополичю слову Алексеева... церкви все затвори» (ПСРЛ. Т. 11. С. 5).

[108] Цит. по: *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 370–371.

[109] ПСРЛ. Т. 25. С. 246. О. А. Абеленцева полагает, что Юрий Дмитриевич отказывался ехать в Москву «для заключения мира», а целью поездки к нему митрополита были «переговоры о мире» (*Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 205), однако формально князья не пребывали в состоянии «немира» – речь шла о предъявлении обоими прав на великокняжеский стол, но еще никак не военных действиях, требовавших формального примирения.

твовал примирению в 1442 г. великого князя Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой, остановив поход галицкого князя с союзниками на Москву «и не пусти их... и еха напередъ сам... и помири их»[110]. Если же речь заходила о собственно посольствах как таковых, в которых, как это имело место в Рязани конца 1385 г., обсуждались конкретные вопросы межгосударственных отношений, то в таких переговорах участвовало не духовное лицо, а светский архиерейский чиновник, митрополичий дьяк[111].

Так что миссия 1385 г. преп. Сергия в Рязань принадлежит к числу во всех отношениях неординарных для духовного лица действий.

Трудно сказать, когда великий князь уговорил игумена быть московским послом к великому князю Олегу Ивановичу. В Никоновской летописи приводится малодостоверный рассказ о личной поездке великого князя в Троицу с целью убедить преп. Сергия отправиться в Рязань[112]. Реально переговоры об участии преп. Сергия Радонежского в мирных переговорах с Олегом Ивановичем, надо согласиться с Б. М. Клоссом, не могли состояться ранее крещения в Чудове монастыре преп. Сергием сына московского князя, Петра[113]. Летописи указывают, однако, дату не крещения Петра Дмитриевича, а его рождения, день памяти апп. Петра и Павла, 29 июля[114], дата же крещения и, следовательно, принятия преп. Сергием решения идти на переговоры в Рязань неизвестна.

Церковная практика признает разведение во времени имянаречения (назнаменования), следовавшего за рождением младенца, и его крещения[115], причем дата последнего целиком зависела от желания родителей и здоровья новорожденного. Давая в 1419 г. разъяснения псковскому духовенству, верно ли «жене, родившей детя, докели...не крещает дитяти, дотоле не дают молитвы очистительныя», митрополит Фотий писал, что «неподобно сие есть отинудь»: после рождения ребенка священник обязан прийти в дом роженицы и дать очистительную молитву «родительници и

[110] ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С.151.

[111] *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 358.

[112] ПСРЛ. Т. 11. С. 87 («и молебная свершивъ... и святую братью накорми и милостыню даде и глаголаша с молениемъ... дабы шелъ от него... посолствомъ»).

[113] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 35.

[114] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 150.

[115] Подробнее: *Булгаков С. В.* Настольная книга для священноцерковнослужителей (сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). М., 1993. Ч. 2. С. 955–961.

женам, прилучившимся на рожении том», после чего *«наречет имя... младенцу в 8 день»* и только *«егда изволят родителя... и крестит его»*[116]. И много позднее, в XVII в., разведение во времени имянаречения, дававшегося младенцу духовником его родителей сразу по рождении, и крещения, дата которого целиком зависела от воли семьи и здоровья новорожденного, сохранялось в царском доме[117]. Так что временной разрыв между датами рождения и крещения мог быть и достаточно большим[118].

В данном случае дата крещения княжича важна потому, что, похоже, обращение к авторитету преп. Сергия было для московского князя вынужденным, своего рода крайней мерой. До троицкого игумена, как подчеркнуто в летописном рассказе, в Рязани уже не раз успели безрезультатно побывать другие посланцы Дмитрия Ивановича, «мнози ездили и не возмогоша утолити его (князя Олега Ивановича. – *А. Л.*)». Следовательно, до «моления», совпавшего по времени с крещением, сорвалось несколько попыток со стороны Москвы наладить мирный диалог. И если крещение Петра Дмитриевича по каким-то причинам имело место, например, в начале осени, то понятно, что на безуспешные попытки наладить дипломатический диалог с Рязанью у московского князя ушло достаточно много времени.

Так или иначе, но троицкий игумен отправился с посольством в Рязань в ноябре «на Филипово заговение», почти полгода спустя после разгрома московских полков рязанцами под Перевитском, поставившем точку в вооруженной стадии конфликта вокруг Коломны. И если верно высказанное выше предположение о том, что духовником великого князя преп. Сергий стал только в 1386 г., то все, что связано с рязанской миссией 1385 г., для взаимоотношений Дмитрия Ивановича и преп. Сергия Радонежского обретает особый смысл.

[116] Памятники древнерусского канонического права. Стб. 416. Ср.: «А дети здоровых до 40 дни не крестять, аще болнó толко родиться» (Цит. по: *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. С. 102), «аще детя 7 дни некрещено умреть не болевъ, несть за се опитемъи. Аще же болно, в небрежении... оумреть некрещено, год опитемъи... Аще минуло 6 недель, а умреть некрещено, 3 лета опитемъи» (Там же. С. 91).

[117] «Как приспеет время родитися царевичю, и посылают по духовника, чтоб дал ...женам молитву и нарек тому новорожденному младенцу имя... И после того бывают у царя крестины, *в которой день не прилучитца, смотря по младенцову здоровью*» (*Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 15–16).

[118] Полемика вокруг даты рождения преп. Сергия выявила множество примеров, когда разрыв между датами рождения и крещения младенца мог быть достаточно продолжительным, иногда достигая семи недель. Подробнее: *Кучкин В. А.* Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (18). С. 121.

Рязанские переговоры, безусловно, стали беспрецедентным событием не только для московского князя, но и для троицкого игумена. Не будучи духовником московского князя, со времени кончины митрополита Алексея в 1377 г. постоянно оппонируя его церковной политике, преп. Сергий Радонежский счел все же для себя необходимым принять участие в примирении московского и рязанского князей, причем именно в качестве посла. Поездка в Рязань в начале зимы 1385 г. носила не пастырский, а редкий для духовного лица на Руси сугубо дипломатический характер и даже формально никак не была связана с устройством церковных дел. Нет никаких известий об обязательных в таких случаях визитах в церкви и монастыри, встрече с рязанским епископом[119] и пр. Кроме того, в отличие от Ростова, храмы столицы Рязанского княжества не имели мощей святых общероссийского почитания[120], так что трудно было найти даже формальный предлог для отлучки игумена из обители накануне Рождества – времени во всех отношениях для этого не подходящего. На переговоры семидесятилетний троицкий игумен отправился постом, в зимние холода, по святоотеческому завету пешком[121]. Обстоятельства беспрецедентной мирной миссии старца красноречиво говорят о том, что хозяином положения в этот момент была не Москва, а Рязань.

Ситуация, когда дипломатические переговоры должно было вести духовное лицо, порождала, очевидно, множество неожиданных, иногда чисто житейских коллизий. Так, монаху невозможно было остановиться на ночлег в великокняжеском дворце Переяславля-Рязанского. По легенде, игумен зимой 1385 г. жил за городом, в рязанском Троицком монастыре[122]. Но очевидно для

[119] В известном справочнике П. М. Строева в интересующее нас время по Рязани указаны два епископа: Афанасий, хиротонисаный ранее 1378 г. и Феогност, поставленный митрополитом Пименом 15 августа 1387 г. (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877. Стб. 413.). При этом в историографии существует глухое упоминание имени некоего епископа Феоктиста, поставленного на Рязань около 1385 г., «и во время его приходи посланником преподобный Сергий» (*Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии и всх церковных дел сея епархии... М., 1820. С. 31, 287), источниками не подтверждаемое.

[120] Среди пяти или шести святых Переяславля-Рязанского, почитавшихся местно, ни один, включая свт. епископа Василия, не попал в русские минеи и служебники ранее рубежа XVI–XVII вв.: Книга, глаголемая описание о Российских святых... С. 239–241. О свт. Василии: *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Святой Восток. М., 1876. С. 94.

[121] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 151. Все походы из монастыря старец всегда совершал пешим (*Борисов Н.* Сергий Радонежский. С. 111).

[122] *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии и всех церковных дел сея епархии... С. 313–314; *Он же.* Историческое обозрение Рязанской губернии, разделенное на пять периодов... М., 1822. С. 165.

духовного лица, ведущего дипломатические переговоры, существовали и препятствия более серьзные

Принципиальная сторона дипломатической практики заключалась в том, что договоренности скреплялись взаимными клятвами. Летописный рассказ как будто акцентирует внимание на том, что преп. Сергий действовал в первую очередь как лицо духовное, убеждал «кроткыми словесы и тихими речми и благоуветливыми глаголы» Олега Ивановича и смирял его легендарную гордыню (ораторско-проповедническое дарование троицкого игумена высоко оценивалось современниками и потомками[123]). Невозможно, однако, поверить в то, что в Рязани, как и на всяких посольских «съездах», не обсуждались конкретные условия заключения «мира вечного», взаимные или односторонние территориальные уступки (вопрос о Коломне и «месте Тула»), а также политические обязательства сторон, без которых миссия вообще теряла смысл. Дипломатические переговоры невозможно представить без взаимных обещаний и клятв. Данные духовным лицом, они, с одной стороны, всегда имели особый вес[124], в том числе и в скреплении частноправовых актов[125]. Но церковь безусловно порицала самый надежный вид клятвы – крестное целование духовенства[126]. В XVI в. под это осуждение подпадали даже дипломаты, ведшие переговоры за границей[127]. Неудивительно, что дипломатическая миссия преп. Сергия в Рязань 1385 г. осталась, похоже, едва ли не единственным примером участия духовенства в дипломатических сношениях на Руси.

Так или иначе, в итоге переговоров преп. Сергия Радонежского с великим внязем рязанским Олегом Ивановичем между Москвой и Рязанью был заключен «мир вечныи», как полагал А. Е. Пресняков, оформленный письменным доконча̀нием, до наших дней не сохранившимся[128]. Понятно, что если такой договор и существовал, то оформлял его не преп. Сергий, но основные положения «мира вечного» не могли не быть обсуждены и согласованы во время рязанского визита старца.

[123] «Кто бо, слыша добрыи его сладостныи ответъ, не насладися от сладость словесъ его? ...Или кто, гневливъ напрасно, беседуа с нимъ, в кротость не приложися?» (*Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 272).

[124] Памятники древнерусского канонического права. Стб. 921–922.

[125] *Смирнов С.* Древнерусский духовник. С. 98, 102.

[126] *Успенский Б. А.* Право и религия в Московской Руси // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып. 1. М., 2008. С.164-168.

[127] *Корогодина М. В.* Исповедь в России XIV–XIX вв. С. 175–176.

[128] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 241. Прим. 2.

Есть, однако, старая форма скрепления мирных отношений, в договорных грамотах русских князей никогда не фигурировавшая – династические браки. В историографии неоднократно высказывалось мнение о том, что последовавший в 1396 или 1397 гг. брак дочери московского князя, Софии Дмитриевны, и сына Олега Ивановича Рязанского, князя Федора Ольговича[129] явился прямым следствием мирной миссии троицкого игумена в Рязань[130]. Предположение совершенно справедливое, более того, задержка свадьбы как минимум на год после «взятия мира вечного» легко поддается объяснению.

Переговоры 1385 г. велись в условиях одного печального для обеих семей обстоятельства – родные братья жениха и невесты во время пребывания преп. Сергия Радонежского в Рязани находились в Орде в качестве заложников – аманатов. Речь идет о московском князе Василии Дмитриевиче и о Родославе Ольговиче Рязанском. Попутно отметим, что ситуация, при которой князья оказались в Орде, как кажется, дает лишний повод понять, что как мирные переговоры, так и рязанский брак дочери Дмитрия Ивановича были для Москвы делом вынужденным, если не актом отчаяния.

Оба князя оказались пленниками Тохтамыша, так или иначе, во время набега 1382 г. или в связи с его политическими последствиями. Одновременно в Орде, и по тем же обстоятельствам, оказались князья тверской Александр Михайлович и нижегородский Василий Дмитриевич Кирдяпа, насильственное удержание которых Ю.В. Селезнев связал с неустойчивостью власти Тохтамыша над русскими княжествами[131].

О трех из четверых князей, московском, тверском и нижегородском, известно, что они являлись старшими сыновьями и, соответственно, наследниками великокняжеских столов. Относительно рязанского князя, всего трижды упоминаемого в летописях, бытует мнение, что он, единственный из князей-заложников, был не первенцем, а вторым сыном Олега Ивановича, старшим же – князь Федор Ольгович, за которого выдали московскую княжну, унаследовавший отцовский стол в 1402 г. после кончины отца[132].

Таким образом, следуя логике «аманатства» 1382 г., Родослав Ольгович, как представляется, тоже должен был быть старшим

[129] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 152 (1386); Т.25. С. 213 (1387).

[130] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 121.

[131] *Селезнев Ю. В.* «А переменит Бог Орду...». С.39

[132] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. Т. 1. С. 592.

князем в семье Олега Ивановича, не унаследовавшим рязанского княжения только потому, что в момент кончины отца пребывал в плену в Литве. Если это так, то московская княжна София Дмитриевна в 1386 или 1387 гг. стала женой даже не наследника рязанского стола, а его младшего брата[133].

Возвращаясь к задержке со свадьбой, скрепившей московско-рязанский мир конца 1385 г., отметим, что брат невесты, Василий Дмитриевич, и брат жениха, Родослав Ольгович, бежали из Орды с интервалом в год – полтора, первый в 26 ноября 1385 г.[134], второй в 1386 г. (месяца летописи не сообщают)[135]. Подчеркнем, что русские летописи указывают месяц и день, когда старший сын Дмитрия Ивановича Московского бежал из ставки Тохтамыша, дата же возвращения Василия Дмимтриевича в Москву есть только в Супрасльской летописи: «прииде изо Орды... от царя Токтомоша (sic) генваря 19» следующего, 1386 г.[136] Так что преп. Сергий, находившийся в Рязани и вернувшийся в Троицу под Рождество (об этом ниже), не знал о счастливом избавлении брата невесты от плена. Возможно, согласно изначальной договоренности троицкого игумена с Олегом Ивановичем, свадьба ставилась в зависимость от возвращения обоих князей к семьям, что случилось не позднее 1387 г.

Заметим, что не позднее весны 1386 г. великокняжеский духовник Федор Симоновский надолго отлучился в Царьград, и, очевидно именно в этот момент обязанности «отца духовного» Дмитрия Ивановича принял на себя преп. Сергий Радонежский.

Выше писалось о том, что житийная и летописная биографии преп. Сергия во многом существуют параллельно. Однако рязанская миссия троицкого игумена 1385 г. нашла, похоже, отражение и в той, и в другой. Из летописи известно о самом посольстве, в Житии же, как кажется, содержится духовная оценка деяния троицкого игумена.

В тексте Жития есть описание видения преп. Сергию Радонежскому Богоматери в сопровождении свв. апп. Иоанна и Петра, явившихся игумену в келье Троицкого монастыря «в 40-цу Рождества Христова, день же пяток бе при вечере» со словами «о братьях...своих и о монастыру не скърби..., отныне бо во всем изъбилствует святыи монастырь, и не токмо донде же в животе еси..., но и по твоему еще къ Господу отхождении неотступна

[133] Подробнее см. гл. 4 настоящего издания.
[134] ПСРЛ. Т. 25. С. 212.
[135] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 153.
[136] ПСРЛ. М.1980. Т.35. С.51.

буду тех»[137]. Как и прочие житийные эпизоды, видение датировано отсылкой к пятнице сорокадневного Рождественского поста, «четыредесятницы» без, естественно, указания на год чуда видения.

К тому же Рождественскому посту, в свою очередь, из десяти летописных упоминаний троицкого игумена относится только один эпизод, помещенный в статье под 1385 г., и это посольская миссия в Рязань, о которой говорилось выше, в летописном рассказе отнесенная «на Филипово заговение»[138].

Принятое ныне наименование поста, Рождественский, принадлежит к поздней церковной традиции, русские летописи называют его исключительно «Филиповым заговением» или «Филиповым говением»[139] и очень редко «Филипповым постом»[140], в отличие от другого сорокадневного поста, Великого, который в русских источниках именуется, наоборот, исключительно Четыредесятницей[141]. Употребление в тексте Жития вместо обычного на Руси этого времени обозначения поста, «Филипово заговение», определения «Четыредесятница» – возможно, сербизм, которым Житие обязано его составителю, Пахомию Сербу. В сербском языке и в эпоху средневековья, и в наши дни оба поста именуются именно таким образом, Четыредесятницами, иногда с приставкой «большая» и «малая», и сорокадневный Великий пост, и длящийся такое же время Рождественский[142].

Первым на возможную связь этих эпизодов, летописного и житийного, указал Б. М. Клосс, обративший внимание, во-первых, на то, что «четыредесятница Рождества Христова – это и есть Филиппов пост, как об этом записано в Иерусалимском уставе (под 14 ноября)» и, во-вторых, на сопровождавших Богоматерь апостолов. Свв. апп. Петр и Иоанн Богослов, как подметил исследователь, ангелы сыновей Дмитрия Ивановича Московского и его двоюродного брата и соправителя, Владимира Андреевича Серпуховского, княжичей Петра Дмитриевича и Ивана Владимировича, которых преп. Сергий Радонежский крестил в Москве в, соответственно, 1385 и 1381 гг.

[137] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 372–373.
[138] ПСРЛ.Т. 15. Стб. 150–151.
[139] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 64, 93–94, 104, 108, 152, 157–158, 444; Т. 18. С. 110, 136, 264, 269; Т. 25. С. 181, 238. Количество примеров можно без труда умножить.
[140] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 242.
[141] Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. ИАН. СПб., 1847. Т. 4. С. 438.
[142] Приношу сердечную признательность за консультацию А. А. Турилову.

В пользу датировки видения Богоматери 1385 г. историк привел еще один аргумент. Первым слушателем рассказа игумена о явлении Богоматери был инок Михей, узнавший о видении от самого преп. Сергия Радонежского «в последная лета живота своего» (во время чудесного видения он пал на пол кельи и сам его не видел). Хорошо известно, что инок действительно скончался в 1386 г.[143]

Таким образом, по Б. М. Клоссу, видение имело место 14 ноября 1385 г. Кстати, так же истолковал похожую летописную датировку, на этот раз приезда митрополита Пимена из Царьграда на Русь («тои же осени... перед Филипповым заговением»[144]) в недавней работе и К. А. Аверьянов: «Как известно, Филипповым заговеньем 14 ноября начинается Рождественский (Филиппов) пост»[145].

Связь летописного и житийного эпизодов представляется если и не очевидной, то, во всяком случае, вероятной, но тут сразу возникает одна коллизия, требующая объяснения.

Всякое Божественное Откровение, в том числе и видение, «появление Высшего существа в нашем мире», с богословской точки зрения, всегда происходит «с целью сообщить нам более или менее полную истину о себе и о том, что от нас требуется», оно «воспринимается отдельным лицом», но предназначено «не для него исключительно, а для более или менее широкого распространения»[146]. В русской житийной литературе явления Богоматери святым угодникам – редкая благодать. Они описаны всего в нескольких житиях и всегда сопровождаются четким указанием на «земной», если угодно практический смысл чуда.

Так, прпп. Антонию и Феодосию Печерским (XII в.), Кириллу Новоезерскому (XVI в.), Леониду Устьнедумскому (XVI в.), Иову Анзерскому (XVIII в.) Богоматерь явилась с целью указать место возведения храма, монастыря или скита[147], свт. Иоанну епископу Новгородскому(XII в.) – с обещанием подачи помощи для завершения строительства церкви[148]. Во всех случаях Богоматерь является святым угодникам без сопровождения. Единственное, похоже, исключение – видение Богоматери и свв. Климента, папы Римского и Петра Александрийского, известно только в церковной традиции XIX в. Преп. Серафиму Саровскому чудо было явлено как знак разрешения покинуть затвор, святители же, сопровождавшие Богоматерь, были святыми для явления, 25 ноября[149].

Таким образом, видение Богоматери, описанное в Житии преп. Сергия Радонежского, резко выделяется среди прочих известных агиографии божественных откровений, поскольку, во-первых, как кажется, не связано с сиюминутной проблемой, помочь решить которую может только Высшая сила конкретно в этот день и на этом этапе жизни святого. Во-вторых, появление с Богоматерью свв. апостолов, дни поминовения которых не имеют никакого отношения к Рождественскому посту, также принадлежит к явлениям редчайшим. Однако гораздо бóльший интерес в историографии вызвали все-таки не эти вопросы, а датировка видения и его связь с московско-рязанскими отношениями.

Наблюдения Б. М. Клосса вызвали резкое несогласие В. А. Кучкина. Признавая, что инок Михей действительно мог слышать рассказ игумена о видении Богоматери за год до своей кончины, то есть в 1385 г., исследователь выяснил, что 14 ноября 1385 г., которым Б. М. Клосс датировал «40-цу Рождества Христова», приходилось не на «пяток» – пятницу, а на вторник, на пятницу же указанная дата приходилась в 1382 г. Вывод В. А. Кучкина категоричен: между рассказом игумена иноку Михею о видении и самим видением прошло три года, и к московско-рязанским переговорам 1385 г. этот эпизод Жития не имеет никакого отношения, а совпадение имен апостолов с именами княжичей – чистая случайность и, в отношении датировки, ссылка на них – «аргумент... схоластического характера»[150]. Никаких своих толкований смысла видения преп. Сергию исследователь, в то же время, не предложил.

С предложенной В. А. Кучкиным датировкой чуда согласился К. А. Аверьянов, разумно озаботившийся, коль скоро оно никак не было связано с переговорами преп. Сергия Радонежского в Рязани, поиском иного земного объяснения чуда в келье троицкого игумена, относящегося, на этот раз уже не к 1385, а к 1382 г.

[143] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 35–36. Прим. 27.
[144] ПСРЛ. Т.15. Стб. 441.
[145] *Аверьянов К. А.* Где был митрополит Киприан в 1380 году? // ВИ. 2008. № 2. С. 153.
[146] Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 260.
[147] *Булгаков С. В.* Настольная книга священнослужителя. Т. 2. С. 581; Т. 3. М., 1979. С. 36, 550, 593.
[148] Там же. Т. 2. С. 33. В приведенных случаях речь идет именно о явлениях, хотя известны примеры, когда к тем или иным действиям святые призывались «по внушению» или «по гласу» Богоматери, как переселение свт. митрополита Максима во Владимир в 1299 г. или выход «на брань с неверными» св. мч. Меркурия Смоленского (Там же. Т. 2. С. 328, 370).
[149] Житие преп. отца нашего Серафима Саровского чудотворца... М.1903. С. 92. На этот факт внимание автора любезно обратил А. В. Лаушкин.
[150] *Кучкин В. А.* Антиклоссицизм. С. 127.

Летом 1382 г. Русь пережила набег орд хана Тохтамыша, в конце августа татарами была сожжена Москва. Памятуя дальнейшее направление движения татар от Москвы, к Переяславлю-Залесскому, автор предположил, что тогда же был уничтожен и Троицкий монастырь, располагавшийся вблизи дороги на Переяславль-Залесский. Явление Богоматери, полагает К. А. Аверьянов, стало знаком особого благоволения разоренной татарами обители, а присутствие ангелов московского и серпуховского княжичей – знаком покровительства монастырю князей-соправителей, Дмитрия Ивановича Московского и Владимира Андреевича Серпуховского, духовных чад, как полагает историк, игумена[151].

Как представляется, оба предположения все-таки выглядят натянуто.

Во-первых, нет никаких оснований считать, что Троицкий монастырь в 1382 г. подвергся разорению. Об уничтожении монастыря в летописной Повести о нашествии Тохтамыша ничего не сообщается. Житие преп. Сергия не один раз подчеркивает отрезанность холма Маковец от дорог («пути пространьнаго не бяше къ месту тому, но некоею узкою и прискрѣбною тесною стезею, акаы беспутиемъ, нужахуша приходити к ним. Великый же и шырокый путь вселюдскый отдалече... окрестъ же... съ вся страны лесове»[152]), с чем связано несколько чудесных явлений съестных припасов троицким инокам[153]. В любом случае монастырь и дорогу на Переяславль-Залесский, которой двигался на северо-восток Тохтамыш, разделяло восемь–десять километров труднопроходимых лесов таежного типа[154]. Очевидным доказательством того, что Троицкая обитель не была сожжена в 1382 г., служат рукописные книги монастырской библиотеки времени игуменства преп. Сергия, сохранившиеся до наших дней, в отличие от московских, полностью во время нашествия Тохтамыша «обратившихся в дым»[155].

Во-вторых, что касается сопровождавших Богоматерь ангелов московского и серпуховского княжичей, свв. апп. Иоанна и Петра, то если первенец серпуховского князя, Иван Владимирович, во время гипотетического сожжения татарами Троицкого монастыря летом 1382 г. был годовалым младенцем[156], то четвертый из сыновей героя Донского побоища, ангелом которого был ап. Петр, появится на свет только три года спустя, летом 1385 г.[157]

[151] *Аверьянов К. А.* Сергий Радонежский. С. 366–368.
[152] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 332
[153] Там же. С. 308, 321, 333, 337, 352–353.
[154] *Чернов С. З.* Природа и быт в «Житии Сергия Радонежского» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С.339.
[155] *Вздорнов Г. И.* Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца 1-й трети XV в. // ТОДРЛ. Т. 22. Л., 1966. С. 119, 129–131.

Таким образом, предположение Б. М. Клосса о связи явления Богоматери преп. Сергию с его миротворческой миссией в Рязань представляется реальным, если бы не хронологическая неувязка с «пятком» «40-цы Рождества Христова». Однако тут в рассуждения уважаемого историка и его оппонентов вкралась досадная ошибка. И отнесший чудо к 1385 г. Б. М. Клосс, и В. А. Кучкин и К. А. Аверьянов, датировавшие явление 1382 г., неточно поняли весьма важное хронологическое указание житийного текста, «40-ца Рождества Христова» как 14 ноября.

Во-первых, 14 ноября – это день памяти апостола Филиппа, само же «заговение» т.е. сорокадневный пост исчисляется с 15 ноября[158]. В случае, если Филиппов день приходится на постные дни недели, среду или пятницу, он тоже постный («аще причтется праздникъ святаго Филиппа въ среду ли въ пятницу, не подобно ясти мясъ христианомъ, но ясти рыба в ты дни святаго ради Филиппа»[159]), но не входит в рождественскую «40-цу». Как помним, В. А. Кучкин выяснил, что 14 ноября 1385 г. было вторником, следовательно, на Филиппов день 1385 г. поста не было, «Филипово заговенье» началось в среду, 15 ноября и продолжилось до 24 декабря.

Во-вторых, «пяток» житийного рассказа – не конкретная пятница, а одна из пятниц *всех сорока дней* «Филипова заговенья» – так Видение датируется в житии упоминавшегося выше инока Михея[160]. Церковное почитание ученика преп. Сергия и второго свидетеля чуда, похоже, сложилось не ранее XVII в.[161], однако в его основе может быть и более древняя традиция, непосредственно восходящая ко времени создания Пахомиевской редакции жития преп. Сергия Радонежского. Уже во второй четверти XV в.

[156] Он родился весной 1381 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 142).
[157] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 150.
[158] *Булгаков С. В.* Настольная книга для священноцерковнослужителей. Кн. 1. С. 453, 455.
[159] Памятники древнерусского канонического права. Стб.141.
[160] Ср.: «Явление Божией Матери в келлии преподобного Сергия, на месте нынешней Серапионовой палаты, было *в одну из пятниц Рождественского поста* 1385 г.» (Настольная книга священнослужителя. Т. 3. С. 754).
[161] *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. М.1903. С .146.

в Троицком монастыре существовало почитание образа Явления Богоматери с апостолами преп. Сергию и, естественно, сам образ, помещавшийся в соборном храме на раке его основателя. Икона впервые упоминается в 1446 г.: ей, ища спасения в Троицком соборе, молился великий князь московской Василий Васильевич перед пленением его князьями Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским[162]. При этом почитание иконы никак с датой явления не связано и отмечается особой монастырской службой 24 августа, на второй день отдания праздника Успения Богоматери[163].

Возвращаясь к «пятку» Жития, отметим, что в 1385 г. пятницы Филипповского поста пришлись на 17, 24 ноября и 1, 8, 15 и 22 декабря. Скорее всего, искомая пятница – это пятница 22 декабря, завершающая дни поста и приходящаяся собственно уже на рождественский сочельник, предпразднество Рождества Христова.

Именно на эти последние пять дней церковный устав предписывает усилить строгость воздержания, позволяя только сухоядение один раз в день[164]. В сознании православного не могло быть не отмечено, что повечерие «пятка» предпразднества Рождества Христова 1385 г., дня явления Богоматери с апостолами преп. Сергию, было также кануном дня особой и нечастой благодати. Согласно церковному уставу, в случае, если последний день Филипповского поста приходится на субботу или воскресенье, в такой день «поста не бывает», «ядим совершенно» т.е. возможна настоящая, непостная трапеза[165]. Следующие после последнего «пятка» поста, 22 декабря, оставшиеся два дня «Филипова заговенья» 1385 г., 23 и 24 декабря, пришлись как раз на субботу и воскресенье.

Таким образом, есть серьезные основания отнести видение Жития преп. Сергия все-таки к исходу 1385 г., 22 декабря, времени благополучного завершения миротворческой миссии троицкого игумена в Рязанское княжество, моменту во всех отношениях переломному во взаимоотношениях великого князя и игумена.

[162] ПСРЛ. Т. 25. С. 265. Ср.: *Гусева Э. К.* Особенности сложения иконографии «Сергиева видения» («Явления богоматери преп. Сергию») // Искусство Средневековой Руси. (Государственные Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 12). М., 1999. С. 120–138.

[163] Настольная книга священнослужителя. Т. 3. С. 755.

[164] *Скабалланович М.* Рождество Христово. (Христианские праздники. Всестороннее освещение каждого из великих праздников со всеми его богослужениями. Кн. 4). Киев, 1916. С. 37–39.

[165] *Скабалланович М.* Рождество Христово. С. 41.

Может показаться странным, что преп. Сергий удостоился чуда видения не в связи с крупными политическими событиями эпохи, той же Куликовской битвой, победные результаты которой были предсказаны святым старцем князю Дмитрию Ивановичу, но о которой Житие даже не упоминает а, на первый взгляд, по поводу мирного разрешения «частной», не общероссийского масштаба, политической размолвки. Однако к моменту причисления троицкого игумена к лику святых, создания Жития, и не дошедшего до наших дней Епифаниева, и Пахомия Серба, четко обозначились политические последствия миссии преп. Сергия в Рязань, окончательно поставившей точку в конфликтах Великого княжества Московского и Великого княжества Рязанского. При этом о возобновлении вассальных отношений не могло быть и речи. Мир 1385–1386 гг. открыл последнюю, хотя и недолгую, страницу в истории Рязани как политически самостоятельного государственного образования Средневековой Руси.

ГЛАВА 4

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И КОНЕЦ РЯЗАНСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
1385–1402

Летописную формулу московско-рязанского примирения, заключенного в 1385 г. при посредничестве преп. Сергия Радонежского, «мир вечный», не стоит понимать буквально, как свидетельство нерушимости отношений в будущем. В посольской практике XVI в. «мир вечный» означал тридцатилетнее перемирие[1], под «веком», очевидно имевшее в виду время человеческой жизни[2], так что «мир вечный» надо, очевидно, понимать как соглашение, действующее при жизни заключивших его великих князей, московского и рязанского. На самом деле так оно и случилось – следующее московско-рязанское дркончание было заключено после кончины обоих князей: Дмитрий Иванович скончался через четыре года, в 1389 г., Олег Иванович пережил свата на тринадцать лет и умер летом 1402 г.

1402 г. стал принципиальной вехой в истории взаимоотношений Москвы и Рязани. Во второй половине его, одно за другим, произошли три взаимосвязанных события, полностью изменивших характер московско-рязанских отношений. «Июля в 5»

[1] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. 1851. Т. 1. СПб., Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. Стб. 1183–1184 («А не сделали...послы по его царского величества указу с паны радными вечного миру и дальнего перемирья на тритцать лет»); Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. 1556–1586. СПб. 1910. (Сборник русского исторического общества. Т. 129). С. 334 («А будет у нас государев указ есть, чтобы нам миритися.., и нам нашего государя указ помиритися на тритцать лет или на век»).

[2] Ср.: Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 2. С.132 («вечные служилые кабалы», «вечные люди» то есть находящиеся в пожизненной зависимости, «вечный хлеб» – вклад в монастырь на пожизненное пропитание, и т.п.).

скончался великий князь рязанский Олег Иванович[3], после чего наследник «стола», князь Федор Ольгович «иде во Орду ко царю Шадибеку з дары и со многою честию... и пожалова его царь, даде ему...великое княжение Рязаньское улус свои и отпусти его»[4]. Вернувшийся с ярлыком на великое княжение в Рязань новый суверен 25 ноября того же года заключил новый договор с московским шурином, великим князем Василием Дмитриевичем (женой Федора Ольговича была, как известно, сестра последнего, Софья Дмитриевна).

Московско-рязанское докончание 1402 г. стало переломным моментом в истории взаимоотношений двух великих княжеств. Неравноправный договор, заключенный в пользу московского князя, провозглашал великого князя рязанского вассалом («брат молодшии») Василия Дмитриевича, и лишал князя Федора Ольговича возможности проводить самостоятельную внешнюю политику[5]. Неудивительно, что после 1402 г., как отметил Д. И. Иловайский, «дальнейшая история Рязани представляет только постепенный переход к окончательному соединению с Москвою»[6]. То, что мы знаем о формах и масштабах этого «соединения» на протяжении XV – начала XVI вв. – а речь надо вести о прямой опеке Москвой Рязани, почти случайно оборвавшейся в 1521 г. – подтверждает слова маститого историка[7].

Докончание 1402 г. стало вторым в истории московско-рязанских отношений неравноправным договором, заключенный в пользу Москвы. Первый, докончание великого князя Дмитрия Ивановича Московского с двоюродным братом и союзником, серпуховским князем Владимиром Андреевичем и Олега Ивановича Рязанского, относится к лету 1381 г.[8], и в него, как помним, впервые была включена принципиальная формула вассальной зависимости Рязани от Москвы, провозглашающая московского князя «братом стареишим», а рязанского «молодшим». Как следствие московского «стареишинства», в докон-

[3] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 390; Т. 18. С. 150; Т. 25. С. 231–232.

[4] Там же. Т. 11. С. 188. Если это известие Никоновской летописи достоверно, то Федор Ольгович был последним из русских великих князей, лично ездивших в Орду за ярлыком (*Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII – первой половины XIV вв. СПб., 1999. С. 270–271).

[5] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.С. 708.

[6] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С.137.

[7] Подробнее см. гл. 5 настоящего издания.

[8] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 246, 249, 337–338.

чание 1381 г. были внесены статьи, лишающие Рязань права проводить самостоятельную внешнюю политику в отношении Орды и Литвы. Вновь заключенный договор 1402 г. включал в себя те же положения.

Сравнивая содержание двух московско-рязанских докончаний, разделенных во времени двадцатью одним годом, В. А. Кучкин пришел к выводу, что в тексте грамоты 1402 г., в сравнении с договором 1381 г., «статус рязанского князя и обязательства сторон претерпели явные изменения в выгодную для Рязани сторону»[9], с чем трудно согласиться. Что касается статуса великого князя рязанского Федора Ольговича, то тут никаких изменений в формулировках договоров вообще не произошло, и он в 1402 г., как и его отец, Олег Иванович в 1381 г. по отношению к Дмитрию Ивановичу, «брат молодшии» великого князя московского Василия Дмитриевича. Обязательства же Рязани следовать в русле внешней политики Москвы в докончании 1402 г. действительно сформулированы иначе, чем в 1381 г., что никоим образом по сути ничего в отношениях княжеств не меняет. Более того, относительно сношений с Ордой обязательства Федора Ольговича Москве прописаны не мягче, но наоборот, много детальнее, чем в 1381 г. и касаются не только войны и мира, но и всего комплекса отношений с ханами.

В возможных вооруженных конфликтах Москвы с Ордой Рязань теперь обязывается, кроме участия, как и ранее, в совместных военных действиях против татар, не иметь с Ордой никаких самостоятельных сношений, «не приставати... к татарам никоторою хитростию». Кроме того, на пограничное Рязанское княжество теперь фактически возлагается дополнительная обязанность по несению разведки и сторожевой службы в пользу Москвы с непременным обязательством оповещать о вестях с гонцами («что ти слышав от Орды, то ти нам поведати. А вести к нам слати»). В известном смысле рязанский «брат молодшии» по докончанию 1402 г. отвечает за последствия ордынских набегов на московские земли, даже в случае их внезапности.

Договор 1381 г. никак не регламентировал дипломатические отношения Рязани и Орды, докончание же 1402 г. подробно расписывает их порядок.

[9] Там же. С. 270.

Сам великий князь рязанский, похоже, был лишен права ездить в Орду[10], а своих киличеев теперь был обязан отправлять в ханскую ставку, «явив» об этом Москве. Если в Рязань вдруг ненароком явится татарский «посол» то, что специально оговаривается, Федору Ольговичу это не должно ставиться в вину как недружественный по отношению к Москве жест («а тебе не в измену»)[11]. Характерно, что докончание предусматривает всего две уважительные причины неявки на митрополичий третейский суд одной из договаривающихся сторон – «рать» т. е. обстоятельства военного времени и «или у кого (Москвы или Рязани. – *А. Л.*) будет посол татарьскои в земле», причем обе ситуации красноречиво именуются «временем замятным».

Что же касается литовских обязательств Рязани в докончании 1402 г. дело, на первый взгляд, обстоит прямо противоположным договору 1381 г. образом. Если Олег Иванович после Куликовской битвы обязывался разорвать некое соглашение с «Литвой» и действовать против нее в русле московской политики, то договор 1402 г. как будто бы дает Федору Ольговичу полную свободу действовать по своему усмотрению: «А въсхочет с тобою тесть мои князь великы Витофт любви, ино тебе взятии любовь» с обязательством заключить возможный мир «со мною по думе»[12]. Однако эта свобода действий Рязани в отношении Литвы, как в свое время показал Л. В. Черепнин, была на руку Москве, соответствовала политическим видам Василия Дмитриевича, заинтересованного в поддержании «немира» Рязани со своим влиятельным родственником[13].

Относительно свободы Рязани в выборе литовской политики, заметим также, что докончание 1402 г. предусматривает только один вариант обстоятельств, при которых заключения рязанско-литовского договора («взятие любви») было допустимо с московской точки зрения, желание литовского князя иметь такое соглашение с Федором Ольговичем. Трудно представить, каким бы образом Василий Дмитриевич мог воспротивиться воле своего могущественного тестя, пожелай великий князь ли-

[10] В 1412–1413 гг., когда в ставке хана последний раз в истории русско-ордынских отношений побывало большинство князей, рязанского князя среди них не было (*Селезнев Ю. В.* Отношения Рязанского великого княжества и Золотой Орды в конце XIV – первой трети XV вв. (1382–1434 гг.) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Сб. научн. работ. Т. 3. Рязань, 2002. С. 46–47).

[11] ДДГ. С. 52–53.

[12] ДДГ. С.55.

[13] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Т. 1. С. 81–82.

товский «любви» с Рязанью. Московско-рязанский договор всего лишь констатирует, что обе заключившие его стороны никак не могут повлиять на политику Литвы, совместная же «дума» в подобной ситуации – очевидная пустая формальность. Таким, вынужденным для Рязани, стало, похоже, докончание, заключенное в 1427 г. Витовтом и сыном Федора Ольговича, великим князем рязанским Иваном Федоровичем, «что ся ему далъ в службоу», предусматривавшее, в частности, участие Рязани по указанию Литвы в действиях против московского внука Витовта, великого князя Василия Васильевича[14], двоюродного брата рязанского князя. Возможно, именно такого оборота событий опасался в 1402 г. его отец, Василий Дмитриевич.

На самом деле, за двадцать один год, разделяющие два московско-рязанские докончания, в отношениях Москвы и Литвы случилась принципиальная перемена: в 1391 г. Василий Дмитриевич женился на дочери Витовта Софье, и внешняя политика московского князя оказалась на долгие годы прикованной к Литве. В ситуации, когда Витовт являлся фактическим гарантом благополучия московской родни, претензии Василия Дмитриевича на руководство литовской политикой Рязани, если таковые были бы, по образцу ордынских, включены в договор 1402 г., выглядели бы более чем странно.

Таким образом, нет никаких оснований считать условия договора 1402 г. более легкими для Рязани, чем аналогичные статьи предыдущего, докончания 1381 г.

Отмечая существование в истории московско-рязанских отношений двух разновременных, но одинаково неравноправных для Рязани договоров, гораздо более важно подчеркнуть кардинальные отличия в исторических обстоятельствах, сопровождавших их заключение. Докончание 1381 г. стало для Рязани расплатой за неучастие в Куликовской битве и явилось следствием политического усиления Москвы после разгрома Мамая, в том числе в Окско-Донском регионе. Однако это усиление было временным. Внешняя политика Рязани в период между 1385 и 1402 гг., годом кончины великого князя Олега Ивановича, в том числе и по отношению к Москве, носила подчеркнуто самостоятельный и независимый характер. Сохранившиеся сведения о Рязани и ее

[14] *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. 1956. Вып. 6. С. 294–295. Л. В. Черепниным договор датирован 1425–1430 гг. (ДДГ. С. 68); см. также гл. 6 настоящего издания.

отношениях с Москвой после примирения 1385 г., как кажется, не дают никаких оснований мотивировано объяснить вторичную, фактически добровольную, утерю княжеством суверенитета.

Высказывалось мнение, что гипотетический договор 1385 г. основывался на положениях московско-рязанского докончания 1381 г.[15] Как помним, последний лишал «брата молодшего» права проведения самостоятельной внешней политики в отношении и Орды, и русских княжеств, и Литвы. То, увы, немногое, что мы знаем о политических шагах Олега Ивановича после 1385 г., свидетельствует об обратном. Великий князь рязанский в течение последних семнадцати лет своего правления, вплоть до кончины в 1402 г., действовал как совершенно самостоятельный суверен на всех трех направлениях. Так что, судя по всему, договор 1381 г. после «взятия мира» между Москвой и Рязанью в 1385 г. перестал действовать и, если письменное соглашение все-таки существовало, то его основные позиции никак не могли включать в себя вассальную зависимость Рязани от Москвы, в том числе во внешнеполитической области.

На самом деле, в отношении Орды Рязань в последние полтора десятилетия XIV и первые годы XV вв. вела более чем активную и вполне независимую от Москвы политику, вплоть до организации самостоятельного дальнего похода вниз по Дону, на Червленый Яр, очевидно, один из ордынских улусов[16]. Никоновская летопись содержит ряд уникальных известий, характеризующих интенсивность рязанско-ордынских отношений в 90-е гг. XIV в., от трех нападений татар на Рязань[17] до описания приезда в 1398 г. в Переяславль Рязанский ордынского посла, «а с ним много татар и конеи и гостеи»[18].

Что касается русских земель, то и на этом направлении Олег Иванович после 1385 г. действовал вполне самостоятельно. Под Рождество Христово 1386 г. Дмитрий Иванович с князем Влади-

[15] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 241. прим.2; *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 232.

[16] *Селезнев Ю. В.* Рязанское великое княжество и Орда на рубеже XIV–XV вв.: военное давление или пограничная война? // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2004. С. 57–67.

[17] ПСРЛ. Т. 11. С. 122, 127, 156 (1390, 1391 и 1393 гг.); *Селезнев Ю. В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV вв. С. 107–108, 110–111. Составитель подчеркивает сомнительность известий Никоновской летописи, иными источниками не подтверждаемых, однако А. Г. Кузмин полагал, что они восходят непосредственно к рязанским летописным известиям (*Кузмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 238).

[18] *Селезнев Ю. В.* Рязанское великое княжество и Орда на рубеже XIV–XV вв.: военное давление или пограничная война? С. 167.

миром Андреевичем Серпуховским и «со всеми князи рускими» во главе объединенной рати предпринял поход на Новгород с целью заставить новгородцев возобновить выплату ордынского «выхода»[19]. В обширном списке участников похода, приведенном в летописной статье новгородского происхождения[20], Рязань не значится, хотя по докончанию 1381 г., если бы договор продолжал действовать и после 1385 г., Олег Иванович был обязан принять участие в новгородском походе[21].

Совершенно самостоятельно чувствовал себя Олег Иванович и в остром конфликте московского князя с главой русской церкви. В 1389 г. московский митрополит Пимен предпринял третью поездку в Царьград вопреки воле великого князя московского[22]. Суть «распри» летописи объясняют независимым поведением Пимена, который отправился в путешествие, даже не сообщив о поездке Дмитрию Ивановичу, «великого князя утаився». Тем показательнее подчеркнуто теплый прием, учиненный Пимену рязанским князем, через владения которого пролегал путь от Оки к верховьям Дона.

Олег Иванович «с сынове» лично встретил митрополита на Оке, в пограничном Перевитске, проводив Пимена и его спутников до Переяславля Рязанского. Здесь первоиерарх был торжественно принят со всяческими почестями, после чего Олег Иванович устроил Пимену не менее почетный «отпуск», «с многою честию и любовию». Провожала митрополита через всю территорию княжества, до южных границ Рязани многочисленная свита рязанских бояр и духовенства под охраной великокняжеской дружины [23].

Из Москвы митрополит выехал в сопровождении смоленского епископа Михаила, однако в Переяславле Рязанском Пимена

[19] *Янин В. Л.* «Черный бор» в Новгороде XIV–XV вв. С. 102–103.

[20] «А с ними (Дмитрием Ивановичем Донским и Владимиром Андреевичем Серпуховским. – *А. Л.*)... рати: Московьскаа, Коломеньскаа, Звенигородчкаа, Можаискаа, Волочкаа, Ржевьскаа, Серпоховьска, Боровьска, Дмитровьскаа, Переяславьскаа, Володимерьскаа, Юрьевьскаа, Муромьскаа, Мещерьскаа, Стародубьскаа, Суздальскаа, Городецкаа, Нижьняго Новагорода, Костромскаа, Углечскаа, Ростовьскаа, Ярославьскаа, Можаискаа, Моложескаа, Галичкаа, Бежичкаа, Белозерьскаа, Вологочкаа, Устижьскаа, Новоторжьскаа» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 342. Ср.: ПСРЛ. Т.18. С. 136; Т. 25. С. 212–213).

[21] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 344 («а с русских князеи кто князю великому Дмитрию... недруг... а то и князю великому Олгу недруг, идти нань с одиного»).

[22] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 155 («и... князь велики прогневася, и не любо ему бысть»). Ср.: ПСРЛ. Т. 25. С. 214.

[23] ПСРЛ. Т. 25. С. 214.

ждали еще пять епископов с «архимандрити, и игумени, и иноци», торжественно проводившие его до южных рязанских «пределов» в свите князя Олега Ивановича. Очевидно, речь шла не только о расхождениях между первоиерархом и московским князем, но и принятии стороны Пимена значительной частью епископата[24]. Тем показательней, что этот по существу поместный собор с немалыми полномочиями[25] имел место в Рязанском княжестве.

С этой точки зрения неординарным представляется способ движения и маршрут Пимена по владениям Олега Ивановича. Если бы речь шла об обычной поездке через рязанские земли, то для митрополита и его спутников не было никакой необходимости покидать суда у Перевитска и следовать пешком через Великое княжество Рязанское. Хорошо известный «донской путь» из Руси в Царьград предусматривал проезд по воде Москвой-рекой вниз по Оке, минуя и Перевитск, и Переяславль Рязанский, до впадения Прони, Пронею вверх по течению и далее на юго-запад по притоку Прони, Ранове, от верховьев которой до верховьев левого притока Дона, р. Воронеж, путешественников отделял только небольшой во́лок в 10–15 верст[26]. Тем не менее, Пимен выбрал сухопутный и несомненно более продолжительный по расстоянию и времени путь. Достаточно сказать, что путешествие митрополита от Москвы через владения Олега Ивановича до южных границ Рязани заняло целых две недели, в то время как почти тысячекилометровая поездка в судах, кстати, предоставленных Пимену рязанским князем, до устья Дона – всего три[27].

Независимо от того, какие разногласия разделяли в это время главу церкви и великого князя московского, рязанский князь явно держал сторону Пимена. В проведении церковной политики Олег Иванович придерживался, похоже, собственной, а не московской ориентации. При встрече Пимена в Перевитске присутс-

[24] *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. С. 374.

[25] Правоспособным считался, судя по всему, собор из пяти епископов (*Комарович Л. В.* Из наблюдений над Лаврентьевской летописью С. 52–53). Такого числа иерархов было достаточно, например, для поставления митрополита, на что ссылался великокняжеский духовник Митяй в беседе с великим князем Дмитрием Ивановичем, настаивая на собственном рукоположении перед поездкой в Константинополь (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 126–127, 438). В 1449 г. поставление в митрополиты Ионы осуществили пять епископов, трое лично в Москве и двое «грамоты прислаша, что с ними единомыслени на поставление» (ПСРЛ. Т. 25. С. 270).

[26] *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. С. 39–40; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. С.12.

[27] *Кудряшов В. Н.* Половецкая степь. С. 14–15, 19.

твовал рязанский владыка, «Еремеи епископ гречин»[28], рукоположенный, как предполагается, в Царьграде митрополитом Киприаном[29], не принятым Дмитрием Ивановичем и вынужденно жившим вплоть до кончины великого князя в Киеве.

Что же касается политики Рязани в отношении Великого княжества Литовского, то если конец 80-х гг., совпавший с кончиной великого князя Дмитрия (1389), принес мир в московско-рязанские отношения, то именно в это время началась острая конфронтация Рязани и Литвы, едва ли не союзников еще десятилетием ранее. Объектом притязаний стал литовский Любутск, форпост Литвы на рязанском рубеже[30].

Когда Любутск стал литовским – неизвестно, но, как полагал М. К. Любавский, ранее крепость принадлежала Рязани[31]. На территории княжества, кстати, одновременно существовал, похоже, другой населенный пункт с таким же названием, Любутск, располагавшийся ниже по течению Оки, при впадении в нее Цны[32]. Так или иначе, но борьба за Любутск стала камнем преткновения в отношениях Рязани и Литвы. Как помним, литовская политика Рязани по докончанию 1381 г., если бы оно действовало после 1385 г., должна была определяться Москвой, однако инициатором конфликта выступила не Москва, а Рязань, причем отношения с Литвой переменились с мирных на военные в течение нескольких месяцев.

В ноябре 1393 г., под письменное поручительство Олега Ивановича королю Владиславу-Ягайло, был отпущен на свободу плененный Витовтом в ходе междоусобной борьбы, вспыхнувшей после кончины в 1377 г. великого князя Ольгерда, его сын, Дмитрий-Корибут[33]. Последний был зятем рязанского князя[34], и очевидно отношения Рязани и Литвы в этот момент еще носили мирный характер, позволявший Олегу Ивановичу выступать гарантом в такого рода переговорах.

[28] ПСРЛ. Т. 25. С. 214.
[29] *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии и всех церковных дел сея епархии... С. 32.
[30] *Kuczyński S. M.* Ziemie Czernihowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. (Праці Українського наукового інституту. Т. 33). Warszawa, 1933. S. 193; *Болдин И. В.* Археологическое исследование городища летописного Любутска // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 25–26.
[31] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1893. С. 246.
[32] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 165.
[33] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 2. СПб., 1865. С. 104.
[34] *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy od konca czternaśtego wieku. S. 178.

Однако либо в исходе того же года, либо скорее в следующем, 1394 г. рязанские полки предприняли поход на литовский Любутск; ответные действия Литвы последовали немедленно – «Литва... Рязань воевала»[35]. Зимой 1395–1396 гг. Витовт еще раз «посылал рать на Олга Рязанского... повоеваша землю Рязаньскую»[36].

Второй поход рязанской армии князя на Любутск относится к осени 1396 г. Город подвергся осаде, снятой только при посредничестве великого князя московского Василия Дмитриевича: «князь... великы посла к нему (Олегу Ивановичу Рязанскому. – *А. Л.*) и отведе его от Любутьска»[37]. Но, несмотря на, казалось, мирный характер завершения конфликта, осенью того же года Витовт «иде ратью на Рязань», причем с бóльшим успехом, чем его противник на Любутск, «прогна (из Переяславля Рязанского. – *А. Л.*) князя Олга... а люде исъсече и в полон поведе»[38]. Вложенная в уста Витовта авторами Хронографа редакции 1512 г. фраза, адресованная союзнику литовского князя, Тохтамышу (она читается в статье под 1399 г.) о планах совместных военных действий против «царя Темиръ Кутлуя», «а ты мене посади на Московскомъ великомъ княжении и... на Новегороде Великом и на Пъскове, а Тферь и Рязань моа и есть»[39], очевидно, отражает успешные результаты похода.

Трудно сказать что-либо конкретное о мирной миссии московского зятя рязанского князя под Любутском – возможно, Василий Дмитриевич имел здесь какие-то собственные интересы. А. Е. Пресняков полагал, что его участие в посреднических переговорах не обязательно носило мирный характер, он мог «отвести» рязанского князя угрозой совместных действий Москвы и Литвы[40]. Скорее, однако, речь должна идти о несамостоятельности внешней политики Москвы этого времени. В год первого похода Олега Ивановича на Любутск, открывшего череду военных действий между Рязанью и Литвой, московский князь выдал замуж за «подручника» Витовта, князя Семена-Лугвеня Ольгердовича сестру, «и бысть свадьба на Москве»[41]. Сразу после разгрома литовскими полками Рязани осенью 1396 г. Витовта встетился с

[35] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 373.
[36] Там же. С. 379–380; Т. 25. С. 225–226.
[37] Там же. С. 379–380; Т. 25. С. 225–226.
[38] ПСРЛ. Т. 25. С.227.
[39] ПСРЛ. Т. 22.Ч. 1. СПб., 1911. С. 423.
[40] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 412. Прим. 97.
[41] ПСРЛ. Т. 16. С. 143; Т. 25. С. 221.

Василием Дмитриевичем в принадлежавшей Москве Коломне[42]. Три–четыре года спустя, не позднее 1401–1402 гг. Любутском, похоже, владела не Литва, а двоюродный дядя московского князя, Владимир Андреевич Серпуховской, получивший его вместе с Козельском непосредственно от Василия Дмитриевича[43]. И если это так, то нет никаких сомнений, что переход литовской крепости на Оке мог быть произведен только с санкции Витовта.

Между первым и вторым походами Олега Ивановича на Любутск обозначилось другое направление конфронтации с Литвой, смоленское.

В 1395 г. Витовт захватил смоленский удел, наследственный суверен которого, великий князь Юрий Святославич был женат на дочери Олега Ивановича и «бе в то время... у тестя своего»[44]. В 1399 г. армия Витовта была разгрома татарами на Ворскле, и в 1401 гг. Олег Иванович, воспользовавшись ослаблением Литвы, вернул смоленский стол Юрию Святославичу, лично возглавив поход[45]. Вторично и навсегда Юрий Святославич лишился Смоленска в 1404 г., но произошло это, заметим, после кончины рязанского тестя.

Оценивая ситуацию вокруг Смоленска, А. Е. Пресняков увидел в действиях рязанского князя полную самостоятельность, шедшую вразрез политики Москвы[46].

На самом деле, с одной стороны Василий Дмитриевич, не считая недолгого, между 1405 и 1408 гг. «розмирья» с тестем[47],

[42] ПСРЛ. Т. 25. С. 227. Месяц встречи князей в Коломне в летописной статье не указан, но логичным видится соотнесение ее с литовским походом на соседствующую с Коломной Рязань.

[43] В духовной грамоте Владимира Андреевича Любутск завещан на определенных условиях старшему сыну серпуховского князя, Ивану Владимировичу («благословилъ еси сына князя Ивана, дал... ему князя великого удела Василья Дмитреевича Козелеск..., Гоголь, Олексин, куплю, Лисин. А отъимется какими делы Козелеск, и в Козелска место сыну князю Ивану Любутеск с волостми» – ДДГ.С. 47). С. М. Кучиньский (*Kuczinski S. M.* Ziemie Czernihowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. S. 194) считает, правда, упоминание Любутска в духовной не более чем претензией Владимира Андреевича на владение городом.

[44] ПСРЛ. Т. 15. Стб.457.

[45] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 390–391; Т. 18. С. 148–149; Т. 25. С. 231. Известный историк Смоленщины полагал, что роль Олега Ивановича была второстепенной: *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895. С. 179–180. Летописный же рассказ свидетельствует, что смоленский стол был обретен именно благодаря военному вмешательству Рязани. Наиболее красочный рассказ содержит Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. 11. С. 184), хотя целый ряд деталей (участие союзных Олегу Ивановичу князей пронского и муромского) не относится к числу достоверных (*Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 242).

[46] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 170.

[47] *Селезнев Ю. В.* «А переменит Бог Орду...». С. 69–70.

постоянно пребывал в союзниках литовского князя, назначив его в двух духовных грамотах опекуном своей семьи[48] и утвердив, как минимум одну из них, в Вильно[49]. Формальным признанием Москвой прав Литвы, а не Юрия Святославича, на смоленское княжение можно считать два визита московских родственников к Витовту в Смоленск после включения его в состав Великого княжества Литовского: самого великого князя (1396) и его жены Софьи Витовтовны с детьми (1398)[50].

С другой стороны, именно на время рязанско-литовского противостояния вокруг Смоленска приходятся два показательных брака.

В 1400 г. в Москве состоялась женитьба младшего брата Василия Дмитриевича, звенигородского и галицкого князя Юрия Дмитриевича на дочери Юрия Святославича, Анастасии Юрьевне, внучке Олега Ивановича Рязанского по матери[51]. В следующем, 1401 г. другая внучка рязанского князя, дочь Федора Ольговича, Василиса (Васса) вышла замуж за князя Ивана Владимировича, старшего сына серпуховского князя Владимира Андреевича[52], союзника и ближайшего родственника Василия Дмитриевича.

Так что родство и союз московского князя с Витовтом не стали препятствием для укрепления связей через браки московских и рязанских Рюриковичей.

К 1402 г., году кончины великого князя рязанского Олега Ивановича, последний, как видим, смог вернуть себе рязанские владения на правобережье Оки, отошедшие Москве по докончанию 1381 г., военными и политическими действиями дезавуировав унизительный для Рязани договор и восстановив *status quo* в московско-рязанских отношениях по ситуации до Куликовской битвы, вернул смоленское княжение своему ближайшему родственнику и проводил достаточно энергичную и независимую от Москвы политику в отношении Орды и Литвы. Мнение А. Е. Преснякова о том что «политика великого князя Олега потерпела полное и решительное крушение» и «вся энергия, затраченная Олегом на борьбу с Лит-

[48] ДДГ. С. 59, 62 («А приказывыаю своего сына, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тистю, великому князю Витовту, как ми рекл, на Бозе да на нем, как ся имеет печаловати»).

[49] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Т. 1. С. 89–91.

[50] ПСРЛ. Т. 25. С. 226, 228. Первое свидание Витовта с московской родней в Смоленске произошло еще в 1393 г. (*Барбашев А.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.) (Записки историко-филололгического ф-та СПб. ун-та. Т. 15). СПб., 1885 С. 90).

[51] ПСРЛ. Т. 25. С. 229.

[52] Там же. С. 231.

вой, пропала даром»[53], справедливое в исторической перспективе, тем не менее, не кажется таковым относительно времени правления Олега Ивановича.

После успешного решения «смоленского вопроса», в 1402 г. Олег Иванович отправил рязанские дружины на Брянск. Возможно, акция носила карательный характер: наместником Витовта в только что возвращенном Юрию Святославичу Смоленске сидел брянский князь Роман Михайлович, вместе со своими боярами оказавший ожесточенное сопротивление сторонникам возвращения на княжение смоленского князя. А. А. Горский, однако, полагает, что поход Олега Ивановича мог иметь и более серьезную внешнеполитическую мотивацию. Брянское княжество, сильнейшее из государственных образований, сложившихся после распада Черниговского княжества, еще в 90-е гг. XIII в. попало под власть смоленских Рюриковичей. Они рассматривали Брянск как собственный удел, и, вернув родовой Смоленск зятю, Олег Иванович, возможно, получил от Юрия Святославича право на брянский удел. В таком случае поход 1402 г. надо рассматривать как попытку реализации такой договоренности князей-родственников[54].

Поход возглавил не сам великий князь рязанский, как это бывало почти всегда ранее, а его сын, Родослав Ольгович. Выступление полков не могло начаться ранее первой декады мая, когда просыхают дороги, а 5 июля Олег Иванович скончался. Возможно, назначение сына на пост главнокомандующего для Олега Ивановича (даже первый раз упомянутого как участника военного похода)[55] было связано с нездоровьем и преклонным по русским средневековым меркам возрастом[56]; всего годом–двумя ранее Олег Иванович лично водил рязанцев на Смоленск.

[53] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 169–170.

[54] *Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV вв.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 77, 93–95.

[55] Впервые имя Олега Ивановича упоминается в 1353 г. во время похода рязанцев на Лопасню, причем хотя «князь... велики... еще тогда млад был», но уже принял участие в походе «с своими рязанцы» то есть явно вышел из младенческого возраста (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 63; Т. 18. С. 98–99).

[56] Великий князь рязанский, которому к моменту кончины было около 60 лет, по тогдашним понятиям должен был принадлежать к глубоким старикам. При средней продолжительности жизни на Руси в 30–35 лет те, кто доживал до 60 вплоть до XVIII в. составляли всего 0,33% общего числа здравствующих современников. Подробнее: *Козюба В.* Средняя продолжительность жизни взрослого населения Древней Руси (историко-археологический и демографический аспекты). С. 125, 127.

На этот раз удача отвернулась от Рязани. «Побиша литва рязанцев, а князя Родослава изнимаша и приведоша его с нужею к Витовту и сковаша его и ввергоша в темницу, и пребысть в нуже тои великои 3 лета, дондеже Витовт взя на нем... окупа и отпусти его». Сумма «окупа», указанная в летописях, колеблется от 2 тыс.[57] до 3 тыс.[58] рублей. Случайно или нет, но пленен был Родослав Ольгович под Любутском, утерянным его краткосрочным владельцем, Владимиром Андреевичем Серпуховским, около этого времени.

Традиционно считается, что старшим сыном Олега Ивановича был наследовавший рязанский «стол» в 1402 г. Федор Ольгович[59]. Однако, как кажется, первенствующим в семье рязанского князя был все-таки Родослав, в момент кончины отца находившийся, как видим, в литовском плену.

Первое упоминание имени сына Олега Ивановича относится к 1386 гг., когда Родослав «прибежа» из Орды в Рязань[60]. Что делал Родослав Ольгович в Орде, когда и при каких обстоятельствах там оказался, летопись не сообщает, но высказывалось мнение, что в ханской ставке рязанский княжич удерживался в качестве заложника[61]. Недавно Ю. В. Селезнев обратил внимание на то, что кроме Родослава Ольговича в ставке хана Тохтамыша в это же время в качестве почетных пленников, «аманатов» по более поздней русской терминологии, удерживались сыновья других великих князей: московский Василий Дмитриевич, тверской Александр Михайлович и суздальско-нижегородский Василий Дмитриевич. Автор связал эту практику, впервые зафиксированную в истории русско-ордынских отношений, с неустойчивостью власти Тохтамыша над Русью[62].

Обратим внимание на то, что три последних «аманата» были старшими сыновьями в великокняжеских семьях и, следовательно, прямыми наследниками родовых «столов». Василий Дмит-

[57] ПСРЛ. Т. 25. С. 232.

[58] ПСРЛ. Т. 18. С. 150; Т. 28. С. 52–53.

[59] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. Т. 1. С. 592; *Баумгартен Н. К.* К родословию последних великих князей Рязанских // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 3 (11). М., 1907. С. 5.

[60] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 153. В Никоновской летописи оно отнесено к «зиме» этого года (ПСРЛ. Т. 11. С. 91).

[61] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 233.

[62] *Селезнев Ю. В.* «А переменит Бог Орду...». С. 39.

риевич станет великим князем московским в 1389 г., Александр Михайлович, носивший кстати прозвище Ордынец[63], был старшим из здравствующих сыновей княжившего в Твери Михаила Александровича[64], равно как и Василий Дмитриевич Кирдяпа – старшим сыном суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича[65].

Надо заметить, что трое последних, так или иначе, оказались в Орде в связи с событиями 1382 г. Нижегородский князь был задержан Тохтамышем непосредственно во время набега на Москву, Василий Дмитриевич в том же году был послан в ханскую ставку отцом, тверской князь тогда же ездил к Тохтамышу с сыном и вернулся в Тверь, а Иван Михайлович был, как и прочие, удержан в Орде на несколько лет.

Следуя этой логике, рязанским заложником в Орде должен был также быть старший, а не младший из сыновей великого князя Олега Ивановича. И им, очевидно, был не Федор, а Родослав Ольгович. При каких обстоятельствах он оказался в ставке Тохтамыша неизвестно, но и для Родослава Ольговича, скорее всего, это был тоже набег 1382 г. – князь мог быть насильно удержан Тохтамышем либо во время переговоров с Олегом Ивановичем перед походом на Москву, либо каким-то образом захвачен татарами во время разгрома Рязани на обратном пути от Москвы.

Возвращаясь к Брянскому походу рязанцев 1402 г. отметим, что, учитывая серьезность операции и ее политическую значимость, коль скоро прав в своих предположениях А. А. Горский, возглавить полки должен был все-таки не младший, а старший из рязанских князей[66]

Если все вышеизложенное верно, то Родослав Ольгович только по стечению обстоятельств не сумел в 1402 г. после кончины Олега Ивановича воспользоваться правом первородства, поскольку летом этого года находился в литовском плену. При этом

[63] Оно объясняется долгим пребыванием князя в Орде: *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. Тверь, 1894. С. 171.

[64] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. Т. 2. С. 496–497. Князь скончался в 1389 г. и тверской «стол» в 1400 или 1401 гг. перешел его младшему брату, Ивану Михайловичу.

[65] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. Т. 2. С. 424–425.

[66] А. А. Горский предположил, что в случае военного успеха Рязани Брянский удел, возможно, был бы отдан отцом Родославу Ольговичу. (*Горский А. А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV вв.). С. 94).

в Рязани он продолжал считаться князем. В московско – рязанском докончании 1402 г. Василий Дмитриевич обязуется «не вступатися» «в землю Рязанскую и во все князи в рязанские»[67], т. е. совместное владение двух сыновей скончавшегося Олега Ивановича, занявшего рязанский стол Федора Ольговича и находившегося в момент заключения договора в плену Родослава Ольговича. В интитуляции двух грамот племянника Родослава Ольговича, великого князя рязанского Ивана Федоровича на «придачи» Солотчинскому монастырю 2-й четверти XV в. имя Федора Ольговича стоит впереди имени брата,[68] но вероятно не в силу старшинства, а потому, что первый титуловался с 1402 г. великим князем, а второй после возвращения в Рязань из плена в 1405 г. просто князем[69].

Два года спустя после возвращения из Орды в Рязань, в 1407 г., Родослав Ольгович скончался[70], и это третье и последнее упоминание сына великого князя рязанского Олега Ивановича на страницах русских летописей.

Олег Иванович, первый из рязанских суверенов, носивший титул великого князя рязанского[71], был последним на Руси великим князем, известным под «непрямым» языческим именем: крестильное имя Олега Ивановича в летописях фигурирует один единственный раз, в статье о его кончине[72]. Двойное имянаречение, «княжим» («русским», «мирским») и крестильным, взятым из святцев именами в княжеской среде исчезает к концу XIII в., сохраняясь позднее только в Рязанской земле[73].

[67] ДДГ. С.53.

[68] АСЭИ. Т. 3. М., 1964. С. 356, 368 («Се яз, князь велики Иван Федорович, придал есмь... как придал...дед мои князь велики Олег Иванович... и потом отец мои князь велики Федор Олгович, и дядя мои, князь Ро[до]слав Олгович...»).

[69] Аналогичным образом в конце XV в. в Рязани титуловались братья-соправители, Иван Васильевич великим князем рязанским, Федор Васильевич князем рязанским. (ДДГ. С. 329–341), но с принципиальной разницей, что титулование отражало и возрастное старшинство, и соответствующий ему соблюденный порядок наследования «стола».

[70] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 135.

[71] *Горский А. А.* Русская земля в XIII–XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. С. 51.

[72] «6910... месяца июля в 5 день преставися князь велики Олег Ивановичъ Рязаньскии, во иноцех и схиме, нареченный в святом крещении Иаков, а в мнишеском чину Иаким». (ПСРЛ. Т. 11. С. 188; Ср. Т. 18. С. 150; Т. 25. С. 231–232).

[73] *Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. 16. М.; Л. 1960. С. 89. Автор не совсем прав – одного из сыновей Владимира Андреевича Серпуховского, появившегося на свет позднее рязанского князя, в 1388 г., звали Ярославом-Афанасием (ПСРЛ. Т. 25. С. 214), и последним носителем «княжого» имени среди Рюриковичей был именно он.

Имя «Олег» традиционно для дома черниговских Рюриковичей[74], из которого вышла династия рязанских князей. В известной степени прямым политическим предшественником Олега Ивановича надо считать его тезку, рязанского князя Олега Ингваревича, при котором «оформилось владычество Орды над Рязанью, ордынские чиновники «изочли» Рязанскую землю... была установлена татарская власть» и «как бы заново началась история Рязанской земли»[75]. От сына последнего, Романа Ольговича, погибшего в Орде, собственно и пошла династия рязанских князей[76].

Даже отрешившись от давнего спора о том, кто же из рязанских князей с именем Иван был отцом Олега Ивановича, согласимся с мнением А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского о «стратегической» подоплеке имянаречения в княжеской среде, когда «выбор имени...был попыткой задать династическую судьбу ребенка... репликой правителя, обращенной в будущее»[77]. Возможно, таким имянаречением сына рязанский князь, либо Иван Иванович Кортопол, либо Иван Александрович[78] заявил о своих династических претензиях на «черниговское наследство».

В известной мере имя «Олег» было на Руси нарицательным. В Лаврентьевскую летопись, написанную в 1377 г. в Суздале для суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича вставлены три не имеющих никакого отношения к летописному изложению известных литературных памятника, среди которых – послание XII в. великого князя киевского Владимира Мономаха дальнему предку Олега Ивановича Рязанского и его тезке, Олегу Святославичу Черниговскому. Последний, известный «Гориславич» «Слова о полку

[74] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имен у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 104–107. Ср.: «Без имени (Олег. – *А. Л.*) не обходилось почти не одно поколение Рюриковичей XI–XIII вв.» (*Комарович В. Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. С. 91).

[75] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 157–158.

[76] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. Т. 2. С. 572–573

[77] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* К стратегии наименования у Рюриковичей XII в. (наречение племянника по живому дяде) // Ruthenica. Т. 2. Київ, 2002. С. 126.

[78] А. В. Экземплярский твердо считал отцом Олега Ивановича князя Ивана Александровича, сидевшего на рязанском столе с 1344 г. (*Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг.. Т. 2. С. 582. Прим.582), хотя и не дает никакого объяснения наличию у него двух христианских имен, «Иван» и «Василий», под которыми последний фигурирует в летописях (Подробнее см.: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. С. 203–204). О принципиальной возможности двойного христианского имянаречения князя: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Сколько христианских имен могло быть у князя Рюриковича? // Оппозиция сакральное / светское в славянской культуре. М., 2004. С. 180–213.

Игореве» – своеобразный антигерой сочинения, причем не только Мономаха, носитель не лучших черт нрава и характера[79].

А. А. Горский предположил, что сочинения Мономаха, включая и упомянутое письмо, были заимствованы составителем летописи из архива заказчика свода, князя Дмитрия Константиновича Суздальского [80]. Не было ли включение послания в летопись, написанную для тестя Дмитрия Ивановича накануне Куликовской битвы своеобразной политической аллюзией современнику Дмитрия Константиновича и потомку Олега Святославича, Олегу Ивановичу Рязанскому, постоянному политическому оппоненту московского зятя заказчика свода? В.А. Кучкин отмечал резко- негативное отношение к Олегу Ивановичу в памятниках русской литературы, созданных после нашествия Тохтамыша[81], но определенная репутация «строптивого» рязанского князя сложилась в Москве гораздо ранее событий лета 1382 г.

Несомненно, политический смысл содержало и наречение первенца Олега Ивановича, как и его отца, «непрямым» именем. Христианское имя Родослава Ольговича вообще не известно, и он так и останется в русской истории последним претендентом на великокняжеский титул с языческим именем.

В отличие от имени «Олег», достаточно широко распространенного, имя «Родослав» относится к числу редких[82]. Такая устойчивая приверженность старой традиции двойного имянаречения в семье рязанских Рюриковичей, практически везде на Руси давно изжитой, сочетается с подмеченным С. Б. Веселовским архаизмом формуляра рязанских грамот[83], возможно, отражавшим архаизм не только великокняжеской канцелярии, но и устройства рязанского двора. С имянаречением старшего сына Родосла-

[79] Впрочем, А. В. Соловьев полагает известный образ князя в «Слове о полку Игореве» не столь негативным: *Соловьев А.* В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // ИЗ. М., 1948. Т. 25. С.75,88.

[80] *Горский А. А.* К вопросу о судьбе произведений Владимира Мономаха // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. С. 117 и след.

[81] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С.270. Следует все же уточнить, что речь должна идти о памятниках московского происхождения.

[82] Н. М. Тупиков отмечает в своем справочнике всего два случая употребления этого имени (*Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2005. С. 388, 775), но на самом деле их было больше. Например, в Ипатьевской летописи под 6672 г. упоминается боярин черниговского князя Олега Святославича, Иван Радьславич (ПСРЛ. Т. 2. С. 523), а у митрополита Феогноста был некий протопоп с «непрямым» именем «Ратьслав» (ПСРЛ. Т. 25. С. 170).

[83] *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 52–58; *Он же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 118–121.

вом рязанский князь связывал политические планы, о которых мы можем только догадываться.

Для нашей темы, связанной с судьбой московско-рязанско-литовских отношений после Куликовской битвы особого внимания заслуживает операция «окупа» сына рязанского князя из Литвы. Суровые условия содержания пленника могут быть объяснены ожесточением Витовта относительно наступательной политики рязанского князя в отношении Смоленска. Надо также помнить, что, возможно, огромные денежные контрибуции были частью внешней политики Витовта, неслучайно имевшего на Руси репутацию корыстолюбца. Среди прочих грешников, оказавшихся в аду «ради... лихоимъства и сребролюбия и немилосердия» преп. Пафнутий Боровский «виде... во огни... Витовта краля и мурина (беса. – *А. Л.*)... емлюще руками изо огня златница и в рот мечущу ему и глаголющее сице: «Насытися, окаянне»[84].

После страшного поражения 1399 г. от татар на Ворскле военная мощь Литвы была значительно ослаблена, а в 1402 г., в год похода рязанцев на Брянск и пленения Родослава Ольговича, Витовт был занят очередным обострением отношений с Орденом, доверив оборону своих восточных владений младшим Гедиминовичам[85], князьям Семену-Лугвеню Ольгердовичу и Александру Патрикеевичу Стародубскому, которые и пленили сына рязанского князя. Последнее обстоятельство, кстати, не помешало год спустя заключению брака между младшим братом Василия Дмитриевича, Андреем Дмитриевичем, и дочерью стародубского князя[86].

Впечатляет и огромная сумма, выплаченная за освобождение Родослава Ольговича – 2000, а по другим данным 3000 рублей. «Окуп», запрошенный Витовтом за рязанского пленника, составлял от половины до двух третей ежегодного общерусского «выхода» в Орду. Сразу после Куликовской битвы он исчислялся в 4000 рублей, а к концу столетия достиг 7000 за счет присоединения к Москве новых уделов, и из этой суммы на Рязань приходилось всего 750 рублей[87].

[84] Житие преп. Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным. Изд. А. Кадлубовский. Нежин, 1898. С. 39.

[85] *Prochaska A.* Król Władysław Jagełło. Kraków. 1908. T.1. S.193.

[86] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 11; Т. 8. М., 2001. С. 76 (здесь указано имя дочери, Аграфена).

[87] *Селезнев Ю. В.* Мобилизационный потенциал Руси в конце XIV–XV вв. (к постановке проблемы) // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2. Тула, 2002. С. 50; *Он же.* «А переменит Бог Орду...». С. 92– 93; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 134.

Таким образом, сумма выкупа трех - четырехкратно превышала ежегодную дань Рязани Орде, выплату которой, естественно, никто не отменял, и ее надо было производить параллельно литовскому «окупу». И повторимся, речь шла о судьбе старшего из сыновей Олега Рязанского, ответственность за судьбу которого неожиданно пала на плечи младшего.

Летописи зафиксировали и несравненно большую сумму «окупа». В 1371 г. Дмитрий Иванович заплатил в Орде долг в 10 000 рублей князя Ивана, сына великого князя тверского Михаила Александровича, увезя его с собой в Москву[88]. Великий князь московский при этом руководствовался в первую очередь практической целесообразностью, намереваясь сделать из тверского княжича предмет политического торга с его отцом. Сравнивая финансовые возможности Москвы и Твери, С.М. Соловьев отметил, что «важно..., что тверской князь принужден был задолжать... 10 тысяч, а московский князь имел средства выкупить его – борьба была неравная!»[89].

Трудно сказать что-либо определенное о финансовых возможностях Рязани, но, как и у Твери, они были несопоставимы с московскими. Известно, с какой ужасающей периодичностью подвергалась татарским погромам Рязанская земля[90], и это не считая ударов со стороны Литвы и Москвы. Положение Москвы, безо всякого сомнения, выглядело более надежным. Только с Новгорода после похода 1386 г. великий князь Дмитрий Иванович получил восемь тысяч рублей, не считая задолженности по ордынскому «выходу»[91] и такую же сумму тремя годами ранее московский князь оставил в Орде, противодействуя попыткам Александра Михайловича Тверского перехватить ярлык на великое княжение[92].

Сама операция по выкупу плененного Родослава Ольговича, возможно, проходила с финансовым участием и при посредничестве московского князя. Василий Дмитриевич неоднократно «окупал» почетных пленников. В 1390 г. послами московского князя был выкуплен плененный Витовтом смоленский князь

[88] ПСРЛ. Т. 25. С. 187.

[89] *Соловьев С. М.* История россии с древнейших времен. Кн. 2. С. 263.

[90] *Селезнев Ю. В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV вв. С. 54, 62, 75, 80, 83, 99, 102, 105–108, 110, 116–117.

[91] ПСРЛ. Т. 8. С. 50–51 («осмь тысящ рублев и черной бор князю великому с них взяти»); ср. ПСРЛ. Т. 25. С. 212–213.

[92] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 339; Т. 16. Стб. 130.

Глеб Святославич[93], а около интересующего нас времени Василий Дмитриевич выкупил у того же Витовта попавшего в литовский плен знатного ордынского вельможу[94].

Кроме того, все предшествующие годы Литва и Рязань пребывали в состоянии войны, и в таком случае посредничество Василия Дмитриевича в деле выплаты «окупа» было для Рязани неизбежным. Когда в 1426 г. Витовт ходил ратью на Псков, принудив псковичей на выплату «мзды тысячю рублев», то в Вильно деньги отвозил псковский посадник в сопровождении московского посла, специально прибывшего во Псков для сопровождения «мзды» ко двору Витовта[95].

Кроме кровнородственных мотивов подтолкнуть московского князя к участию в судьбе рязанского родственника могли и чисто практические цели. Связанный с Витовтом и родственными узами, и политическим соглашением, Василий Дмитриевич, как полагал Л. В. Черепнин, «молчаливо поддерживал те силы, которые могли противостоять намечавшемуся литовскому захвату русских областей»[96]. Родослав Ольгович, как помним, был пленен в районе Любутска, накануне рязанского похода утерянного московскими Рюриковичами и отошедшего к Литве.

Говоря о возможном участии Москвы в выкупе из Литвы рязанского князя, обратим внимание на показательную единицу расчета «окупа», рубль. В интересующее нас время на Руси это были клейменые серебряные слитки около 200 г серебра или два слитка половинного веса, полтины, которые изготавливались централизованно в Москве из серебра, собранного с удельных княжеств для выплаты дани в Орду[97]. Существовали в это время и литовские рубли, в серебряном эквиваленте почти идентичного

[93] *Барбашев А. И.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). С. 53. Прим. 44.

[94] Почти семьдесят лет спустя от великого князя московского Ивана III бежал некий «татарин Киреи Кривои, холоп великого князя купленои, а купил еще деда Киреева Мисюря князь велики Василеи Дмитреевич у своего тестя великаго князя Витовта» (ПСРЛ. Т.15. Стб. 395). Возможно, именно этого Мисюря, служившего в Орде в 1375 г., упоминает Тверская летопись: «Того же лета князь Василии посылал...в Орду на Всеволода, и тамо без соуда выдали князя... и Мисюрь привел его во Тверь» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 67. В публикации имя напечатано со строчной буквы).

[95] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 38–39; Вып. 2. С. 41–42.

[96] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Т. 1. С. 82.

[97] *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 года и материалы по истории русской нумизматики доцарского периода. М., 2006. С. 318; *Кистерев С. Н.* Рубль Северо-Восточной Руси до начала XV в. // Очерки феодальной России. Т. 3. М., 1999. С. 31–84.

московским веса[98], что должно было облегчать взаимные расчеты. Само же Рязанское княжество в княжение и Олега Ивановича, и Федора Ольговича собственной монеты не чеканило[99]: когда в 1428 г. Витовт встречался на территории Литвы с великим князем Иваном Федоровичем, то получил от рязанского князя «много подарков, коней, соболиные меха и *татарские монеты*»[100].

Таким образом, резкий поворот во внешней политике Рязанского княжества, зафиксированный докончанием 1402 г., возможно был связан с неожиданно возникшими финансовыми обязательствами нового рязанского великого князя, Федора Ольговича, своему московскому шурину, взявшему на себя «окуп» из литовского плена первенца скончавшегося Олега Ивановича Рязанского. Это мог быть тот рычаг давления, который и повернул Рязань, формально еще более века сохранявшую самостоятельность, целиком в русло Москвы.

Возможно, этот долг рязанского великого князя московскому или его часть был погашен более полувека спустя. Между 1456 и 1462 гг., в княжение сына Василия Дмитриевича, Василия Васильевича Темного, к Москве перешла едва ли не половина территории Рязанского княжества. Границы новых московских владений зафиксированы в московско-рязанском докончании 1483 г., а само приобретение названо «куплей»[101]. Актуализация двадцатилетие спустя более раннего приобретения и целый ряд иных договоренностей, связанных с распределением полномочий между Москвой и Рязанью на Верхнем Дону, очевидно диктовалась резким изменением политической обстановки на южнорусском пограничье, концом золотоордынского ига в 1480 г. и необходимостью организации обороны на новых принципах и в новой внешнеполитической обстановке[102].

Мы можем осторожно предположить, что в конце княжения Василия Темного произошел перевод финансовых обязательств Рязани московским князьям начала XV в. в земельные.

В истории складывания домениальных владений московских Рюриковичей известны подобного масштаба крупные террито-

[98] *Бектинеев Ш.* Литовско-татарская денежновесовая система // Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее Новое время. М., 1998. С. 18–19.

[99] *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 года и материалы по истории русской нумизматики доцарского периода. С. 73–77.

[100] Цит. по: *Барбашев А.* Витовт. Последние двадцать лет княжения. 1410–1430. СПб., 1891. С. 198–199.

[101] ДДГ. С.285, 288–289.

[102] Подробнее см. гл.6 настоящего издания.

риальные приобретения, также называвшиеся «куплями» и, как и рязанская «купля» докончания 1483 г. юридически зафиксированные много лет спустя после заключения сделки. Речь идет о так называемых «куплях Ивана Калиты», приобретениях в Галицком, Белозерском и Углицком уделах. Как и рязанская «купля», не упоминаемая в духовной Василия Темного, они также не попали в духовную Ивана Калиты и впервые фигурируют в духовной только его внука, Дмитрия Ивановича.

Разумеется, столь впечатляющий временной разрыв в обоих случаях может быть и случайным совпадением, но может в известном смысле отражать и сам механизм приобретения, когда по каким-то причинам финансовые обязательства переводились в земельные по истечении определенного срока. Существовала, например, практика «отложенных платежей» при форс- мажорных обстоятельствах. В докончании Василия Васильевича Темного с Борисом Александровичем Тверским (ок. 1456 г.) предусмотрено, например, что если «на кого будет пеня давная, и в ратное время того не искати, *и не искати на обе стороны*»[103]. В княжение в Москве Василия Дмитриевича и Федора Ольговича в Рязани такого рода прецедентов было сколько угодно – достаточно вспомнить нашествие Едигея, завершившееся для Рязани разгромом княжества, а для Москвы «окупом» в 7000 рублей.

Вообще характер «купель» Калиты вызывает до сих пор серьезные дискуссии среди специалистов[104]. Не вдаваясь в их содержание, отметим лишь, что рязанская «купля» никак не может быть наследием московских князей по бракам, на чем применительно к «куплям» Калиты настаивает К. А. Аверьянов[105], хотя бы потому, что нет никаких достоверных сведений о браках московских князей и рязанских княжен, во всяком случае, в XV в.[106]. Речь должна идти о сделке, в которой участвуют деньги. Русским правовым актам XV в. хорошо известна формула «дать в куплю», означающая выделение части удела в чужое пользование за соответствующую плату[107]. Очевидно именно о такой операции, погашении долгового обязательства Рязани и зашла речь в княжение в Москве Василия Темного. Так что «купля» московско-рязанского докончания 1483 г. возможно явилась отдаленным последствием событий последних десятилетий XIV и первых лет XV вв., времени расцвета государственной самостоятельности Рязани эпохи полувекового правления Олега Ивановича.

Таким образом, 1402 г., год кончины Олега Ивановича и пленения Родослава Ольговича действительно стал переломным в истории московско-рязанских отношений, отмеченных восстановлением московского вассалитета над Рязанью, и, соответственно, возвращением Москвы в Окско-Донской регион.

[103] ДДГ. С. 187, 190.

[104] Исчерпывающая историография вопроса: *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. С. 3–17.

[105] Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. С. 203, 210–213.

[106] Предположение В.А. Кучкина о возможном рязанском браке одной из дочерей великого князя московского Ивана Даниловича Калиты (*Кучкин В. А.* Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 8–9) было оспорено тем же К. А. Аверьяновым (*Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. С. 162–163).

[107] ДДГ. С. 304- 305, 307, 309–310.

ГЛАВА 5

МОСКОВСКО-РЯЗАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВВ., ЗЕМЛИ КУЛИКОВА ПОЛЯ И ОКСКО-ДОНСКОГО РЕГИОНА

Государственная принадлежность Куликова поля, «Дона усть Непрядвы», места сражения 8 сентября 1380 г. на момент самой битвы в источниках не определена. Наиболее обоснованной сегодня представляется точка зрения, согласно которой оно происходило на землях, находившихся в этот момент в юрисдикции Золотой Орды[1] и позднее вернувшихся Рязанскому княжеству, которому верховья Дона принадлежали как до монгольского нашествия[2], так и незадолго до битвы[3].

Так или иначе, но самое раннее свидетельство того, кому принадлежало Куликово поле, относится к третьей четверти XV в. Его содержит один из разделов докончания великих князей-тезок, московского Ивана III Васильевича и его рязанского племянника «сестрича», Ивана Васильевича, заключенного в Москве 9 июля 1483 г.

Договор, четвертый в истории московско-рязанских отношений, подтверждает старые границы между княжествами, установ-

[1] *Хорошкевич А. Л.* О месте Куликовской битвы // ИСССР. 1980. № 4. С. 93–94, 97–98: *Егоров В. Л.* Граница Руси с Золотой Ордой в XIII–XIV вв.// ВИ. 1985.№ 1. С. 27; *Он же.* Владения Золотой Орды в районе верхнего Дона // Липецк: начало истории. Сб. статей. Липецк, 1996. С. 77. Высказывалось предположение о принадлежности территории Елецкому княжеству (*Амелькин А. О.* К вопросу о государственной принадлежности Куликовского поля // Проблемы исторической демографии и исторической картографии Центрального Черноземья и Запада России. М.; Брянск. 1996. С. 54–55).

[2] *Хорошкевич А. Л.* О месте Куликовской битвы. С. 94.

[3] В 1371–1372 гг., когда рязанский стол непродолжительное время занимал пронский князь Владимир Дмитриевич (ПСРЛ. Т. 25. С. 187), им была дана жалованная грамота рязанскому епископу Василию на некое «место» на р. Дон (Воздвиженский Т. Историчесчкое обозрение Рязанской иерархии и всех церковных дел сея епархии... С. 50).

ленные еще докончанием 1381 г., а также фиксирует новую, которую подробно описывает: «А что купля отца нашего, великого князя Василья Васильевича за рекою Окою, Тешилов, и Венев, и Растовец, и иная места, и тем нашим землям със твоею землею рубеж от Оки к усть Смедвы, въверхъ по Смедве до усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченского, а от верховья Песоченки через лес прямо к Осетру к усть Кудесне, а Кудесною вверхъ до верховья, а от верховиа Кудесны прямо к верхъ Табалом, а по Табалом на на низ на Дон.

И что перешло за тот рубеж тое купли отца нашего, великого князя Васильевы, на твою сторону, и нам, великим князем, в тое не въступатися, ни подъискивать ни нашим детем под твоими детми никоторою хитростию.

А что перешло твоеи земли, великого князя, Рязанские за тот рубеж на нашу сторону, и в то ся тебе у нас не вступиати, ни подъискивати под ними, под великими князми, ни под нашими детми ни твоим детем никоторою хитростью».

Далее в докончании оговаривается статус земель по Верхнему Дону, примыкающих к московской «купле»: «А что за Доном твое, великого князя Иваново (Ивана Васильевича Рязанского. – *А. Л.*) Романцево с уездом и что к тому потягло, и нам, великим князем, в то не въступатися.

А тебе не въступатися в нашу отчину, в Елеч и во вся Елецкая места.

А Меча нам ведати вопче»[4].

Образовавшийся в результате «купли» новый московско-рязанский рубеж начинался от впадения в Оку правого притока, р. Смедвы и шел вверх по ее течению до впадения в Смедву правого притока, р. Песочны («Песоченки» докончания), от верховьев которой далее шел к левому берегу среднего течения другого правого притока Оки, р. Осетр и о туда следовал далее на юг, к верховьям правого притока Осетра, р. Кудосны («Кудесны» докончания); от верховьев Кудосны рубеж поворачивал на юго – восток и шел вдоль рр. Сухой и Мокрой Табол («Табал» докончания), верхних левых притоков Дона до их устья («на низ»)[5].

[4] ДДГ. С. 285–290.

[5] Там же. С.285. Цитируется московская грамота. Рязанский противень (Там же. С. 288–289) содержит только несущественные отличия в написании топонимов и гидронимов («Тешылов» вместо «Тешилов», «Таболы» вместо «Табалы»), а также соответствующие замены в местоимениях («моего» и «мое» на «твоего» и «твое и наоборот).

У московской «купли», само собой, был не только описанный в документе восточный рубеж, но и западный, надо думать, совпадавший с западной границей Рязанского княжества по ситуации до заключения договора 1483 г. В московско-рязанском докончании он не указан по понятным причинам: теперь это – западная граница Великого княжества Московского на юг от Оки. Таким образом, новое приобретение Москвы вытянулось почти строго с севера на юг, широкой полосой спускаясь от Оки к верховьям Дона. И находившееся в северной части «купли» «место Тула», и располагавшееся на юге «Дон усть Непрядвы», историческое место сражения 8 сентября 1380 г. на правобережье реки несколькими километрами выше впадения в Дон Сухой и Мокрой Табол, в 1483 г. перешли от праправнука Олега Ивановича Рязанского правнуку Дмитрия Ивановича Московского.

Кроме «купли» документ, как помним, утверждает за московским князем права на «Елеч» и «вся Елецкая места», бывшие земли Елецкого княжества, отошедшие Рязани еще во втором десятилетии XV в., в обмен на расположенное севернее на том же правом берегу Дона «Романцево с уездом»[6]. Оба ойконима в предыдущих московско- рязанских договорах не встречаются, равно как и р. Меча, несомненно современная Красивая Меча, которую московский и рязанский князья договариваются «ведати вопче». Под этим совместным ведением как правило понимают совместное владение Мечей[7], однако совершенно неясно, как это реально могло выглядеть.

Реки как таковые в юридических и хозяйственных документах русского средневековья, похоже, никогда не являлись предметом собственно владения. Им могли быть, и были рыбные ловли, бобровые гоны, переправы, во́локи, участки берегов с мельничными плотинами, и пр.[8], т.е. такие природные объекты, связанные с реками, которые способны были приносить материальную пользу их владельцам.

[6] См. гл. 6 настоящего издания.

[7] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 3. М., 1989. С. 41; *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 26; *Лаптенков В. В.* Елецкие древности. Воронеж, 1998. С. 31; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси. С. 170, 182; *Тропин Н. А.* Южные территории Рязанской земли в XIII–XV вв.: формирование и развитие региона // Русь в XII–XV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 251.

[8] АСЭИ. Т. 1. М., 1952. С. 47–48,77, 79, 274 и др.; АФЗХ. Ч. 1. М., 1956. С. 193; Ч. 2. М., 1956. С. 484; Ч. 3. М., 1961. С. 49–50 и др.

Документальная фиксация прав собственности в канцелярской практике XIV–XV вв. производилась в терминах «владение» и «держание»[9] с соответствующими производными глагольными формами «владеть» и «держать», «ведать» же означало «управлять», «заведовать», «отвечать за что-либо»[10]. В близком к последнему значении «ведать», начиная со второй половины XV в., употреблялось в княжеских договорных грамотах наряду с более древним «знать» как положение, утверждавшее исключительное право «старейшей» из договаривающихся сторон на сношения с Ордой[11]. Очевидно, обязательство сторон «ведати вопче» Мечу московско-рязанского договора 1483 г. надо понимать не как совместное владение, а как общую ответственность, слежение договаривающимися сторонами за ситуацией на водном рубеже.

Меча, как известно, служила границей Рязанского и Елецкого княжеств в пору существования последнего[12]. Московский «Елеч и вся Елецкая места», таким образом, оказывались южнее Мечи, подлежавшей совместному «ведению». Судя по всему, новое приобретение великого князя московского Ивана III служило своего рода буферной зоной перед охраняемым рубежом и, к моменту заключения договора, вряд ли было населено.

«Купля» московско-рязанского договора 1483 г. была второй покупкой Москвой земель на правобережье Оки. Докончание 1381 г. великого князя московского Дмитрия Ивановича с двоюродным братом и союзником, серпуховским князем Владимиром Андреевичем и великого князя рязанского Олега Ивановича отмечает «куплю» Москвой Мещеры, запрещая рязанскому князю «вступатися в тот розъезд»[13]. Термин «розъезд» означает, что московско-рязанская граница здесь была размежевана на мест-

[9] *Черепнин Л. В.* Вотчинное право на Руси в XIV–XV вв. // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. статей. М., 1971. С. 17–18.

[10] Сл. РЯ XI-XVII вв. Вып.2. С. 44.

[11] «А Орда тобе... *ведати* самому, а мне Орды не *знати*» (ДДГ. С. 122). Ср: «оуправляти и ведати», «знати и ведати» (ДДГ. С. 124, 126–127, 166, 209, 214); *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1.Стб. 482 («ведетися – знать»).

[12] *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII–XVI вв. (по письменным источникам) // История и культура Ельца и Елецкого уезда. Материалы краеведческой конференции. Елец, 1992. С.37; *Лаптенков В. В.* Елецкие древности. С. 24; *Амелькин А. О.* Границы государств в Подонье в последней четверти XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999. С. 87–88; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси. С. 169.

[13] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 343.

ности[14] независимо от того, что в данном случае подразумевается под «куплей»[15]. Московско-рязанский договор 1483 г. о факте «розъезда» ничего не сообщает, «рубежом» же восточная граница московской «купли» именуется, как отмечалось выше, только в завещании Ивана III.

Покупка владений в уделах князей-Рюриковичей не была чем-то особенным в хозяйственной и политической практике московских Калитовичей. «Примыслы» и «купли» служили «надежным средством проникновения в уделы, готовили их окончательное присоединение к основным территориям Великого княжества Московского»[16]. Кроме политической выгоды последние, особенно со второй половины XV в., когда явственно начинает складываться шкала цен на земельные угодья[17], несомненно, приносили и материальную пользу новым владельцам.

Приобретение Москвы в Рязанском княжестве, закрепленное докончанием 1483 г., –единственная «купля», а не «примысел» в истории складывания государственной территории Великого княжества Московского в XV в. Приобретение отличается не только масштабами (территориально «купля» – едва ли не половина Рязанского княжества[18]), но и целым рядом формулярных особенностей ее фиксации в тексте догончания.

В духовных грамотах князей московского дома «купли» присутствуют постоянно – села, деревни и починки[19], волости[20], не говоря уже о более мелких приобретениях. В княжеских договорах – докончаниях «купли» упоминаются гораздо реже[21]. Однако ни в одном из вышеприведенных случаев не указаны рубежи «купель», как это сделано в московско-рязанском договоре 1483 г.

Другая особенность «купли» заключалась в том, что великий князь московский Иван III приобретал территорию, бóльшая

[14] Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XV вв. М., 1996. С. 106.

[15] Высказывалось мнение о «купле» Мещеры не как об акте купли-продажи, а как о передаче территории в качестве приданого по браку: *Аверьянов А. К.* Купли Ивана Калиты. С. 22–33.

[16] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. Феодальная война в России в XV в. М., 1991. С. 51.

[17] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М.1960. С.179-180.

[18] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 26.

[19] ДДГ. С. 13–14, 24–25, 33–35, 56, 58, 176–177, 196.

[20] Там же. С. 196, 250, 301.

[21] Там же. С. 12, 29–30, 327.

часть которой пустовала, за исключением севера, примыкавшего к Оке. Именно здесь располагались отошедшие Москве бывшие рязанские Тешилов[22] и Растовец[23] и локализуемый на притоке Оки – Осетре, Венев[24]. Южнее Осетра граница «купли» описана в докончании без маркировки ее какими-то зримыми и обитаемыми «местами» и даже просто географическими объектами. Если, например, буквально следовать тексту и проводить новую московско-рязанскую границу «прямо» от верховьев Кудосны к верховьям Табол, то она должна была бы непременно пересечь верхнее течение р. Прони. Тем не менее, в тексте договора река не упоминается, что вынудило в свое время Д. И. Иловайского нанести на карту Рязанского княжества границу «купли» не «прямо», как сказано в докончании, а в форме изящной дуги, огибающей верховья Прони с запада[25].

Таким же безлюдным было и другое московское приобретение договора 1483 г., «Елеч» и «вся Елецкая места». Они запустели еще в первой четверти XV столетия[26], и считать упоминания Ельца в договоре 1483 г. и в духовных грамотах великого князя Ивана III и его внука, царя Ивана Грозного аргументом в пользу заселенности территории[27] нет никаких оснований. Побудительные мотивы интереса Москвы к дальней южной «украине» лежали, скорее всего, в иной сфере, оборонительной, о чем речь пойдет ниже.

Возвращаясь к записи договорной грамоты 1483 г. о «купле», отметим также такую ее формулярную особенность, как взаимное

[22] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 95, 120–121. Тешиловская волость XVI в. располагалась на границе Алексинского и Каширского уездов (*Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник. СПб., 1902. Т. 2. С. 36).

[23] Д. И. Иловайский поместил Растовец в верховьях правого притока Оки р. Смедвы (*Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 155. Прим. 27; Карта), одноименная волость XVI в. отмечена на Осетре ниже Венева (*Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник. С. 36). Впрочем, две реки Растовки, одна в бассейне Угры, другая Упы зафиксированы как на правобережье Оки (*Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976. С. 41, 45, 48, 80), так и на левом берегу (Там же. С. 96, 126), а населенный пункт – вдалеке от Оки, в Переяславском уезде (ДДГ. С. 7, 9, 23, 372, 375).

[24] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С.118.

[25] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. Карта.

[26] *Лаптенков В. В.* Елецкие древности. С. 31–32; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. С. 163.

[27] *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII–XVI вв. (по письменным источникам) // История и культура Ельца и Елецкого уезда. Материалы краеведческой конференции. С. 37.

заверение сторон «не въступатися» за вновь образованный рубеж и «ни подъискивати под нами, под великими князми, ни под нашими детми ни твоим детем никоторою хитростию». На самом деле, если в докончаниях встречаются взаимные обязательства князей «не искати» владений друг друга (правда, без упоминания «хитрости»)[28], то в купчих, коль скоро речь идет о «купле», подобные клятвы неизвестны, да и смысл их неясен. Норма, направленная на укрепление прав покупателя на отчуждаемое владение, обычно закреплялась формулами «ввеки», «впрок», «ввек без выкупа» и пр.[29] Наличие письменного акта купли-продажи автоматически разрешает все споры о праве собственности на «куплю» не только для покупателя и продавца, но и для их наследников, естественно, в пользу первых.

Существует, однако, тип поземельных документов, содержащий в формуляре абсолютно такое же клятвенное обещание не нарушать сделку «никоторою хитростию». Это не купчие грамоты, закрепляющие «ввеки» акты купли- продажи, а документы на временное пожалование феодалом, как правило, духовным, владения слуге-грамотчику в пожизненное, иногда с детьми «до живота их», держание с последующим возвратом прекария и обязательством не отчуждать, не осваивать и не продавать владение[30].

Так что с определенной долей уверенности можно говорить о том, что клятва «купли» 1483 г., скорее всего, свидетельствует в пользу отсутствия собственно акта купли-продажи части рязанского удела Москве.

Наконец, относительно формулы договорной грамоты в части, касающейся «купли», есть еще одна загадка. «Купля», как помним, в документе приписана великому князю Василию Васильевичу и, следовательно, не могла состояться позднее 27 марта 1462 г., даты кончины отца Ивана III. Скорее всего, сделка заключалась в Москве, где с весны 1456 г., после кончины вдового великого князя рязанского Ивана Федоровича «на соблюденьи» жил малолетний наследник рязанского «стола», Василий Иванович с сестрой. Однако в духовной Василия Васильевича, опекуна рязанского князя, скрупулезно перечисляющей все его прижизненные приобретения, включая такие несопоставимые по масштабам с рязанской

[28] ДДГ. С. 23, 26, 100.

[29] *Черепнин Л. В.* Вотчинное право на Руси XIV–XV вв. С. 18.

[30] АФЗХ. Ч. 1. С. 52–53, 55–56, 114, 192–193, 266–267; Ч. 3. С. 74–75. Подробнее об актах, закрепляющих прекарные отношения, см.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. С. 83–84.

«куплей» объекты, как «дворы» и «сады» в Москве[31], нет ни слова о покупке половины удела собственного воспитанника.

В. П. Загоровский объяснял отсутствие в документе сведений о рязанской «купле» чисто канцелярскими причинами, тем, что сделка была совершена перед самой кончиной великого князя московского, уже после составления духовной, почему ее и не успели внести в завещание[32]. Такое предположение представляется маловероятным, если вспомнить практику постоянного переписывания, в случае изменения домениальных владений, великокняжеских духовных[33], а также о существовании в делопроизводственном обороте великокняжеской канцелярии так называемых «приписных грамот», прилагавшихся к основному тексту завещания в случае необходимости его расширения[34].

Завещание московского князя было составлено в промежутке между началом мая 1461 и концом марта 1462 гг.[35] В документе «четко прослеживаются итоги борьбы за единовластие в Северо-Восточной Руси 20–50-х гг. XV в. Великий князь отныне становится господином не только земель, "по старине" принадлежавших его семье»[36]. И, тем не менее, констатируем, что о важнейшем и масштабном приобретении Москвы за Окой вспомнил много лет спустя сын покупателя, взявший к тому же с наследника продавца странное обязательство «не подъискивати... никоторою хитростью» результаты, казалось бы, оформленной сделки.

Разумеется, датировка собственно «купли» и духовной грамоты вряд ли могли совпасть. Речь идет лишь о юридической фиксации акта продажи Рязанью части удела Москве. Только в октябре 1483 г., например, Иван III закрепил жалованной разводной грамотой волоцкому князю Борису Васильевичу размежевание собственных новгородских владений с ржевскими младшего

[31] ДДГ. С.195-196,199.

[32] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 25–27.

[33] *Юрганов А. Л.* О дате написания завещания Ивана Грозного // ВИ. 1993. № 6. С. 126–127.

[34] «Приписная грамота», несомненно, составленная позже основного текста завещания («Се аз... пишу сию душевную приписную грамоту, что есмь писал болшую свою душевную грамоту... И чего есмь в ту... не вписал, и аз в сю... в приписную написал»), приложена и к духовной Василия Васильевича (ДДГ. С. 198), но и в ней ничего не говорится о «купле».

[35] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Т. 1. С. 158–159.

[36] Подробнее см. Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. С. 185–187.

брата, причем со ссылкой на волю скончавшегося двадцатью годами ранее великого князя Василия Васильевича: «А говоришь, что... пришли к тебе (земли. – *А. Л.*) от нашего отца»[37].

Как представляется, объяснение всех странностей с «куплей» необходимо искать в особенностях, если не уникальном характере, отношений московского и рязанского великокняжеских домов в XV в. С вокняжением в 1402 г. Федора Ольговича «дальнейшая история Рязани представляет только постепенный переход к окончательному соединению с Москвою»[38]. Для Великого княжества Рязанского этот «постепенный переход» растянулся более чем на столетие, но, вплоть до 1521 г., года включения Рязани в число владений Московского княжества, оно сохраняло, последним из государственных образований, родившихся в домонгольскую эпоху на обломках Киевской Руси, формальную политическую самостоятельность[39]. При этом истоки «соединения» берут свое начало фактически в эпоху Куликовской битвы.

Московско-рязанский «мир вечныи» был закреплен браком 1386–1387 гг. Федора Ольговича и Софии Дмитриевны, возможно всего лишь вторым в долгой истории Москвы и Рязани[40]. Брак сообщил московско-рязанским межгосударственным отношениям своеобразный семейный характер, тем более, что в дальнейшем семейные связи укреплялись и постоянно «подпитывались» иными браками, необязательно прямыми, но, так или иначе, ставившими наследников Дмитрия Ивановича и Олега Ивановича в близко родственные отношения.

В 1400 г. младший брат великого князя московского Василия Дмитриевича, Юрий Дмитриевич, получивший после кончины отца в удел Звенигород и Галич, вступил в брак со смоленской княжной, «женися... в Москве у князь у Юрьи Святославичя Смоленьского, поят дщерь именем Анастасию»[41]. Анастасия

[37] ДДГ. С.290; *Кучкин В. А.* Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // Новгородский исторический сборник. Т. 2 (11). Л., 1984. С. 165–176.

[38] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С.137.

[39] Ср.: «Тенденция разрастания (в XV в. – *А. Л.*) союзно-вассальных обязательств рязанского князя в его отношениях с московским великим князем несомненна. Параллельно усиливаются патрональные черты в действиях московского государя... причем формально рязанский князь и здесь сохраняет свои полномочия» (*Назаров В. Д.* Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов. С. 395).

[40] Ср.: *Кучкин В. А.* Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М.1993. С.8-9.

[41] ПСРЛ. Т. 6. С. 131; Т. 25. С. 229.

Юрьевна, в свою очередь, приходилась внучкой Олегу Ивановичу Рязанскому, тестю отца невесты, и двоюродной племянницей великой княгине рязанской Софии Дмитриевне. Таким образом, Василий и Юрий Дмитриевичи через общую сестру и жену второго были связаны двойным родством с рязанским домом. В пору московской свадьбы князя Юрия Дмитриевича его тесть, изгнанный Витовтом в 1396 г. из Смоленска, нашел убежище в Рязани[42].

Год спустя другая внучка Олега Ивановича, рязанская княжна Василиса, дочь Федора Ольговича и Софии Дмитриевны, была выдана замуж за старшего сына серпуховского князя Владимира Андреевича, Ивана Владимировича[43]. Московская свадьба 1401 г. скрепила пошатнувшиеся было после смерти Дмитрия Ивановича устойчивые союзнические отношения Владимира Андреевича с двоюродным племянником, великим князем московским Василием Дмитриевичем, родным дядей невесты[44].

Во время вспыхнувшей четверть века спустя войны двух ветвей дома московских Калитовичей за московский стол великий князь рязанский Иван Федорович, связанный родственными узами с обеими сторонами конфликта, был вовлечен в него как младший союзник то одной из них, то другой. Показательно в этом отношении докончание 1434 г. занявшего на короткое время Москву князя Юрия Дмитриевича, дяди по матери великого князя рязанского со своим племянником. Договаривающиеся стороны титулуют друг- друга в документе не только, как это обычно принято, «братом стареишим» и «братом молодшим», но также «дядей» и «братычем» («братаничем») – признак преобладания родственных отношений над иерархическими[45]. При этом выясняется, что «братыч» ранее пребывал в таких же союзных отношениях с собственным двоюродным братом и соперником «дяди», великим князем московским Василием Васильевичем, в составе армии которого рязанцы громили галицкие вотчины Юрия Дмитриевича[46].

[42] ПСРЛ. Т. 5. С. 257; Т. 20. Ч. 1. С. 217; Т. 25. С. 225.

[43] ПСРЛ. Т. 6. С. 131 (здесь имя рязанской княжны – Васса); Т. 8. С. 75; Т. 11–12. С. 185.

[44] Подробнее: *Кучкин В. А.* Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8. С. 111, 115–116.

[45] Ср.: *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 44.

[46] ДДГ. С. 84, 86 («братыч», «братанич» – племянник: Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 1. С. 319).

На самом деле, независимо от того, достался бы московский стол внуку Дмитрия Ивановича или его сыну с наследниками, великий князь рязанский Иван Федорович в любом случае в силу близкого родства был обречен оставаться младшим союзником Москвы, что, очевидно, хорошо понимали обе стороны конфликта.

Рязанский князь по завершении борьбы за московский стол в пользу Василия Васильевича был связан с московским родственником не просто союзническими отношениями, как «брат молодшии», но и обязательством первого в случае военного конфликта с Литвой «поити *самому* тебя (великого князя рязанского. – *А. Л.*) боронити», не имевшим, как заметил Б. Н. Флоря, аналогов в московско – рязанских докончаниях[47]. Л. В. Черепнин отметил, что обязательство «боронити» в данном случае сформулировано столь общо, что может быть истолковано и в более широком контексте ответственности Москвы за Рязань[48], под «самому» же, без сомнения, надо понимать личное участие Василия Васильевича в защите владений рязанского родственника от посягательств. Тремя годами ранее, во время набега отрядов царевича Мустафы на Переяславль Рязанский великий князь московский посылал на помощь Ивану Федоровичу не просто московские полки, но «двор свои»[49].

Что касается отношений с другим соседом Рязани, Великим княжеством Литовским, то и на этом направлении рязанские суверены находили полное покровительство в Москве. Договоры великих князей московских Василия Васильевича с королем польским и великим князем литовским Казимиром Ягеллоном (1449) и Ивана III с великим князем литовским Александром Казимировичем (1494) содержат близкие в текстовом отношении формулы, провозглашающие московского князя, в случае конфликта Литвы и Рязани, ответчиком за действия последней[50].

Характерно в этом отношении обязательство московского князя «въсчунути» своего рязанского родственника – глагол не

[47] *Флоря Б. Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. К столетию акад. В. И. Пичеты. М., 1978. С. 185. Обязательство московского князя «боронити» кого-нибудь из «братии молодших» в других договорных грамотах XV в. не встречается, но присутствует в докончании Витовта с великим князем тверским Борисом Александровичем, как московский и рязанский князья, связанных кровным родством (дед и внук). Подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях. С. 48.

[48] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Т. 1. С. 27–29, 31.

[49] ПСРЛ. Т. 11. С. 61–62.

[50] ДДГ. С. 162 («и князь велики... резаньскии згрубитъ, и тобе... мене обослати о том и мне его въсчунути»), 331 («а в чом... сгрубитъ, и мне о том прислати к тобе»).

из юридической, а разговорной лексики, буквально означающий «увещевать», «бранить и поучать», «давать наставление с угрозами»[51].

Разумеется, московско-рязанские отношения предполагали и обратную ситуацию, «печалование» московским князем интересов рязанского в Литве. Со ссылкой на право покровительства «сестрича нашего», великого князя рязанского Ивана Васильевича московский посол В. Загряжский от имени великого князя Ивана III передал в Вильне в 1497 г. великому князю литовскому Александру Казимировичу претензии Рязани Литве по пограничным спорам, возникшим «опосле нашего с тобою доканчивания» т.е. после заключения московско-литовского договора 1494 г.[52]

Результатом опеки стал, что абсолютно не характерно для политики московских князей, всеми средствами стремившихся к уменьшению числа и размера уделов, территориальный рост Великого княжества Рязанского. Как выяснил Б. Н. Флоря, не позднее 1448 г. пронские князья были изгнаны из своего удела и бежали в Литву, а их владения отошли дальнему родственнику, рязанскому князю Ивану Васильевичу[53], что было невозможно без санкции Москвы.

Если после 1428 г. рязанский и пронский князья были связаны неравноправными, договорами с Витовтом, согласно которым великий князь литовский получал право руководить внешней политикой и Рязани, и Пронска против как друг друга, так и против своего московского внука, Василия Васильевича[54], то с кончиной в 1430 г. Витовта ситуация для Рязани переменилась. В московско-рязанской договорной грамоте 1434 г. дяди, сидевшего в Москве Юрия Дмитриевича с рязанским племянником, Иваном Васильевичем имелся специальный пункт об установлении мира между Рязанью и Пронском: Иван Васильевич «со князем... с проньским и с его братьею любовь взял»[55]. Сам факт включения пункта о «взятии любви» в московско-рязанский договор говорит о том, что инициатором примирения выступал «дядя» Юрий Дмитри-

[51] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. С. 272 («Всчунивать»); Ср.: Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 3. С. 160 («всчунути» – «приструнить»).

[52] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1892. Т.1. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. (Сб. РИО. Т. 35). С. 236, 242.

[53] *Флоря Б. Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. С. 182–184.

[54] *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях. С. 46; см. также: гл. 6 настоящего издания.

[55] ДДГ. С. 85.

евич, и следовательно пронские князья Федор, Иван и Андрей Ивановичи были его союзниками в борьбе с племянником, Василием Васильевичем за великокняжеский стол. Не исключено, что изгнание пронских князей и присоединение удела к Рязани стало для них расплатой за нелояльность Василию Васильевичу.

«Окончательное прекращение» и без того относительной самостоятельности Рязани Д. И. Иловайский отнес к 1456 г., обоснованно связав его с переездом осиротевшего малолетнего рязанского князя с сестрой в Москву, под опеку Василия Васильевича[56]. «На грады и на власти» Великого княжества Рязанского были поставлены московские наместники, рязанская монета чеканилась от имени московского князя и по его же «слову» действовала новая администрация[57]. Эти меры, хотя и временные, безусловно, способствовали еще бóльшему укреплению позиций Москвы в Рязанском княжестве.

Сын и наследник Василия Васильевича, великий князь московский Иван III после кончины отца в 1462 г. продолжил традицию патроната рязанской родни. Во второй половине 1463 г. опеку сняли, и восстановленный в суверенных правах великий князь рязанский был отпущен на удел. Историки до сих пор не нашли объяснения столь нелогичному, казалось, поступку московского князя, имевшего все шансы прибавить к собственным владениям и Рязанское княжество[58]. Но, судя по всему, со стороны Ивана III это был продуманный шаг.

«Опека» 1456–1462 гг. продемонстрировала высокую, если не сказать абсолютную управляемость Рязанского княжества, достигнутую, очевидно, благодаря удачно найденному компромиссу между интересами Москвы и удельного боярства. Московские «наместницы» в это время, что характерно, не присылались «на Резань» из Москвы, а набирались из местной думной аристократии[59]. Возможно, отношения московской великокняжеской власти и рязанской боярской корпорации даже были юридически оформлены какими-то письменными соглашениями.

В. Н. Татищев в сочиненном им обзоре памятников древнерусского права, «Собрании законов древних русских» когда-то отметил,

[56] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 143.
[57] *Лаврентьев А. В.* Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005. С. 27–29, 31.
[58] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 143–144; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 816.
[59] *Лаврентьев А. В.* Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. С. 34–35.

что, помимо общерусских судебников существовали «законы по княжениям», и великие князья московские Василий Темный и Иван III позволили «судить по их (то есть местным) законам» в соответственно, Ростовском и Рязанском княжествах местным боярам[60].

Применительно к Ростову К. В. Баранов предположил, что речь может идти о некоем юридически оформленном документе, корпоративной грамоте Василия Васильевича ростовскому боярству с подтверждением его прежних, шедших еще с эпохи ростовской самостоятельности, прав и полномочий[61]. Если информация В. Н. Татищева верна, то, кроме ростовской грамоты Василия Темного, должна была существовать и аналогичного содержания грамота его сына, Ивана III, рязанскому боярству. Возможно, именно этот документ с неясной характеристикой «рязанская грамота с великим князем Иваном», о содержании которой, как заметил Л. В. Черепнин, «трудно сказать что-нибудь определенное», упоминает Опись архива Посольского приказа 1626 г.[62]

В обстоятельствах юридического оформления ростовской и рязанской грамот местному боярству, коль скоро таковые существовали на самом деле, однако, имелось одно серьезное различие. Если Ростовское княжество перешло под власть Москвы задолго до правлениия Василия Васильевича, а ростовские князья были служебными князьями московских уже в XIV в.[63], то Рязань сохраняла, пусть и формальную, независимость от Москвы, а Иван III никогда великим князем рязанским не титуловался, хотя и получил за два года до кончины по завещанию племянника, рязанского князя Федора Васильевича принадлежавшую последнему по разделу со старшим братом, великим князем рязанским Иваном Васильевичем, треть удела[64]. Так что если грамота Ивана III рязанским боярам действительно существовала, то, скорее всего, ее пожалование великим князем московским состоялось в 1462–1463 гг., перед возвращением на удел великого князя рязанского Ивана Васильевича, причем было осуществлено вопреки старому, еще в первой половине

[60] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 7–8. М., 1996. С. 278.
[61] *Баранов К. В.* Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским боярам // Сообщения Ростовского музея. Вып. 9. Ростов, 1998. С. 31–44.
[62] Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 45; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Т. 1. С. 198.
[63] *Горский А. А.* К вопросу о времени перехода Ростовского княжества под власть московских князей // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М. 2010. С. 485–491.
[64] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 149.

XIV в. действовавшему правилу о взаимной невыдаче князьями жалованных грамот в уделы друг друга[65].

При этом формальный суверенитет Рязани был с самого начала правления новгого великого князя подчеркнут великим князем московским красноречивым жестом. Несколько месяцев спустя, в январе 1464 г. Василий Иванович был обвенчан с сестрой Ивана III, княжной Анной Васильевной. В то же время сам брак был заключен не в Переяславле Рязанском, на родине и в уделе жениха, что было бы естественно, а в Москве, при дворе шурина: «И венчался в Пречистои на Москве в неделю о Блудном, и на тои же недели...поиде в свою отчину на Рязань и со княгинею»[66]. Кстати, первенец рязанской четы, князь Иван Васильевич, появился на свет в 1467 г. тоже, как не странно, не в Переяславле Рязанском, а в Москве[67]. Имя младенцу, который очевидно, в Москве же был и крещен, и в таком случае, восприемником его был родной дядя, великий князь московский[68], наверняка выбиралось не только в честь рязанского деда, но и московского родственника, полного тезки наследника рязанского стола.

В 1483 г. великий князь рязанский Василий Иванович скончался, и великая княгиня осталась опекуншей при неженатом Иване Васильевиче, его младшем брате Федоре Васильевиче и неизвестной по имени дочери. Московско-рязанское докончание этого же года, зафиксировавшее «куплю», речь о которой шла выше, хотя и заключалось от имени 16- летнего рязанского суверена, но, несомненно, с благословения матери.

Вдовая великая княгиня рязанская стала своего рода воплощением окончательного «семейного» соединения двух правящих домов[69]. В Москве Анна Васильевна проводила иногда по полгода

[65] Ср.: «А в твои ми [уделъ грамот жаловаль]ных не давати. Тако же и тебе в мои оуделъ и во все мое великое княженье не давати своихъ грамотъ. А которыи грамоты буду подавал, а те... отоимати. А тобе тако же...отоимати, кому подава[л] в моемъ княжении» (ДДГ. С. 21).

[66] ПСРЛ. Т. 25. С. 278.

[67] ПСРЛ. Т. 12. С. 117.

[68] Рязанский князь Иван Васильевич родился в Москве 14 апреля, и если крещение имело место несколькими днями позже, но не позднее начала двадцатых чисел апреля, когда великий князь московский уехал в Коломну (Там же. Т. 25. С. 279), то такое предположение не кажется невероятным. Впрочем, крещение могло состояться и много позже, по возвращении великого князя из Коломны – известны случаи, когда разрыв во времени между рождением княжича и его крещением достигал шести–семи недель (*Кучкин В. А.* Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 121).

[69] *Вейнберг Л. Б.* Личность Анны Васильевны, великой княгини рязанской // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1890. Т. 4. № 8. С. 168–169.

и более, и во время двух таких продолжительных визитов сестры великий князь московский устраивал браки своих рязанских племянников и племянниц. В летописной статье под 1485 г. отмечен первый такой продолжительный визит, завершившийся свадьбой. «Тоя же *в е с н ы* великая княгиня Анна Резанская поехала на свою землю на Рязань от матери своеи от Марфы и от брата своего от великого князя Ивана, а приезжала навестити матери своеи *месяца июня. Того же лета месяца июля в 13* князь Иван Васильевичъ Рязанскии женился, а понял за себе княжну Агрипину княж Васильеву Бабичеву дщерь, а венчалъ ихъ рязанскии владыка Симеон в Благовещении на Рязани»[70].

Похоже, в летописном изложении событий присутствует хронологическая путаница. Приезд и отъезд великой княгини в Москву и рязанское бракосочетание не могли иметь места в один год. «Тоя же весны» и «того же лета» относятся к одному году, «месяца июня» – к другому, предыдущему. Следовательно, Анна Васильевна прибыла в Москву в июне 1484 г. и вернулась в Рязань весной следующего, 1485 г., чтобы 13 июля того же года сыграть свадьбу дочери. Таким образом, вдовая рязанская великая княгиня провела в в Москве у брата и матери не менее полугода.

Отец невесты рязанского князя Василий Иванович Бабич был одним из сыновей князя И. С. Бабы Друцкого, выехавшего на службу Василию Васильевичу в начале 1436 г.[71] В мае того же года князь И. С. Баба отличился, пленив «на бою» соперника московского князя, Василия Юрьевича Галицкого, отведенного в Москву и там ослепленного[72]. Так что своим прозвищем, Косой, сын скончавшегося ранее «дяди», Юрия Дмитриевича «обязан», очевидно, воинской удаче И. С. Бабы Друцкого[73].

Ю. Г. Алексеев посчитал брак Ивана Васильевича свидетельством падения политического статуса Рязанского княжества[74], очевидным мезальянсом, с чем можно согласиться только частично. Разумеется, более предпочтительным был бы брак в великокняжеском доме. Но,

[70] ПСРЛ. Т. 18. С. 270–271.

[71] В литературе И. С. Баба Друцкий часто указан бездетным (*Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 2. Ч. 1. Пгр., 1918. С. 121). Но в Москве он служил с сыновьями, одного из которых действительно звали Василием: Временник МОИДР. Кн. 10. М., 1851. С. 85 (за консультацию сердечно благодарю А. В. Кузьмина).

[72] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. Феодальная война в Росси XV в. С. 76.

[73] Прозвище «Косой» впервые встречается при имени галицкого князя только в летописной статье под 1449 г. о его кончине, последовавшей, судя по всему, в заключении (ПСРЛ. Т. 25. С. 270), до этого же Василий Юрьевич именуется исключительно по имени-отчеству (ПСРЛ. Т. 25. С. 250–252).

[74] *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от Ордынского ига. Л., 1989. С. 159.

кроме рязанского, единственным великокняжеским домом на Руси к 1485 г. оставался московский (в этом году прекратило свое самостоятельное существование Великое княжество Тверское), причем дочери Ивана III приходились Ивану Васильевичу двоюродными сестрами[75], что автоматически исключало какие-либо брачные контакты Москвы и Рязани не только в здравствующем поколении, но и в нескольких будущих. Так что понижение статуса невесты рязанского князя было делом вынужденным.

С другой стороны, князей Друцких никак нельзя отнести к служилой «мелкоте». Даже во времена расцвета рязанской самостоятельности брак в доме Друцких, литовских Рюриковичей, не считался для Рязани зазорным. Еще в начале XV в. дочь Олега Ивановича от первого брака, княжна Анастасия была выдана замуж в Литву за князя Д. В. Друцкого[76].

Другая свадьба, также устроенная Иваном III, последовала двенадцать лет спустя, в 1497 г. На этот раз московский дядя выдал замуж свою рязанскую племянницу, неизвестную по имени сестру Ивана Васильевича за князя-Гедеминовича, Ивана Федоровича Бельского, пятнадцатью годами ранее, в 1481–1482 гг., выехавшего из Литвы на службу великому князю московскому[77].

Первенствовавший, в силу высокого происхождения, при'московском дворе, князь И. Ф. Бельский в 1492 г. по наговору, как было признано позднее, попал в опалу и до января 1497 г. находился в заключении в Галиче[78]. На момент снятия опалы в Москве у брата не менее полугода гостила великая княгиня рязанская Анна Васильевна, которую Иван III в январе того же года «по Крещеньи... отпустил... наборзе свадьбы для: дала она тоды дщерь свою за князя Федора Ивановича Белского. И свадьба бысть на Рязани генваря»[79]. Спешность, с которой в течение всего трех недель был организован второй брак князя И. Ф. Бельского и племянницы Ивана III, показывает всю важность его для московского князя, стремившегося как можно скорее и действеннее загладить свою вину перед бывшим галицким «сидельцем».

[75] Вопрос о числе и возрасте дочерей Ивана III неясен. К 1476 г. старшая из них скончалась, и в том же году родилась вторая по старшинству, Елена Ивановна, будущая супруга великого князя литовского Александра Казимировича: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XV вв. С. 396–403.

[76] *Баумгартен Н. К.* К родословию последних великих князей Рязанских. С. 4.

[77] ПСРЛ. Т. 8. С. 225, 234.

[78] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 99.

[79] ПСРЛ. Т. 28. С. 330.

Летописный рассказ о пребывании рязанской княгини в гостях у брата сопровождается подробным описанием церемонии беспрецедентно почетной встречи Анны Васильевны в Москве осенью 1496 гг. Иван III «срете» сестру «велми честно», не в Кремле, где обычно начинались церемонии официальных встреч, а на южных подступах к Москве, «на всполии за Болвановием» (район современной Таганки). За пределы города навстречу сестре великий князь выехал лично, а также в сопровождении жены, великой княгини Софии Фоминичны и домочадцев, вдовой невестки Елены Волошанки, внука Дмитрия Ивановича, сына Василия Ивановича и «дворов», собственного и великой княгини[80], подчеркивая семейный характер отношений московского и рязанского домов. И эта особая близость проявлялась не только в отношениях рязанской великой княгини со старшим братом. В 1472 г. дмитровский князь Юрий Васильевич, младший брат Ивана III, завещал сестре, а не московскому князю фамильную реликвию, «монисто, чем мя благословила баба моа, велика княгини Софья»[81] т.е. Софья Витовтовна, бабка и Анны Васильевны.

К бракам и долгим проживаниям рязанской родни в Москве дело, разумеется, не сводилось.

Около 1503г., когда очередным опекаемым великого князя был малолетний сын Ивана Васильевича, великий князь рязанский Иван Иванович, для удобства «печалования» московско-рязанские докончания прежних лет были в Москве скопированы, пополнив великокняжеский архив[82]. Похоже, однако, что только докончаниями московских князей с рязанскими дело не ограничилось. В XVI столетии в Царском архиве в ящике 146 хранились *«грамоты докончалные великих князей рязанских* и великих князей черниговских и великих князей смоленских, да грамоты жаловальные мещерских князей, *и иные списки рязанские старые»*[83]. «Иные списки» представляли собой архив внешнеполитической документации Великого княжества Рязанского едва ли не с XII в., скопированный при Иване III. Контакты Рязани с Черниговом имели место еще в домонгольское время[84]. Относительно «грамот смоленских», как помним, последним великим князем смоленс-

[80] ПСРЛ. Т. 6. С. 42–43; Т. 28. С. 329–330.

[81] ДДГ. С. 222.

[82] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. С. 225–226.

[83] Опись царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М.; Л. 1960. С. 32.

[84] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 82–101

ким из Рюриковичей был Юрий Святославич, зять Олега Ивановича Рязанского, при активном участии тестя, приютившего князя-изгнанника в Рязани, боровшийся за возвращение удела в начале XV в. Мещера (или ее часть) исторически входила в состав владений рязанских Рюриковичей[85].

Можно только удивляться, как при регулярно повторявшихся нападениях соседей на Рязань от огня удавалось спасать архивные документы. Только в княжение Олега Ивановича Переяславль-Рязанский не менее двенадцати раз уничтожался татарами[86], не считая набегов литовцев и москвичей. Однако уцелели не только грамоты великокняжеского архива. В конце XVII в. известный русский книжник и поэт, инок Чудова монастыря Евфимий аккуратно скопировал в митрополичьем доме Переяславля Рязанского пергаменный оригинал грамоты 1356 г. митрополита Алексея о церковной подведомственности Черленого Яра рязанским владыкам, включавший подпись святителя на греческом языке[87].

Заметим, в то же время, что откопированные оригиналы документов рязанской великокняжеской канцелярии, очевидно, продолжали оставаться в Переяславле Рязанском. Существование формально суверенной Рязани при полной утере ею самостоятельности и почти семейных отношениях рязанских Рюриковичей с Москвой требовало, тем не менее, от великих князей московских соблюдения неких неписаных правил во взаимоотношениях с Рязанью, что в итоге не только оставляло в их распоряжении великокняжеский архив. Великий князь и его двор формально сохраняли все свои внутри- и внешнеполитические функции, но сама их реализация представляла собой причудливую смесь самостоятельных по виду действий рязанских суверенов под неусыпным тотальным контролем Москвы.

Во внешней политике второй половины XV – первых двух десятилетий XVI вв., и до, и после заключения договора с Москвой 1483 г., Рязань сохраняла права на самостоятельные внешние кон-

[85] В московско-рязанском докончании 1381 г. Мещера, названа московской «куплей» и Олегу Ивановичу запрещается «вступатися в... розъезд» т.е. за размежеванную границу, отеляющую его владения в Мещере от владений Дмитрия Ивановича (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 344, 259). Вероятно, Опись архива Посольского приказа 1626 г. имеет в виду документальные подтверждения владельческих прав рязанских князей на Мещеру, некогда хранившиеся в великокняжеском архиве Переяславля-Рязанского.

[86] *Селезнев Ю. В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV вв. С. 80, 83, 92, 99, 102, 105–108, 110.

[87] АСЭИ. Т. 3. С. 343–344; *Исаченко-Лисовая Т. А.* Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. СПб., 1992. С. 288.

такты с Литвой и Крымом, но, так сказать, в редуцированном виде. В 1456 г. посольство короля Казимира IV посетило для переговоров Переяславль - Рязанский, передав великому князю Василию Ивановичу список претензий литовской стороны рязанской по пограничным вопросам[88], но ответные претензии Литве со стороны Рязани возили в Вильно московские дипломаты[89]. При этом за находившимся в плену подданным рязанского князя в Литву ездил не москвич, а «человек» Ивана Васильевича Рязанского[90].

Похожим образом выглядели в это же время и контакты с Крымом. Послы из Бахчисарая ездили в Переяславль - Рязанский, но не самостоятельно, а сопровождая ханского дипломата, отправлявшегося в Москву[91]. Крымский хан состоял в личной переписке не только с великим князем московским, но и с великим князем рязанским, хотя послания – «ярлыки» последний получал не прямо из Бахчисарая, а через Москву, где, «тот ярлык посмотрив», великий князь московский, в данном случае, Василий III, давал крымскому дипломату санкцию на передачу «ярлыка» адресату и «подводу» послу до Переяславля Рязанского[92]. В полном соответствии с наличием посольских связей с Крымом при дворе рязанского князя Ивана Васильевича служил переводчик, «Юрьманьга талмач»[93].

Беспрецедентна была форма обращения хана в дипломатической переписке к великому князю рязанскому, не «брат», как к ро́вне, московскому князю, а «друг», что, тем не менее, не исключало информирования Рязани о взаимоотношениях с московским «братом» и присылки от хана «лехких поминков» к Переяславль Рязанскому двору[94]. При этом претензии к Рязани, если таковые возникали, предъявлялись не напрямую, а исключительно через московского князя[95].

[88] АЗР. Т. 1. 1340–1506 гг. СПб., 1846. С. 71.

[89] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1892. (Сб. РИО. Т.35). С. 236, 242.

[90] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. С. 262.

[91] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. СПб.1884. Т. 1 (РИБ. Т. 41). С. 139; СПб. 1895. Т. 2. С. 125–126, 139.

[92] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Кымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Т. 2. С. 160 (ср.: Там же. С. 125, 139).

[93] *Юшков А. И.* Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257–1613 гг. М., 1898. С. 30.

[94] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Кымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Т. 2. С. 527.

[95] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Кымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Т. 2. С. 28.

Всю вторую половину XV и первые два десятилетия XVI вв. за великими князьями рязанскими сохранялось почетное право платить самостоятельный, как Москва, «выход» в Касимов и Крым, но «запись» об этом давали не сами рязанские князья, а московские, что зафиксировано в московско – рязанском докончании 1483 г.[96] Объектом обложения «выходом» Рязань стала по воле Москвы, о чем в одном из писем Василию III сообщал Менгли Гирей («отец твои [Иван III. – *А. Л.*] Нур Доулату царю Рязанский юрт давши»[97]). При Менгли Гирее Рязанское княжество вошло в число земель, на которые крымский хан давал ярлык другому своему союзнику, великому князю литовскому[98].

Заметим для сравнения, что аналогичного права, самостоятельной выплаты «выхода» Крыму, были лишены, например, князья Одоевские, служившие Москве. В 1498 г. хан Менгли Гирей жаловался Ивану III на то, что посланному в «Одоевские городы» крымскому «бахшеишу» «дати... не похотят». В ответе в Бахчисарай московский союзник просил хана больше не посылать своих сборщиков в удел одоевских князей, потому что «им нечево давати, отчина их пуста», предлагая, в то же время, не освободить «пустой» Одоев от «выхода», а решать все финансовые вопросы непосредственно через него: «и ты б Одоевским князем вперед свою пошлину отложил... меня деля»[99].

В период московской опеки не прекращала своей деятельности великокняжеская канцелярия в Переяславле Рязанском, укомплектованная штатом, и немалым, собственных рязанских дьяков[100] и продолжавшая, как во времена самостоятельности великого княжества, выдавать жалованные грамоты на земельные владения «слугам» великих князей и княгинь рязанских[101]. Когда между 1517 и 1521 гг. последний великий князь рязанский Иван

[96] ДДГ. С. 284.

[97] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Т. 2. С. 37 (хан Нур Довлат – брат Менгли Гирея).

[98] *Петрунь Ф.* Ханськи ярлики на Українські землї (до питання про татарську Україну) // Схíдний свíт. 1929. № 2. С. 170–172.

[99] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Кымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Т. 1. С. 296, 306.

[100] У великого князя Ивана Васильевича служило три дьяка (*Юшков А. И.* Акты XIII–XVII вв... С. 15, 30, 35, 39; *Пискарев А. И.* Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854. С. 7), у его младшего брата, князя Федора Васильевича один (*Пискарев А. И.* Древние грамоты и акты Рязанского края. С. 10), у Ивана Ивановича – два (*Юшков А. И.* Акты XIII–XVII вв... С. 74–80, 83–86, 93–94), у вдовой великой княгини Агриппины Васильевны – трое (Там же. С. 44, 46, 49, 66, 77).

[101] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. М., 1997. Т. 1. С.145; *Юшков А. И.* Акты XIII–XVII вв... С.9.

Иванович проживал под опекой в Москве, с ним находились и чины рязанского двора, а также канцелярия, славшая периодически в Переяславль Рязанский «бояром нашим» распоряжения о земельных пожалованиях, а челобитчики из Рязани вызывались для разбирательств в Москву[102]. В Рязанском княжестве, во всяком случае, в конце XV в., велись разрядные записи служб рязанских дворян и на их основе действовали местнические суды, причем рязанская разрядная документация «записывалась в это время и в Москве»[103]. Об относительной финансовой самостоятельности Рязани говорит наличие у великого князя Ивана Васильевича собственного казначея[104].

В конце XV в. Рязань и Муром впервые упоминаются как единая епархия. Как полагает А. Г. Кузьмин, соединение епископий под омофором рязанского владыки произошло по инициативе митрополита Ионы, до хиротонии бывшего рязанским епископом, и случилось это между 1456 и 1462 гг., когда в Москве под опекой великого князя Василия Темного жил малолетний великий князь рязанский[105]. Напомним, что Мещера к этому моменту давно была московской, и укрупнение Рязанской епархии не могло быть не санкционировано в Москве.

Вернемся к «купле» договора 1483 г., ставшей вдруг актуальной десятилетия спустя после совершения сделки. Акт перехода половины территории Великого княжества Рязанскго Москве имел место в условиях сохранения формальной независимости Рязани при тотальном контроле над нею Москвы. С этой точки зрения особый интерес представляет сам термин «купля».

В истории складывания домениальных владений московских Калитовичей есть прецедент сравнимого с рязанской масштаба, «купли» великого князя московского Ивана Даниловича Калиты, как и рязанская «купля» Василия Васильевича, не упоминаемые в его духовных и впервые явленные миру только в княжение его внука, Дмитрия Ивановича.

При всей разноречивости толкования историографией термина «купли Ивана Калиты» практически все исследователи сходятся во мнении, что речь скорее всего идет не о покупке, но о каких-то

[102] *Юшков А. И.* Акты XIII–XVII вв. С. 41–43, 90–94.

[103] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. М.; СПб., 2007. С. 97–100, 314–315.

[104] *Антонов А. В., Баранов К. В.* Акты XV–XVII вв. из архивов русских монастырей // Русский дипломатарий. Вып. 3. М., 1998. С. 31.

[105] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 209.

иных формах отчуждения или управления[106]. Судя по всему, «купля отца нашего», письменно зафиксированная только в 1483 г., годы спустя после кончины и продавца, и покупателя, принадлежала к такого же рода приобретениям, механизм реализации которых уходит корнями в семейные взаимоотношения правящих домов Москвы и Рязани. В нашем случае, очевидно, это могли быть долговые обязательства Рязани Москве, возникшие еще в начале XV в. в связи с выкупом из литовского плена рязанского князя Родослава Ольговича[107]. В связи последним на самом деле наиболее интересным представляется только один вопрос, зачем великому князю московскому понадобились именно в это время, в начале 80-х гг. XV в. земли на краю «поля», в Окско – Донском регионе, если, например, территория Верхнего Дона была практически заброшена едва ли не с третьей четверти XIV в.[108]

В. П. Загоровский предположил, что «купля» была своеобразной платой за «соблюдение» между 1456 и 1462 гг. Василием Васильевичем малолетнего рязанского князя, целью же приобретения – создание Москвой «буферной зоны» между Рязанью и Литвой с целью противостоять возможным попыткам Рязани сменить политическую ориентацию[109]. Как представляется, оба положения спорны.

Относительно «купли» как способа материальной расплаты заметим, что такое приобретение вряд ли было способно обогатить московскую казну. Вплоть до начала XVII в. из – за постоянной военной угрозы с юга земельные владения боярской аристократии за Окой были огромной редкостью, это была почти сплошь зона мелкого служилого землевладения[110].

Что же касается «буферного» положения «купли», то надо помнить давнюю вовлеченность рязанских князей в московскую антилитовскую политику, и здесь крайне показателен факт бегства около 1448 г. последних пронских князей в Литву с пос-

[106] Подробный обзор историографии: *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. С. 13–18. Автор считает «купли» приданым жен московских князей, которым Калита с братьями, хотя и владели, но не могли распоряжаться при жизни княгинь: Там же. С. 203.

[107] См. гл.4 настоящего издания.

[108] *Гоняный М. И.* Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV вв.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. М.2005. (Труды ГИМ. Вып. 150). С. 159–160.

[109] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 25–26.

[110] *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 207.

ледующим присоединением их удела к Рязани. В любом случае и в 1483 г. эти отношения были далеки от идеала. О претензиях к Рязани со стороны Литвы в связи с набегами рязанских «украинников» на пограничные владения Гедеминовичей писалось выше. Взаимные обвинения, то рязанцев в вооруженных нападениях «на мченян и на рылян и на путивль (так! очевидно, путивлян. – *А. Л.*) и на иных», то, наоборот, в захватах литовскими подданными рязанских «сторожей», присутствуют в дипломатической переписке великого князя московского Ивана III и короля Александра Казимировича времени «купли»[111]. Так что говорить об опасениях за лояльность Рязани как цели приобретения Москвой западной части удела, граничащей с Литвой, вроде бы оснований нет.

Для определения цели и датировки «купли» надо обратиться к одному из пунктов московско – рязанского докончания 1483 г., договоренности о совместном «ведении» р. Мечи. Если это положение договора действительно подразумевало, как писалось выше, совместную охрану рубежа «от поля» по р. Мече, то понятно, от какой опасности московский и рязанский князья собирались оборонять свои владения.

На 30-е гг. XV в., начало княжения в Москве Василия Васильевича, приходится резкая активизация нападений Орды на южнорусские «украины»[112]. В 1432-1433 московский князь подписал союзнический договор с рязанским князем Иваном Федоровичем о совместной борьбе с татарами[113]. Очевидно, во исполнение своего обязательства Василий Васильевич в 1443 г. посылал, о чем уже писалось выше, «двор свои» на защиту столицы двоюродного брата во время нападения на Переяславль – Рязанский орды царевича Мустафы.

В 1450 г. воеводы великого князя московского разбили татар на р. Битюг, левом притоке Дона, и это был первый после Куликовской битвы 1380 г. случай столь дальнего похода московских полков за Оку[114]. К месту боестолкновения, заметим, московские войска могли проследовать только по территории Великого княжества Рязанского.

[111] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. С. 236, 262.

[112] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 768.

[113] *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 51

[114] *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 144.

Княжение наследовавшего Василию Васильевичу на московском столе его старшего сына, Ивана III принесло крупные перемены в отношения между Русью и Ордой, стало решающим этапом в борьбе за независимость для одной стороны и последней попыткой восстановить былое могущество Чингизидов для другой. Ключевым моментом этого противостояния стали события на р. Угре 1480 г. и свержение ордынского ига. После 1480 г., с распадом Орды и обособлением Крымского ханства, угроза с юга не миновала. До 1502 г. в степях продолжала кочевать Большая орда, с распадом которой союзник Великого княжества Московского, Крымское ханство вскоре превращается в наследника агрессивной внешней политики Орды[115].

Набеги Орды, а позднее Крымского ханства на русские земли имели конечной целью Москву, и Дон в них фигурирует как плацдарм для походов. Так было в 1465[116] и 1480 гг., причем в последнем случае Ахмат решил зайти на земли Великого княжества Московского через Угру в верховьях Оки только после того, как убедился в том, что это невозможно сделать через верхнее течение Дона («приближешуся ему к Дону, и князь велики... слышав то, поиде... противу ему к Коломне»[117]). Действия Ивана III почти зеркально, кстати, повторяют диспозицию 1380 г. перед Куликовской битвой. А в начале XVI столетия Верхний Дон, перешедший, как помним в составе «купли» Великому княжеству Московскому, становится зоной постоянных военных столкновений.

В это же время, на рубеже XV–XVI вв., происходит существенное изменение в военной политике Москвы, переход от преимущественно оборонных действий к тактике регулярных выходов далеко за Оку, «в поле», «под Орду»[118]. При этом ареной столкновений становятся «Елеч» и «вся Елецкая места», московские владения договорной грамоты 1483 г.

В 1492 г. столкновение московских полков с татарами имело место «в поли промежъ Трудовъ и Быстрые Сосны»[119], в 1511 г.

[115] Подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 141–142.

[116] ПСРЛ. Т. 24. С. 186 («поиде... царь Махмутъ на Русскую землю со всею ордою, *и бысть на Дону*»).

[117] Там же. С. 193.

[118] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 23.

[119] ПСРЛ. Т. 12. С. 233. Столкновение с татарами на Быстрой Сосне в 1492 г. В. П. Загоровский справедливо полагает доказательством того, что Елецкие земли были в это время заброшены (*Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 23).

татар гнали «до Сернавы»[120], в 1506 г. «до речьки до Рыбницы»[121]. Реки Труда и Чернава – притоки Быстрой Сосны, вдоль течения которой располагались земли Елецкого удела, Рыбница, правый приток Верхней Оки[122], несколько западнее Ельца.

Те же земли на правобережье Дона, вдоль другого его притока, р. Тихая Сосна, впадающего в Дон южнее Быстрой Сосны, стали в 1501 г. местом столкновений отрядов союзника Ивана III, крымского хана Менгли Гирея с Большой ордой «Шихмата царя». В военных действиях на Тихой Сосне приняла участие и Москва. Как писал в Москву из Бахчисарая Менгли Гирей, он «пришолна орду на Шихмата царя, и Шихмат... стоял в крепости на усть Тихие Сосны у Дону... и князь велики бы послал на улусы (Шихмата. – *А. Л.*) рать свою». В ответ на просьбу московский князь отправил на Тихую Сосну собственные военные силы, а также, что характерно, рязанские полки[123].

Неясно, входили ли ранее земли по Тихой Сосне в состав самостоятельного Елецкого княжества[124], но, так или иначе, примыкали с юга к московскому с 1483 г. Ельцу. Во всяком случае, не она, а Быстрая Сосна, судя по всему, считалась границей «от поля»: первую грамоту в Москву русские дипломаты, возвращавшиеся сухим путем вдоль Дона из Крыма, отправляли после форсирования Быстрой Сосны[125]. При этом северная граница московского Ельца, р. Меча, на рубеже XV–XVI вв. считалась в

[120] Иоасафовская летопись. М., 1957. С.160.

[121] Там же. С.151; ПСРЛ. Т. 6. С. 246.

[122] Книга Большому чертежу. Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М., Л.1950. С.60, 81-82, 115.

[123] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Т. 1. С. 336; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 32. «Крепость» «Шихмата царя» в устье Быстрой Сосны – не стационарное оборонительное сооружение, как иногда полагают (*Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 41), а обычное обозначение в письменных источниках XVI–XVII вв. естественных преград, служивших защитой от нападений, в первую очередь лесных массивов (Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 37; Ср.: Писцовые книги Московского государства. Изд. Н. В. Калачев. Ч. 1. Писцовые книги XVI в. СПб., 1877. Стб. 1582–1588). Последнее разумеется не исключает того, что позднее «крепость» была спешно укреплена. Через месяц после начала противостояния, как писал в Москву Менгли Гирей, «Ши-Ахмат сидел в острозе» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Т. 1 С. 369).

[124] Южная граница удела продолжает оставаться дискуссионной. См.: *Лаптенков В. В.* Указ. соч. С.24,60; *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII–XVI вв. (по письменным источникам). С. 32.

[125] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. СПб., 1884. Т. 1 С. 403.

Москве безопасной и использовалась в это время для сообщения между Окой и Верхним Доном. В 1499 г. «Мечею в Дон и Доном в Азов» проследовало русское посольство к крымскому хану, в то время как другая дипломатическая миссия, выбравшая путь «Полем», была по дороге ограблена[126]. Два года спустя, в 1501 г., «кафинского салтана посол Салый», по отправлении посольства следовавший на родину, получил в Москве «подводы до Мечи... а на реку... судно до Азова»[127]. Безопасной река в начале XVI в. считалась, естественно, и в Рязани: в 1501–1503 гг. рязанский князь Федор Васильевич пожаловал причт Спасо-Преображенского собора Переяславля-Рязанского с. Гавриловским на р. Мече[128].

К середине XVI столетия ситуация на Верхнем Дону в целом оставалась той же, Быстрая Сосна продолжала оставаться в московском «ведении». На ее берега, «на поле усть Ливен» и «усть Ельца на поле» из приокских крепостей выдвигались великокняжеские воеводы «для осеннего приходу от крымских людеи» и таким же объектом московской охраны была в это время Тихая Сосна[129].

Надо сказать, что, несмотря на исчезновение с политической арены Большой Орды и перемещения центра русско-татарского противостояния в Крымское ханство, сухопутный путь вдоль Дона сохранял, как и в XIV в., в эпоху Куликовской битвы свое стратегическое значение как наиболее удобный для достижения Оки. В XVI в. при набегах из Крыма на Великое княжество Московское, а позднее Российское государство (речь не идет о мелких отрядах крымцев, беспокоивших пограничье почти постоянно) «цари» и «царевичи» использовали три направления, через Северские земли, Верхнюю Оку и Рязань, междуречьем Оки и Верхнего Дона. При этом абсолютное большинство нападений приходилось на последнее, рязанское направление при кажущейся бóльшей географической близости Крыму Верхнего Поочья и Северщины[130].

[126] ПСРЛ. Т. 28. С. 332; Иоасафовская летопись. С. 139.

[127] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Т. 1. С.403.

[128] *Сметанина С. И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII - начала XVII вв. // Русский дипломатарий. Т. 6. М., 2000. С. 287.

[129] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. Т. 1. С. 160, 162, 183, 186.

[130] *Горбунов К. В.* К вопросу о направлениях экспансии Крымского ханства на южнорусскую «украину» в XVI в. // Проблемы новой и новейшей истории Востока. Материалы Межвузовской научной конференции. М., Рязань. 1993. С. 73–74.

Письменным источникам XVI в. известна крупнейшая сухопутная дорога «от поля» на север, к Оке, знаменитый Муравский шлях, традиционный путь набегов из степей. В примыкающей к южнорусскому пограничью части он пересекал Быструю Сосну, далее следовал на север междуречьем Красивой Мечи и Зуши, пересекал Упу и шел вдоль ее течения до современной Тулы, откуда можно было, в случае успеха, беспрепятственно достичь переправ на Верхней Оке. Кроме того, за Быстрой Сосной, кроме направления на Мечу, существовал и другой путь к Оке – через Куликово поле у истоков Непрядвы и Упы[131]. Недаром в Книге Большому чертежу, русском географическом справочнике XVI–XVII вв., Куликово поле и Непрядва определяются по отношению к Муравскому шляху: «А Упа... вытекла от Куликова поля... от верха речьки Непрядвы... от Муравского шляху» и «А река Солова и река Плова вытекли с верху реки Мечи ис Куликова поля от Муравского шляху»[132].

На всем протяжении Муравского шляха между появившейся в 1-й четверти XVI в. Тулой на севере и Быстрой Сосной на юге русских крепостей вплоть до исхода столетия не было. Только в последние годы XVI в., с появлением на Быстрой Сосне возобновленного Ельца и Ливен, «московское правительство овладело громадными пространствами «Дикого поля» между Доном, Верхнею Окою и левыми притоками Днепра и Десны»[133].

Возвращаясь к «купле» 50–60- х гг. XV в., зафиксированной московско – рязанским договором 1483 г., отметим, что конфигурация земель, обозначенных как московское приобретение, совпадает с направлением Муравского шляха, на котором Быстрая Сосна («Елеч» и «вся Елецкая места» докончания) и Меча (объект совместного ведения договаривающихся сторон) и в следующем, XVI столетии продолжают оставаться оборонительными рубежами степного пограничья. При этом Меча, на рубеже XV–XVI вв., как помним, дважды упомянута как безопасный путь на юг, в XVI в., наряду с Непрядвой и Верхним Доном постоянно фигурирует в источниках в связи с описаниями военных стычек с крымцами.

[131] *Платонов С. Ф.* К истории городов и путей на южной окраине Московского государства // ЖМНП. 1898. Март. С. 86–88; *Он же.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995. С. 57–59.

[132] Книга Большому чертежу. С. 59, 118.

[133] *Платонов С. Ф.* К истории городов и путей на южной окраине Московского государства. С. 88.

В 1541 г. один из отрядов крымцев («сторожа») был настигнут вышедшими из Рязани великокняжескими воеводами «на Куликове поле»; разбитых татар преследовали «до Мечи, и не сошли, и воротилися»[134]. В 1555 г. московские воеводы, на этот раз из Тулы, выдвигались для противодействия татарам *«на поле...* посторонь Дону за Непрядву до Рыхотских верховей»[135] т.е. в тот же район Куликова поля, немного южнее «Дон усть Непрядвы». Три года спустя, в 1558 г., шедшие к Оке Доном татары пришли «на Мечю», откуда оставалось всего «два дни (пути. – *А. Л.*) до украины»[136]. Получив здесь известие о значительных военных силах, ожидавших нападающих на Оке, крымский отряд повернул от Мечи назад, «поворотили от Украины от Мечи»[137]. Воеводы, отправленные для защиты русского пограничья, скорее всего из Тулы, должны были успеть перехватить нападавших в той же «буферной зоне», между верховьями Дона и Мечей, не дав им прорваться к Оке.

В следующем году по получении в Туле известий о приближении крымцев воеводы спешно выступили из Тулы на юг и встретили нападавших «на поле на третий день на Дону на ранней заре»[138]. Как видим, два дня спешной езды отделяли Тулу от верховьев Дона, и местом столкновения стал район Куликова поля.

Таким образом, переход под прямое управление Москвы при великом князе Василии Васильевиче слабозаселенного «коридора» между Окой и Верхним Доном, включавший «место Тулу» на севере и земли Куликовской битвы 1380 г., «Дон усть Непрядвы» на юге, был прямо связан с интересами обороны Руси. Юридическое закрепление за Москвой «купли» в московско-рязанским договоре 1483 г. формально означало включение Окско-Донского региона в состав государственной территории Великого княжества Московского, что послужило началом формирования здесь в последней четверти XV – первой четверти XVI вв. оборонительных рубежей, степного на юге и крепости на Севере, «Романцева» и «града на Туле».

[134] ПСРЛ. Т. 13. С. 143, 441–442; Т. 29. С. 43–44.
[135] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3. М., 1978. С. 498. (р. Рыхотка – правый приток Дона ниже Непрядвы).
[136] ПСРЛ. Т. 29. С. 276.
[137] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 170; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1989. С. 38.
[138] ПСРЛ. Т. 29. С. 287.

ГЛАВА 6

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ РУБЕЖИ ОКССКО-ДОНСКОГО РЕГИОНА. ОТ «РОМАНЦЕВА С УЕЗДОМ» ДО «ГРАДА НА ТУЛЕ» ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТЕРТЬ XV – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVI ВВ.

Становление системы обороны южных рубежей Руси в перешедшем под власть Москвы Окско-Донском регионе после свержения в 1480 г. ига Орды проходило в эпоху формального существования Великого княжества Рязанского как субъекта региональной политики, но целиком под руководством и по инициативе великих князей московских. Самыми заметными вехами а этом процессе были установление совместного московско-рязанского «ведения» рубежа «от поля» по правому притоку Дона, р. Мече в последние десятилетия XV в. и строительство во втором десятилетии XVI в. в бывших рязанских владениях могучей каменной твердыни, «града на Туле». К первому, как представляется, имеет прямое отношение один из пунктов московско-рязанского докончания 1483 г., касающийся «Романцева с уездом».

Топоним «Романцево» дважды встречается в княжеских договорных грамотах последней четверти XV в., впервые в докончании 1483 г. великих князей – тезок Иванов Васильевичей, московского, Ивана III и его старшего рязанского племянника – «сестрича», и вторично в тексте договора 1496 г. последнего с младшим братом, рязанским князем Федором Васильевичем. Речь идет об одном и то же верхнедонском владении великих князей рязанских, описанном, впрочем, в разном контексте и даже с некоторым симптоматическим отличием в наименовании.

Докончание 1483 г.[1] среди прочих договоренностей фиксирует размежевание собственно владений Москвы и Рязани, подтверждая старые и устанавливая новую границу между уделами, в том числе и в интересующем нас регионе, закрепляя «куплю» между 1456 и 1462 гг. отцом Ивана III, великим князем московским Василием Васильевичем Темным западной половины владений рязанского дома, включающей на юге земли по Верхнему Дону. Относительно южного участка «купли» договор ограничивается указанием на размежевание новой московско-рязанской границы по рр. Сухая и Мокрая Таболы, имеющим в приустьевой части общее течение: «Табалами на низ на Дон». Следовательно, в состав московских владений не позднее 1462 г. вошли оба берега Дона от истоков до впадения Табол, а ниже по Дону граница должна была пройти по течению реки, неясно только, сколь далеко «на низ» заходили владения московского и рязанского князей.

Южные границы московских владений на правом берегу Дона определились несколько позднее возможной крайней даты «купли», в 1483 г., в связи с размежеванием между Москвой и Рязанью владетельных прав на интересующее нас Романцево и Елец. «А что за Доном великого князя Иваново (Ивана Васильевича Рязанского. – *А. Л.*) Романцево с уездом и что к нему потягло, и... великим князем (Ивану III. – *А. Л.*) в то не вьступатися». Рязанский же князь, в свою очередь, обязуется «не вступатися» «в отчину» Ивана III, «*Елеч и... вся Елецкая места*».

Завершает договоренность 1483 г. о Романцеве и Ельце взаимное обязательство московской и рязанской сторон относительно правого притока Дона, р. Красивой Мечи: «А Меча нам ведати вобче»[2].

Итак, хотя «куплю» и взаимные договоренности Москвы и Рязани относительно Романцева, Ельца, а также Красивой Мечи разделяют не менее двадцати одного года[3], взаимосвязь этих пунктов докончания 1483 г. очевидна. В то же время смысл ее остается загадкой.

[1] ДДГ. С. 285–290.

[2] ДДГ. С. 285, 288.

[3] В. П. Загоровский полагал, что судьба Ельца была решена много ранее заключения договора 1483 г., в 1463 г., через год после кончины Василия Темного его сыном Иваном III в связи с отпуском «на Рязань» жившего предыдущие восемь лет в Москве «на соблюденье» рязанского князя Василия Ивановича (*Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 28).

Географическое положение бывшего удельного Елецкого княжества («Елеч и... вся Елецкая места») известно: это земли вдоль течения правого притока Дона, р. Быстрая Сосна. Крайняя южная точка московских владений на донском правобережье должна была совпадать с южной границей Елецкого удела, но определить ее точно в силу скудости источников невозможно (вопрос о распространении границ елецких владений на юг от Быстрой Сосны продолжает оставаться дискуссионным[4]). Северным рубежом Елецкого княжества эпохи самостоятельности считается р. Красивая Меча, другой правый приток Дона[5], однако и здесь высказывалось предположение о принадлежности Ельцу земель по правобережью Дона и выше Мечи, едва ли не до Непрядвы[6].

Таким образом, московским правый берег Дона ниже впадения Табол стал если не в 1456–1462, то в любом случае не позднее 1483 г. На фоне этих очевидных фактов достаточно странно звучит высказанное недавно мнение о принадлежности в XV в. не Москве, а Рязани всего правобережья верхнего Дона[7].

Возвращаясь к разграничению полномочий между Москвой и Рязанью на Верхнем Дону, отметим, что, «Меча» докончания 1483 г., о совместном «ведении» которой договаривались дядя и племянник, скорее всего московско-рязанский рубеж, севернее которого находилось рязанское Романцево, а южнее – теперь уже московский «Елеч... и вся Елецкая места».

В отличие от Елецкого княжества географическое положение «Романцева с уездом и что к нему потягло» в историографии оценивается весьма противоречиво (об этом подробнее ниже), равно как не ясна история Романцева как административной единицы Рязанского княжества. Из текста договора 1483 г. на этот счет следуют, однако, четыре важных вывода.

[4] *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII–XVI вв. (по письменным источникам) // История и культура Ельца и Елецкого уезда. Материалы к краеведческой конференции. Елец, 1992. С. 34; *Лаптёнков В. В.* Елецкие древности. С. 24, 60.

[5] *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII–XVI вв. (по письменным источникам). С. 37; *Лаптёнков В. В.* Елецкие древности. С. 24; *Амелькин А. О.* Границы государств в Подонье в последней четверти XIV в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999. С. 87–88; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 169.

[6] *Амелькин А. О.* К вопросу о государственной принадлежности Куликовского поля // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. М.; Брянск, 1996. С. 54–55

[7] *Шебанин Г. А.* О владениях рязанских князей на правобережье Верхнего Дона в конце XIV – начале XVI в. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 164, 166, 169.

Во-первых, Романцево находилось на правом берегу Дона, о чем свидетельствует употребленное в тексте определение «за Доном» (вспомним «Задонщину» и «Задонье» летописной статьи 1414 г. о разгроме Ельца, о которой ниже), и искать его надо выше Красивой Мечи, северной границы Елецкого княжества, по договору 1483 г., как помним, московской «отчины». Следовательно, Романцево было рязанским анклавом в правобережных владениях Москвы на Верхнем Дону.

Во-вторых, «Романцево с уездом и что к нему потягло» не было населенным пунктом городского типа с округой, как иногда полагают[8]. Изначально термин «уезд» служил определением небольшого о́круга, и в этом значении он появляется в великокняжеских грамотах в начале XIV в. в связи с разделами уделов, отмежеванием таких «уездов» в другое владение. Только с конца XIV в., на Руси начинается процесс складывания, по характеристике С. М. Каштанова, уездов «нового типа», территорий вокруг крупных городских центров[9], тех самых административно-хозяйственных единиц, которые дожили в России до 20-х гг. прошлого столетия.

Наш документ относится не к эпохе Калиты, а к гораздо более позднему времени. Тем не менее, в Великом княжестве Рязанском формуляр документов великокняжеской канцелярии еще долго сохранял зримые черты архаики[10], и термин «уезд» применительно к отмежеванным территориям продолжал употребляться в Рязани на протяжении всего XV в. [11]. Так что нет особых оснований сомневаться в том, что в московско-рязанском договоре 1483 г. слово «уезд» употреблено в его первоначальном значении и неудивительно, что в «Списке русских городов дальних и ближних» рубежа XIV–XV вв. среди тридцати рязанских «градов» топоним «Романцево» или сходные с ним не зафиксированы[12].

В-третьих, правобережный рязанский анклав появился на Дону, судя по всему, только в 1-й половине 1483 г. В тексте до-

[8] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. П. П. Семенова. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб., 1902. С. 408–409; *Воронов И. И.* Где находился город Романцев Рязанского княжества // ИССР. 1968. № 3. С. 195.

[9] *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XIV вв. М., 1996. С. 104–105.

[10] *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 52–58; *Он же.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 118–121.

[11] АСЭИ. Т. 3. С. 356–357 (1405–1407 гг. и 1427–1456 гг.); *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии и всех церковных дел сея епархии. С. 307 (1496 г.).

[12] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних» С. 95.

кончания «Романцево с уездом» определено не как рязанская вотчина, каковой оно было до «купли» правобережья Верхнего Дона Москвой, а как личное владение рязанского «сестрича» Ивана III – «великого князя Иваново»[13]. Если высказанное выше предположение о значении слова «уезд» в документе справедливо, то отмежевание Романцева должно было состояться между 7 января (дата кончины великого князя рязанского Василия Ивановича и восшествия на престол его старшего сына[14]) и 9 июня 1483 г. (эта дата стоит под московско-рязанским докончанием) т.е. было произведено накануне заключения договора.

Наконец, в-четвертых. «Елеч» и «вся Елецкая места» времени заключения московско-рязанского договора вряд ли были населены[15]. Археологическое обследование региона не выявило здесь ни одного памятника второй половины XV в.[16] Формально в тексте докончания Рязань и Москва обменивают Елец на Романцево. Скорее всего, и «Романцево с уездом» в 1483 г. тоже было пустующей территорией. О смысле и назначении такого размена речь пойдет ниже.

Второй, и последний раз Романцево упоминается тринадцать лет спустя после первого, в 1496 г., когда Иван Васильевич Рязанский утвердил договорной грамотой раздел оставшейся после «купли» восточной половины удела с младшим братом, князем Федором Васильевичем. За старшим из братьев закреплен, в числе прочих владений, «Романцев весь».

Здесь весьма любопытен контекст содержания грамоты, помогающий понять, что означает определение «весь», употребленное в докончании кроме Романцева еще дважды при других топонимах.

Сначала документ оговаривает «роздел» т.е. границы владений князей-соправителей[17], далее же делит доходы от бортных ухожаев и рыбных ловель на Дону: « Моа мордва... бортники с оброки, и Дон, и рыбныя ловли..., *Романцев весь... и Братилов весь*,

[13] Д. И. Иловайский ошибочно включил имя владельца в топоним, назвав Романцево «Ивановом Романцевом» (*Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 176).

[14] ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[15] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 23.

[16] *Тропин Н. А.* Древнерусские памятники XII–XIV вв. на южных территориях Рязанской земли: структура расселения // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. Отв. ред. А. В. Чернецов. М., 2005. С. 427–456.

[17] ДДГ. С. 334.

и ясеневские бортники, и пронские бортники, и окологородные бортники... со всеми доходы» отходят старшему брату, «твоа мордва деленная... бортники с оброки, и в Бовыкине, и в Воронаже в Верхнем, и *Тешев весь*, и в Дону жеребеи, и перевитские бортники, и рязанские бортники» – младшему[18].

В богатом бортями Рязанском княжестве бортные ухожаи принадлежали лично великому князю[19], а из двух князей-соправителей великокняжеский титул носил только старший, младший же титуловался просто князем рязанским[20]. Именно по этой причине, очевидно, в 1496 г. доходы с удела были распределены между братьями не пополам, а в пропорции два к одному в пользу великого князя рязанского. Отсюда известное источникам прозвище младшего князя Федора Васильевича, «Третный»[21].

Ситуация с разделом рязанских земель и доходов на трети объясняет определение «весь» при Романцеве и еще двух промысловых территориях. Доходы с них не делились по жеребьям, как например доходы с рыбных ловель по Дону, «мордвы деленой» или Переяславля-Рязанского, треть которых получал Федор Васильевич, а две трети Иван Васильевич, а уходили целиком в пользу одного из князей. Младшему рязанскому князю в результате раздела достался «Тешев весь» т. е. треть, старшему – «Романцев весь» и «Братилов весь» т.е. две трети.

Договор рязанских князей 1496 г., как видим, в отличие от московско-рязанского докончания 1483 г. ничего не говорит о местоположении Романцева, но сообщает о хозяйственной «специализации» территории – это были бортные угодья рязанского великокняжеского дома, несомненно существовавшие здесь и ранее, до перехода верхнедонского правобережья к Москве. Возможно отмежевание московским дядей «Романцева с уездом» великому князю рязанскому Ивану Васильевичу в первой половине 1483 г. как-то учитывало прежние традиции административной организации рязанских владений на Верхнем Дону «домосковского» периода, нам не известные.

В историографии существует три предложения по локализации Романцева XV в. При этом, каким-то неясным образом в двух

[18] ДДГ. С. 335.

[19] *Бахрушин С. В.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 572.

[20] ДДГ. С. 331 – 332, 337, 357.

[21] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 148; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. С. 601. Прим. 1926.

из них незамеченными оказались недвусмысленные указания текста докончания 1483 г., в одном случае на правобережное расположение Романцева, в другом – на очевидную географическую близость последнего Ельцу и Красивой Мече.

Д. И. Иловайский, первым отметивший тождество Романцева грамот 1483 и 1496 гг., поместил его «по смыслу» на левом берегу Дона, «между Воронежем и Донцом». Историк мотивировал левобережную локализацию Романцева тем, что здесь в XVII в. документально зафиксированы несколько топонимов «Романово», а также Тешев, известный по выше цитированной грамоте 1496 г.

Д. И. Иловайскому было хорошо известно, что на левом берегу Дона, по р. Воронеж, много позднее московско-рязанских докончаний конца XV в., размещалась вотчина боярина И. Н. Романова, Романовская волость с центром в Романовом городке[22], появившаяся здесь не ранее конца XVI в, скорее всего после Смуты[23]. В Разрядном приказе, который «ведал» в XVI–XVII вв. пограничные крепости русских «украин», в 1628 г. рассматривалась жалоба жителей Лебедяни на соседа-вотчинника, младшего брата патриарха Филарета и дядю царя Михаила Федоровича[24], и в приказном деле, ведшемся по факту жалобы, действительно присутствуют топонимы, производные от фамилии «Романов».

Что касается Тешева XVII в.,[25] то местоположение одного из однокоренных топонимов, «Тешевского леса» указано достаточ-

[22] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С. 176.

[23] В судном деле волость названа вотчиной И. Н. Романова, унаследованной от старших братьев, бояр Александра и Василия Никитичей. Однако боярский чин имел только старший, Александр, второй был окольничим. Кроме того, вотчинные владения И. Н. Романова, возведенного в боярское достоинство в 1605 г. Лжедмитрием I, восстанавливались, похоже, отнюдь не за счет бывших владений семьи, пошедших в конфискацию по суду 1600–1601 гг., а новыми пожалованиями, уже времени Михаила Федоровича. См.: *Лаврентьев А. В.* Романовы и «старый государев двор» на Варварке // *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 22–24.

[24] *Сташевский Е. Д.* К истории колонизации юга (великий боярин Иван Никитич Романов и его слободы в Елецком уезде). М., 1913; *Черменский П.* Город Лебедянь и его уезд в XVII в. (к трехсотлетию города). СПб. 1913. С. 45–46, 50, 52; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 388.

[25] *Сташевский Е. Д.* К истории колонизации юга... С. 4, 14, 17, 24, 26, 29, 31; *Черменский П.* Город Лебедянь и его уезд в XVII в. (к трехсотлетию города). С. 50, 52. Иногда вместо «Тешев» в документах XVII в. фигурирует «Тешилов», что, скорее всего, описка. Рязанские «град» конца XIV – начала XV вв. и волость конца XV–XVI вв. с таким названием располагались много севернее Верхнего Дона, на Оке (*Лаврентьев А. В.* «Дон усть Непрядвы» в XV – 1-й половине XVI вв.: Москва, Рязань и земли Куликова поля // Куликово поле в истории России. Тула, 2006. С. 164, 180).

но точно, «к верх речки Репца»[26] то есть р. Репец, левого притока Дона выше р. Воронеж[27]. «Тешев весь» рязанского князя Федора Васильевча раздела 1496 г., несомненно, действительно находился на левом берегу Дона, в XVII в. принадлежа Романовской волости. Однако экстраполировать ситуацию с Тешевом на «Романцев весь», аргументируя его локализацию на левобережье Дона только этим соседством топонимов в тексте договорной грамоты рязанских князей, все-таки, слишком смелое допущение.

Вообще надо отметить, что топонимы «Романово» и «Романцево», равно как и производные от первого и второго, не тождественны и с древнейших времен существуют параллельно[28]. Созвучие (но, повторимся, не тождество) производных от фамилии боярина Романова топонимов XVII в. донского левобережья с очевидно правобережным Романцевом XV в., казалось бы, вполне случайное, ввело в заблуждение не одного Д. И. Иловайского.

В известном справочнике П. П. Семенова, например, указаны топонимы сходного корня, в XVII в. части «вотчины боярина Романова». Они находятся на левом берегу Дона и по тогдашнему административному делению принадлежат Тамбовской губернии. При этом один из них уверенно провозглашается Романцевом XV в. – это «село Романово Лебедянского уезда, упомянутое под именем городка (? – *А. Л.*) Романцева в договоре Москвы с Рязанью 1483 г.» [29]. В литературе XIX – начала XX вв. тамбовское с. Романово с Романцевом докончания 1483 г. идентифицруется довольно уверенно[30].

Иную версию расположения Романцева предложил В. Н. Дебольский, весьма, впрочем, предположительно поместивший его много выше по Дону и Ельца, и Красивой Мечи, «может быть, в Епифанском уезде Тульской губернии»[31].

[26] *Сташевский Е. Д.* К истории колонизации юга. С. 25, 40.
[27] *Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. Л., 1934. С. 3.
[28] ДДГ. С. 14, 16, 19, 306, 309, 387 (Романовское, Романьсково, Романово, Романьково); 285, 289, 334, 339, 400, 442 (Романцов, Романцево, Романцово).
[29] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. Среднерусская черноземная область. С. 408–409, 591.
[30] *Порфирий.* Лебедянский Свято-Троицкий заштатный общежительный мужской монастырь. Тамбов. 1895. С. 30; *Гедеонов М.* Лебедянская старина. Очерк истории прошлого Лебедянского края // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Изд. Тамбовского губернского статистического комитета. Тамбов, 1903. С. 113; *Черменский П.* Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 54. Тамбов, 1911. С. 280.
[31] *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Вып. 2. СПб., 1902. С. 36.

Указанный историком населенный пункт, д. Романцево, действительно существовала в XIX в.[32] Однако в силу большой удаленности от Ельца и Красивой Мечи видеть в ней рязанское Романцево XV в. никаких особых оснований нет, тем более, что название нельзя считать уникальным, в том числе и для исторической территории бывшего Рязанского княжества[33]. Заметим также, что писцовая книга Епифанского уезда 1570–1571 гг. не зафиксировали ни населенных пунктов, ни каких либо географических объектов с названием «Романцево» или производных от него. Последние появляются в Епифанском уезде только в XVII в.[34].

Версия о тождественности Романцева под Епифанью Романцеву грамот XV в. недавно снова привлекла внимание. Г. А. Шебанин (о ранее высказанном таком же предположении В. Н. Дебольского автор, похоже, не знал) отметил соседство бывшей д. Романцево Епифанского уезда, ныне пос. Романцевский Богородицкого района Тульской области, а также д. Романова Узловского района той же области группе археологических памятников конца XI–XIV вв., которые по предположению автора и были искомым «Романцевом с уездом» московско-рязанского договора 1483 г.[35] Значительная , повторимся, удаленность от Ельца и Мечи, а также относительная новизна топонимов делают такое предположение маловероятным.

Третья локализация Романцева, уже не «по смыслу», как у Д. И. Иловайского, и не из топонимов, как у Д. В. Дебольского, а в опоре на текст московско-рязанского договора, принадлежит В. П. Загоровскому. Исследователь абсолютно обоснованно предлагает искать Романцево на донском правобережье, в Лебедянском районе современной Липецкой области[36], на территории которого Красивая Меча впадает в Дон.

[32] Города и селения Тульской губернии в 1857 г. Издано под наблюдением акад. П. И. Кеппена. СПб., 1858.
С. 64.
[33] Другие населенные пункты с тем же названием: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. Сост. М. Баранович. СПб., 1860. С. 458; Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 г. Рязань. 1868. С. 270, 290.
[34] Писцовые книги Московского государства. Изд. Н. В. Калачев. Ч. 1. Писцовые книги XVI в. Отд. 2. СПб,. 1877. С. 1582–1588.
[35] *Шебанин Г. А.* О владениях рязанских князей на правобережье Верхнего Дона в конце XIV – начале XVI в. С. 165; *Он же.* Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. С. 470.
[36] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. С. 25, 30.

Предположение о соседстве рязанского «города Романцев» (так в публикации. – *А. Л.*) с современной Лебедянью высказывалось и ранее, парадоксальным образом сочетаясь с убеждением автора той же публикации в том, что искомый населенный пункт располагался на противоположном, левом берегу Дона[37].

Сам по себе вопрос о южных пределах Рязанского княжества в конце XIV–XV вв. в силу скудости источников представляется достаточно непростым[38]. По этому случаю всегда, и справедливо, вспоминают единственный текст, сохранивший искомые сведения. Хождение митрополита Пимена в Царьград 1389 г. недвусмысленно свидетельствует о заброшенности берегов Верхнего и Среднего Дона, рисует печальную картину запустения некогда цветущего края[39]. В то же время археологические исследования региона дают не столь удручающую картину – в исходе XIV и начале XV вв. отнюдь не все русские поселения региона прекратили свое существование[40].

Хождение проясняет судьбу владений рязанских князей на левом берегу Дона по ситуации на 1389 г. Бояре и дружина Олега Ивановича Рязанского провожали митрополита Пимена до Чур-Михайлова на р. Большой Кочур, судя по всему, крайней южной точки владений Рязани на левобережье[41]. Столетие спустя, к концу XV в. левобережные владения Рязани на Верхнем Дону, судя по производившимся рязанскими князьями и княгинями земельным пожалованиям, простирались много южнее р. Большой Кочур, вплоть до р. Воронеж[42]. Левый берег, в отличие от правого – торной дороги с юга на север – очевидно, представлялся более защищенным от опасности быть разгромленным татарами и осваивался Рязанью интенсивнее.

Что касается правобережья Верхнего Дона, то А. Г. Кузьминым высказывалось предположение о принадлежности Рязани еще в

[37] *Воронов И. И.* Где находился город Романцев Рязанского княжества. С. 195–196.

[38] *Тропин Н. А.* Южные территории Рязанской земли в XII–XIV вв.: формирование и развитие региона // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 251.

[39] ПСРЛ. Т. 11. С. 95–96.

[40] *Цыбин В. М.* Древнерусские поселения второй половины XIII–XIV вв. в среднем течении Дона // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Межвузовский сборник научн. трудов. Воронеж, 1989. С. 156–171; *Тропин Н. А.* Южные территории Рязанской земли в XII–XIV вв.: формирование и развитие региона. С. 250–251.

[41] *Лаврентьев А. В.* К истории Верхнего Дона в XIV–XVI вв. // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. М., Тула. 1999 (Гос. музей-заповедник «Куликово поле». Научные труды. Вып. 2). С. 42.

[42] Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1267–1613 гг. С. 31, 45–46.

домонгольское время устья Быстрой Сосны[43], но, тем не менее, самое раннее письменное известие о существовании рязанских владений на правом берегу реки относится только к началу XV в. Его содержит статья Никоновской летописи о разгроме татарами Ельца в сентябре 1414 г.

Во время набега «по Задонью реки» пострадал не только Елецкий удел, но и некие «власти рязанские», судя по контексту, соседствовавшие с Ельцом[44]. Если, как помним, северной границей Ельца считать р. Красивую Мечу, то разгромленные рязанские волости, причем не одна, должны были находиться по соседству, немного выше по течению Дона. По наблюдениям С. М. Каштанова в Московском княжестве волости по существу были тождественны уездам, будучи изначально фискальными единицами[45]. Так что «Романцево с уездом» докончания 1483 г., скорее всего, ранее принадлежало к числу рязанских «властей» на правом берегу Дона, соседствовавших с Елецким княжеством в пору его самостоятельности.

Заметим, что в тексте договорной грамоты московский Елец и отмежеванное Рязани «Романцево с уездом» тоже соседствуют «за Доном», а в рассказе о нашествии Тимура и древнерусской Повести о Темир Аксаке, описывающих события 1395 г., знаменитый полководец «вьсхоте...идти на Рускую землю... и приди *близ предел Рязаньския земли и взя град Елеч*»[46] . Эти рязанские «пределы» конца XIV в. вероятно должны были находиться, там же, где «Елечь», на правобережье Дона, которым армия полководца двигалась к границам Руси.

Рассказ Никоновской летописи о событиях 1414 г. уникален – в прочих летописных сводах татарский набег имеет более широкую датировку, «в лето 6923» без уточнения месяца, и в них говорится исключительно о разгроме Ельца без упоминания рязанских «властей», пострадавших от того же набега[47]. Факт «купли» Москвой не позднее 1462 г. рязанских владений «за Доном» делает вероятным предположение, что таковые имелись уже в

[43] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. С. 100.

[44] ПСРЛ. Т. 11. С. 225.

[45] *Каштанов С. М.* Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. К. 100- летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 175–177, 181–182, 189.

[46] ПСРЛ. Т. 25. С. 222; Памятники литературы Древней Руси XIV – середины XV вв. С. 234.

[47] ПСРЛ. Т. 6. Стб. 41; Т. 24. С. 177; Т. 35. С. 33.

начале XV столетия. Кстати, указание Никоновской летописи на сентябрь как время набега татар, вполне согласуется с известной тактикой нападений из степей на русские земли, которые предпринимались часто осенью после сбора урожая.

Возвращаясь к вопросу о вероятном местоположении Романцева последней четверти XV в., отметим, что в росписях «сторож», высылавшихся из «украинных» крепостей по притокам Дона в 1571 и 1578 гг. седьмая из них стояла «на Дону на Ногайской стороне усть Скверны *против Романцовского лесу*»[48]. Следовательно, «Романцовский лес» XVI в. находился на правом, «крымском» берегу Дона напротив впадения в него левого притока, Скверны.

Река сходного названия, «Сквирнаи» описана в географическом справочнике XVII в., Книге Большому чертежу, причем с точной географической привязкой: «А ниже нового Донкова 10 верст с Нагаискои стороны пала в Дон речка Сквирнаи»[49]. «А против тои речки», – продолжает Книга Большому чертежу, – с правые стороны пала в Дон речка Перехвал... А ниже тех речек 10 верст... город Лебедянь»[50].

Карты и справочники действительно фиксируют левый приток Дона, р. Сквирня[51]. Однако ее устье находится не в 10 верстах выше Лебедяни, как сообщает Книга Большому чертежу, а практически напротив северных границ современного города[52].

Судя по всему, современная Сквирня, «ныне обширный сухой овраг»[53], и «Скверна» – «Сквирнаи» письменных источников XVI–XVII вв. все-таки разные реки. Ситуацию, как кажется, разъясняет замечание одного из местных историков-краеведов XIX в., отметившего, что выше по левобережью Дона, не в Лебедянском уезде Тамбовской, а в тогдашнем Данковском уезде Рязанской губернии есть «*река Скверна или Золотуха (как ныне больше ее называют)*»[54]. Золотуха, в свою очередь, впадает в Дон действительно почти напротив устья правого притока, р. Перехваль[55] - несомненно «Перехвала» Книги Большому чертежу, в районе которой должен находиться «Романцовский лес» росписей сторож 1571 и 1578 гг.

[48] Акты Московского государства. 1571–1634. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. СПб, 1890. С. 9, 23.

[49] Книга Большому чертежу. С. 78; о наименовании левого берега Дона Ногайским, а правого Крымским: Там же. С. 78.

[50] Книга Большому чертежу. С.78.

[51] *Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. С. 2.

[52] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов, 1886. Т. 11. Лебедянский уезд (карта); Липецкая область. Топографическая карта. М. 1997.

[53] *Воронов И. И.* Где находился город Романцев Рязанского княжества. С. 196.

[54] *Ермаков В.* Историко-статистическое описание г. Данкова // Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 г. Рязань. 1868. С. 215. См. например карту в кн.: Рязанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862.

Близ устья Перехвали – «Перехвала», рядом с одноименным селом Перехваль краеведами XIX в. было неоднократно описано «*место «Городище... в урочище Романцы...* в 120 кв. сажен, с севера ограничено отлогами Дона, с прочих сторон рытвинами и ямами»[56], где «кусты Романцевского леса... находятся от нынешнего Данкова только в 10 верстах, от места же старого... в 40» и где «подле устья Скверны... и поднесь видны заросшие травою холмы, ямы и рытвины, свидетельствующие о бывших здесь некогда укреплениях»[57]. Современный автор даже отметил наличие здесь неких зримых остатков городских оборонительных сооружений и тайного подземного хода[58].

Итак, если одноименные лес и урочище по р. Перехваль напротив устья Золотухи – «Скверны» – на самом деле «Романцево с уездом» докончания 1483 г. и «Романцев весь» договорной грамоты 1496 г., стоит задаться вопросом, с какой целью великий князь московский Иван III отмежевал рязанскому «сестричу» анклав из земель «купли» отца, Василия Васильевича Темного на правобережье Верхнего Дона вблизи собственного Ельца.

Возможно, свою роль здесь сыграло промысловое значение Романцева. Взаимоотношения московского и рязанского правящих домов традиционно, в течение всего XV в. носили со стороны Москвы патрональный, почти семейный характер прямой опеки. С этой точки зрения забота Ивана III о материальном благополучии рязанского племянника и крестника («Романцев весь» докончания 1496 г. присутствует в нем, как отмечалось выше, прежде всего в качестве промысловой территории) не выглядит со стороны Ивана III чем –то противоестественным. Однако почти наверняка свою роль сыграли и другие факторы, как минимум два.

Первый связан со сложным переплетением династических интересов и традиций удельного «держания» трех ветвей Рюрико-

[55] *Маштаков П. Л.* Список рек Донского бассейна. С. 2. В справочнике П. П. Семенова река названа Перехвалкой (Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. С. 545).

[56] *Ляликов Ф.* Курганы, древние могильные насыпи и укрепления в Рязанской губернии // ЖМВД. 1837. Ч. 25. С. 323; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. Сост. М. Баранович. С. 548–549.

[57] *Ермаков В.* Историко-статистическое описание г. Данкова. С. 215.

[58] *Воронов И. И.* Где находился город Романцев Рязанского княжества. С. 197.

вичей, московских, рязанских и черниговских, на правобережье Оки и на Верхнем Дону.

Водный путь по Дону как известно, существовал издревле и начинался, во всяком случае в начале XVI в., у Старого Данкова, в отличие от Нового Данкова, появившегося после Смуты на правом берегу Дона, стоявшего изначально на левой, Ногайской стороне[59].

Вблизи Старого Данкова еще в XIV в. находился рязанский город «Дубок вверху Дону»[60]. Именно через Дубок, соединенный кратчайшей сухопутной дорогой со столицей Рязани, Переяславлем на Оке и водными путями через Проню и Ранову с «переволокой» до р. Воронеж, притока Дона, осуществлялась торговля Москвы с золотоордынскими городами и Крымом[61].

Судьба рязанского Дубка, в свою очередь, была тесно связана с историей ряда уделов на правобережье Оки, Тарусского, Козельского и Елецкого княжеств, в которых сидели князья из дома черниговских Рюриковичей[62].

По докончанию 1381 г. великих князей Дмитрия Ивановича Московского и Олега Ивановича Рязанского Дубок и ряд других пунктов на правобережье Оки хотя и «доселе потягло к Москве», но в тот момент принадлежал Рязани, при этом являясь прежним владением тарусских князей[63]. Как предположил В. А. Кучкин, Дубок и прочие владения Тарусы за Окой могли перейти к Москве еще в середине 40-х гг. XIV в[64].

В 1393 г. была решена судьба самой Тарусы и оставшейся у тарусских князей части удела: ярлык на Тарусу купил в Орде московский великий князь Василий Дмитриевич. Тарусские князья утеряли самостоятельность, став «слугами» великого князя

[59] *Загоровский В. П.* Исследования и заметки по исторической географии Центрального Черноземья XVI в. // Историческая география Черноземного Центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 14–16.

[60] *Тихомиров М. Н.* «Список русских городов дальних и ближних». С. 123.

[61] О Донском торговом пути: Там же; *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. С. 39–40; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. С. 12.

[62] Изначальная связь Чернигова в частности с Тарусой нашла даже отражение в поздних родословных легендах. См. интереснейшее свидетельство в работе К. В. Баранова (*Баранов К. В.* Легенды XVII в. о родопроисхождении новгородцев Апрелевых, Нееловых и Гурьевых // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В. Б. Кобрина. М., 1992. С. 34 -35).

[63] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 344 («А что на рязанскои стороне за Окою, что доселе потягло к Москве почен Лопасна, уездъ Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Бродничс месты, *как ся отступили князи торуские... та места к Рязани*»); подробный комментарий: Там же. С. 254–255.

[64] Там же. С. 256.

московского, но остались на своем уделе и даже сохранили часть вотчинных прав, в том числе на сношения с Рязанью[65]. В московско-рязанском договоре 1402 г. формула о принадлежности Дубка Рязани повторена дословно, с сохранением указания на его прежнюю принадлежность Москве, а до этого Тарусе[66].

Почти одновременно с переходом Тарусы к Великому княжеству Московскому в состав последнего вошел Козельский удел, в 1404 г. переданный Василием Дмитриевичем двоюродному дяде, князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому, но через два года отошедший к Литве[67]. Москва вернула себе Козельск только после кончины великого князя литовского Витовта в 1430 г., вторично утеряла его в 1448 г., вернув окончательно только в 90 –х гг. XV в.[68]

Таким образом, Козельский удел уже в начале XV в. должен был считаться московской великокняжеской вотчиной[69]. С этой точки зрения становится понятным и статус Ельца как московской «вотчины», декларируемый докончанием 1483 г.: елецкие князья были «отраслью» козельских[70].

С другой стороны, козельские и елецкие князья находились в ближайшем родстве с Олегом Ивановичем Рязанским. Отец погибшего в 1414 г. во время татарского набега на Елец последнего удельного елецкого князя Федора Ивановича, Иван Титович Козельский, был зятем Олега Ивановича Рязанского[71]. Следовательно, Федор Иванович приходился родным внуком рязанскому великому князю и двоюродным племянником княжившему в Рязани с 1402 г. Федору Ольговичу. Именно вследствие этого родс-

[65] *Фетищев С. А.* К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. статей, посвященных 75-летию Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 31, 35; *Он же*. Московская Русь после Дмитрия Донского. 1389–1395 гг. М., 2003. С. 117–18; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси. С. 159–160.

[66] ДДГ. С. 53.

[67] *Фетищев С. А.* К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. С. 36, 38.

[68] *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI вв. М., 1995. С. 82–83.

[69] *Фетищев С. А.* К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. С. 37.

[70] Временник МОИДР. 1851. Т. 10. III. Материалы. С. 69. По родословным росписям XVII в. елецкие князья были захудавшей ветвью Черниговского дома и служили великим князьям Рязанским (*Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 25–26).

[71] *Баумгартен Н. К.* К родословию последних великих князей Рязанских. С. 5.

тва, как полагают, Рязань, в которую бежали ельчане, уцелевшие после татарского разгрома, унаследовала Елец [72]. На самом деле, если елецкий князь погиб, не оставив прямых наследников, то выморочный удел должен был в любом случае отойти великому князю, в нашем случае рязанскому.

Двойственность статуса Ельца нашла прямое отражение в докончании 1483 г. «Елечь» и «вся Елецкая места» - «отчина» Ивана III, очевидно, действительно наследственное владение, обретенное вместе с Козельским уделом еще дедом московского великого князя, Василием Дмитриевичем, и одновременно выморочное владение ближайшей родни великих князей рязанских, отошедшее Рязани в силу указанного родства.

С этой точки зрения уступка в 1483 г., разумеется, формальная, рязанским «сестричем» «своего» Ельца московскому дяде и ответное отмежевание Иваном III племяннику «Романцева с уездом» выглядят как своего рода размен. Смысл его, как кажется, заключен в организации совместной обороны южных рубежей Руси. И здесь уместно вернуться к упоминанию в московско-рязанском договоре р. Мечи, протекающей между московским Ельцом и рязанским Романцевом как объекта совместного московско-рязанского «ведения», заключающему раздел, посвященный судьбе правобережья Верхнего Дона.

Фразу докончания 1483 г. «А Меча нам ведати вопче» зачастую толкуемую как декларацию о совместном московском и рязанском владении Мечей. Но на самом деле, о чем уже шла речь, имеет в виду совместную ответственность, слежение Москвой и Рязанью за ситуацией на водном рубеже по Мече и, в случае военной угрозы, защиту общими силами этого рубежа. Как должно было выглядеть такое «ведение вопче», можно представить, исходя из известий летописей и разрядных книг конца XV – начала XVI в. Тогда рязанские полки совместно с московскими и других уделов участвовали в операциях против Литвы и Орды, проводившихся «по слову» Ивана III.

В начале 1493 г., «генваря в 29 день» из Москвы походом на занятые «литвой» Мещовск и Серпейск выступили воинские формирования великого князя во главе с воеводой князем М. И. Булгаковым, поставленным во главе Большого полка, а также полки рязанских и верховских князей. В принятом на Руси иерархическом порядке командования вооруженными силами первый

[72] *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII–XVI вв. (по письменным источникам). С. 32–34.

воевода Большого полка являлся главнокомандующим, однако на этот раз согласно формуле, занесенной в Разрядную книгу, во главе армии стоял не московский воевода, а младший рязанский племянник Ивана III: «князь великии (Иван III . – *А. Л.*)... в Литовскую землю послал... сестрича своего князя Федора Васильевича резанского, а с ним великого князя Ивана Васильевича резанскова же воеводы... со многими людьми».

В объединенной армии рязанские полки сохраняли самостоятельность и должны были «быть подле Болшого полку, где пригоже». Третья составляющая армии, отправленной «на Литву», Верховские князья со своими полками, также не включались в общий разряд и могли «быть... где похотят», но, что важно отметить, не с Большим полком, а со следующими за ним по иерархии полками, Правой или Левой руки[73]. «Честь» рязанских князей, ближайших родственников московского князя, была как видим «не в версту» положению служилых князей Верховских княжеств.

Дружины, вооруженные дворы удельных князей составляли во второй половине XV – начале XVI вв. особые полки в великокняжеской «рати», отдельные подразделения, сохранявшие подчинение собственным суверенам и не входившие в структуру московской армии[74]. Закрепленное договором 1483 г. совместное московско – рязанское «ведение» Мечи декларировало паритетное, а не подчиненное Москве участие Рязани в деле защиты южных границ Руси. Самостоятельно высылавшиеся в конце XV в. великим князем рязанским Иваном Васильевичем «сторожи на поли» из рязанских детей боярских, «которые стерегут християнство от бесерменства», упоминаются в дипломатической переписке Москвы и Вильно[75].

В то же время совершенно очевидно, что в жизни основная тяжесть «ведения» и политическая ответственность за ситуацию в регионе приходились на Москву. В апреле 1508 г. хан Ногайской орды, планировавший набег на литовские земли, попасть куда из мест постоянных кочевий ногаи могли только переправившись через Волгу и Дон, заручился для свободного прохода русскими «украинами» разрешением союзника, великого князя московско-

[73] Разрядная книга 1495–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 33–34; ПСРЛ. Т. 12. С. 234; Т. 27. С. 299; Т. 39. С. 166–167.

[74] *Пресняков А. Е.* Московское царство. Пгр., 1918. С. 56–57.

[75] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1892. Т. 1. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польшей и Литвой (Сборник РИО. Т. 35). С. 236.

го Василия III. В грамоте, отправленной из Москвы «в Ногаи», хана обязали «как придет к Дону, послати к великому князю (Василию III. – *А. Л.*)... с тем, что пришли к Дону, чтобы великому князю ведомо было... Да как выйдут к Дону... заказали своим людем накрепко, чтобы... великого князя людем украинным никакова лиха не чинить»[76]. Как видим, в известность о своем передвижении на Верхнем Дону ногаи должны были ставить не обе стороны договора 1483 г., а только Москву, и на южном пограничье Руси, у Дона в это время уже имелись какие-то «люди» великого князя московского.

Летом 1501 г., в ответ на просьбу крымского союзника Ивана III, хана Менгли Гирея, помочь ему в борьбе с Большой ордой «Шихмата царя» в районе р. Тихая Сосна, московский князь послал в помощь крымской орде московскую рать из служилых татар – «царевых уланов», а «великои княине резанскои (вдовой Агриппине Васильевне Бабич – великий князь рязанский Иван Васильевич скончался в конце мая 1500 г.[77] – *А. Л.*) велел...послати воевод Сумбула Тутыхина да Микиту Инкина Измаилова, а князю Федору (Федору Васильевичу Рязанскому. – *А. Л.*) велел послать Матвея Булгака Дементьева»[78].

Если высказанное Н. А. Тропиным предположение о принадлежности Елецкому княжеству правобережья Дона вплоть до устья р. Воронеж верно[79], то земли по Тихой Сосне оказывались в непосредственной близи от московской «отчины», Ельца и «всех Елецких мест» или даже входили в состав бывшего Елецкого удела. Совместный выход московских и рязанских полков на Тихую Сосну, в таком случае, мог быть не только ответом на просьбу крымского союзника великого князя московского о помощи, но и реализацией договоренностей 1483 г. о совместном «ведении» Мечи.

В декабре 1502 г., как и в предыдущем случае, рязанские полки с собственными воеводами, отдельно «великие княгини рязанские воевода Яков Назарьев» и отдельно «князь Федоров воевода Васильевича Рязанского Чавка Васильев сын Дурнова», приняли участие в походе объединенной рати «князей с Северы», Василия

[76] Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489–1508 гг. Подг. текста и вступит. статья М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М., 1984. С. 64–66, 74–75.
[77] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 44 – 45.
[78] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и Турцией. СПб., 1884. Т. 1. С 1474 по 1505 гг. С. 366–368; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 32.
[79] *Тропин Н. А.* Елецкая земля в XII–XVI вв. (по письменным источникам). С. 34.

Ивановича Шемячича, И. С. и В. С. Одоевских, И. М. Воротынского, «на Литовскую землю»[80].

«Князья с Северы» разрядных записей – перешедшие на московскую службу потомки удельных Верховских князей литовско-русского пограничья, к числу которых, кроме проименованных, относились С.И. Стародубский, Трубецкие и Белевские.

За перешедшими на московскую службу верховскими князьями, новыми «слугами» великого князя, согласно завещанию Ивана III (1504) была оставлена часть наследственных уделов, в которые «чересполосицей» внедрили владения пяти сыновей великого князя московского, Василия, Юрия, Дмитрия, Семена и Андрея Ивановичей, получивших основные владения в других местах великого княжества. Как отмечал А. А. Зимин, сделано это было с единственной целью, обязать княжичей лично участвовать в обороне южных и западных рубежей. По неписанному праву, полагал исследовватель, служилые князья обязаны были принимать участие только в тех войнах, которые затрагивали их непосредственные интересы как формальных держателей определенных территорий[81]. Кстати, в том же 1501 г., после противостояния на Тихой Сосне «Шиг Ахмед царь пришел... к Рыльску», и именно «князья с Северы», С. И. Стародубский и В. И. Шемячич, вместе с московскими воеводами «пошли против них», «а мы, – писал Иван III хану Менгли Гирею, – приказали князем нашим и воеводам... недружбу чинить»[82].

Возвращаясь к отмежеванию в первой половине 1483 г. Иваном III великому князю рязанскому Ивану Васильевичу Романцева на правом берегу Дона вблизи охраняемого «вопче» рубежа по р. Мече, заметим, что случилось это вскоре после 1480 г., когда было окончательно сброшено ордынское иго. Новая внешнеполитическая ситуация на южных рубежах Руси требовала поиска способов организации их защиты.

Трудно сказать, могла ли вообще существовать до 1480 г. граница между Москвой и Ордой, памятуя вассальный характер отношений русских князей и золотоордынских ханов. В 1483 г. ситуация выглядела совершенно иной, в связи с чем, очевидно, и была «актуализирована» верхнедонская «купля» московского

[80] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 34–35.
[81] *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 64–65, 402–403.
[82] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и Турцией. Т. 1. С. 370, 373.

великого князя Василия Васильевича Темного, дополненная в московско-рязанском докончании новыми договоренностями относительно Романцева, Ельца и Мечи.

Получив, с формального согласия рязанского князя, в свое распоряжение пустующие земли Елецкого удела и вернув отмеживанием Романцева в регион Рязань, утерявшую еще при жизни Василия Темного владельческие права на правобережье Верхнего Дона, Иван III фактически возложил на себя и своего рязанского племянника обязанности по обороне степных рубежей.

Мы можем с определенной долей вероятности предположить, что «Романцево с уездом» в районе р. Перехваль, часть прежнего *«рязанского наследства»* на правобережье Верхнего Дона, было возвращено Рязани в первую очередь по внешнеполитическим и оборонительным мотивам. Совместная защита московским и рязанским князьями своих верхнедонских владений, декларируемая в докончании 1483 г. общим «ведением» Мечи, приобретала в связи с соседством рязанского Романцева и московского Ельца как символический, так и сугубо практический смысл. Менее чем четыре десятилетия спустя оборона Окско-Донского региона вышла на качественно иной уровень со строительством в первой четверти XVI в. крепости Тула.

То, что «Тула в истории XV в. практически не упоминается» по причине «отдаленности от всех важнейших событий»[83] неверно. Первое упоминание «места Тулы» относится, как помним, еще к 1381 г., что было актом признания стратегической значимости региона уже в эпоху Куликовской битвы. В то же время оценить это значение достаточно непросто в силу скудости сохранившихся источников. Вплоть до появления писцовых описаний города и уезда, разнообразного актового материала, а это, так или иначе, только вторая половина XVI в., в нашем распоряжении имеются только два типа или две группы письменных источников для изучения прошлого Тулы и Тульского края. Первая - великокняжеские договоры – докончания, вторая - летописи, причем и та, и другая появляются не параллельно, а в хронологической последовательности.

Все, что мы знаем о древнейшем прошлом «места Тула», извлекается почти исключительно из великокняжеских докончаний, договоров последней четверти XIV – первой половины XV вв.

[83] *Фомин Н. К.* К вопросу о военно - политическом значении Тулы в 1-й половине XVI в. // Из истории Тулы и Тульского края. Тула, 1983. С. 132.

великих князей рязанских с четырьмя московскими и одним литовским суверенами. В летописях же топоним появляется много позже, почти синхронно исчезновению из русского канцелярского обихода княжеских договорных грамот, в первом десятилетии XVI в., причем сразу с определением, *«град на Туле»* (здесь и далее разрядка моя. – *А. Л.*), не оставляющим сомнения, о чем собственно идет речь.

Таким образом, «Тула» последней четверти XIV – первой половины XV вв. – это «Тула» великокняжеских договоров, Тула же 1-й половины XVI в. – летописная Тула[84]. И, повторимся, первое упоминание топонима «Тула» относится к последней четверти XIV в. и прямым образом связано с Куликовской битвой, точнее с политическими последствиями сражения на Дону 8 сентября 1380 г. (подробнее см. главу 1 настоящего издания). Сухопутный путь, как известно, шел вдоль правого берега Дона, и «место Тула» на нем занимало ключевое положение на пути к Оке, что в итоге и предопределило строительство здесь позднее, в 1-й четверти XVI в., самой южной каменной крепости Российского государства[85].

Стратегическую важность среднего течения р. Упы прекрасно осознавали не только в XIV в., однако наиболее удачное объяснение огромной значимости региона для обороны южных рубежей Российского государства было сформулировано много позднее летописцем эпохи Ивана Грозного. В 1566 г. русская армия, «по вестем» о готовящемся набеге из Крыма, выдвинулась за Оку, получив приказ «идти на Тулу и...на Поле дожидатися царя (крымского хана.– *А. Л.*)». *«А потому государь приговорил с Тулы вышедчи на Поле ждать,* – подчеркивал анонимный летописец XVI в., отмечая стратегическую уникальность местоположения Тулы, – *на которую царь Крымскои украину не поидет, на Резань, или на Одуев, и в Козелескъ и царю и великоу князю ко всем местом* (от Тулы. – *А. Л.*) *поспети лзя, докуда ни придетъ* (крымский хан. – *А. Л.*) *на украину»*[86].

Авторы, считавшие Тулу договора 1381 г. ордынской, а позднее «нейтральной», не обратили внимание на то, что топоним при-

[84] Наименование древнейшей «Тулы» «летописной» (*Грищенко В. П.* К вопросу о местонахождении летописной Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула.1997. С. 12, *Заидов О. Н.* Грунтовые могильники Старотулицкого городища // Там же. С. 21) в связи с этим представляется не совсем удачным.

[85] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М.,1962. С. 382.

[86] ПСРЛ. Т. 29. С. 247.

сутствует во всех трех последующих московско-рязанских договорах, 1402, 1434 и 1447 гг. причем, что крайне важно, как владение уже не московских, а рязанских князей[87]. Судя по всему, как помним, «Тула» вернулась Рязани в результате четырехлетнего московско-рязанского «нелюбья», начавшегося синхронно нападению на Русь орды хана Тохтамыша в 1382 г. и завершившееся в конце 1385 г. примирением Дмитрия Ивановича Московского и Олега Ивановича Рязанского. Во всяком случае, уже в 1390 г. Олег Иванович распоряжался землями «в речьке Штьске» т.е. по р. Шат, правому притоку Упы в ее среднем течении, вблизи современной Тулы, где «придал» рязанскому епископу «очину *свою*», некий «Приный»[88].

Если высказанные выше предположения верны, то в течение пяти лет, между 1381 и 1385 гг., рязанской «Тулой» по договору между великими князьями Дмитрием Ивановичем и Олегом Ивановичем владела Москва, а между 50-ми годами XIV в. и 1381 г. и после 1385 г. – Рязань.

Кроме докончаний 1402, 1434 и 1447 гг. Москву и Рязань связывал также договор, 1483 г., но в нем, равно как и в последнем московско-рязанском докончании, 1496 г., «Тула» уже не упоминается. К моменту заключения договора 1483 г., скорее всего между 1456 и 1462 гг., «Тула» в составе западной половины рязанского княжения перешла великим князьям московским[89].

Характерной особенностью московско-рязанских договоров 1-й половины XV в. является то, что московский князь обязуется «не въступатися» в рязанскую «Тулу» отдельно от такого же обязательства «не въступатися» в собственно Рязань, хотя обе позиции договоренностей составляют в текстах докончаний единую статью[90]. Принадлежа великим князьям рязанским, «Тула» всю первую половину XV в. продолжала сохранять, возможно, просто в силу традиции, некую административную «особость». Следы этого особого статуса региона, предположительно о происхождении которого речь пойдет ниже, как представляется, сыграли определенную роль во взаимоотношениях Рязани с Великим княжеством Литовским в 1-й трети XV в.

[87] ДДГ. С. 53, 84, 143.
[88] *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение рязанской иерархии и всех церковных дел сея епархии... С. 51.
[89] Подробнее см. гл.5 настоящего издания.
[90] ДДГ. С. 53, 84–85, 143.

В историографии давно существует широко распространенное убеждение, что «Тулой» какое-то время владел Витовт[91]. Впервые великий князь литовский называет «одну» или «некую Тулу» («einen Twla») «находящейся под нашим управлением» в письме магистру Ордена еще в 1425 г.[92] События, описанные в письме, по случаю которых «Тула» впервые упоминается в контексте литовско-рязанских отношений, имели место тремя годами ранее даты его написания, в 1422 г., при набеге татар на Одоев, когда литовцы преследовали нападавших на территориях «Тулы» и «Рязани».

В формулировках послания трудно уловить какую-то разницу в статусе «Тулы» и «Рязани», которая, как выясняется из того же письма, «нам покорна»[93]: Витовт всего лишь подчеркивает, что свободно может действовать и в том, и в другом регионе.

К подобным внешнеполитическим заявлениям великого князя литовского, по мнению К. В. Базилевича, следует относиться с большой осторожностью – Витовт был склонен преувеличивать степень своего влияния на дела соседей[94]. В летописной заметке русского происхождения о набеге 1422 г., например, ни слова не говорится о том, что литовцы преследовали татар на территории Тулы и Рязанского княжества[95], и это не единичный пример. Приписываемая Витовту Хронографом редакции 1512 г. фраза, адресованная союзнику великого князя литовского, хану Тохтамышу (она читается в статье под 1399 г.) о планах совместных военных действий, «а ты мене посади на Московскомъ великомъ княжении и...на Новегороде Великом и на Пъскове, а Тферь и Рязань моа и есть»[96], совершенно не означает, естественно, прямой принадлежности ему Твери и Рязани. Аналогичным образом, фразу, включенную в составленную в 1428 г. западнорусским книжником так называемую «Похвалу Витовту», «служаху емоу (великому кня-

[91] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С.139; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. Т. 2. С. 596; *Kuczyński S. M.* Ziemie Czernichowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. S. 39, 194, 226, 234 (по неясным причинам автор причисляет Тулу к «старым верховским городам» – Op. cit. S. 226); *Егоров В. Л.* О времени возникновения Тулы // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула.1997. С. 33; *Шебанин Г. А., Шеков А. В.* О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV вв.
[92] *Prochaska A.* Codex epistolaris Vitoldi. Kraków.1882 (Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrate. T. 6). S. 688 («under unser huwser einen Twla genant»).
[93] *Prochaska A.* Codex epistolaris Vitoldi. S 688 («uns gehorsam sint»).
[94] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского государства. Вторая половина XV в. М., 2001. С. 38.
[95] ПСРЛ. Т. 6. С. 50–51.
[96] ПСРЛ. Т. 22.Ч. 1. С. 423.

зю литовскому. – *А. Л.*) велици князи... Московьски, ...Тферьски, ...Рязаньски»[97] все-таки не стоит понимать буквально: строго говоря, договор о «даче в службу» в это время связывал с Литвой только Рязань (об этом ниже).

Есть, однако, и иные источники, в отличие от частного письма официального происхождения, казалось, свидетельствующие в пользу вхождения «Тулы» в состав Великого княжества Литовского. Это два документа, договор Витовта с внуком Олега Ивановича, великим князем рязанским Иваном Федоровичем и так называемый «Список крепостей и земель под наяснейшим Свидригайло великим князем Литвы, Руси и т.д.».

Первый, литовско-рязанское докончание, содержит обязательство Витовта «не вступатися» во владения рязанского князя «поколе рубежъ Рязанскые земли Переславьскые... *вынемши* Тулоу, Берестеи, Ретань с Паши, Дорожен, Заколотен Гордеевскои»[98].

Н. В. Иванов и Г. А Шебанин надежно локализовали «Ретань» в бассейне Упы, по р. Солове[99]; местоположение «Дороженя» не определено, ясно лишь, что считавшееся им в литературе XIX в. городище на верхнем Дону таковым не является[100], равно как неясна и локализация прочих географических объектов литовско-рязанского договора[101].

О «Берести» речь пойдет ниже, пока же обратим внимание на два географических объекта докончания, некие «Паши» и «Заколотен Гордеевскои».

Очевидно, в тексте литовско – рязанского договора (он известен не в оригинале или аутентичных копиях, как договоры московских князей великокняжеского архива, а в списке в составе сборника) «Ретань *с Паши*» читалось как «Ретань, *Спаши*». В 1506–1507 гг. польский король получил от крымского хана ярлык на литовское княжение, в котором фигурируют и «изъятья» литовско-рязанского договора. Название интересующего нас «места» читается здесь как «Ретань, *Испаши*»[102] и в близком напи-

[97] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 417.
[98] ДДГ. С. 68.
[99] *Иванов Н. В., Шебанин Г. А.* Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во второй половине XIV–XV вв. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Тула, 2004. Т. 2. С. 71–72.
[100] *Шебанин Г. А.* К вопросу о локализации Дороженя // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 1. С. 212.
[101] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В. П. Семенова. Т. 2. СПб., 1902. С. 126. Прим.
[102] АЗР. Т. 2. СПб., 1848. 1506–1544 гг. С. 5.

сании («Испашъ», «Spaczina») оно фигурирует в других документах Великого княжества Литовского[103].

Местность под названием «Спашъ» известна по Ипатьевской летописи в середине XII в. как периферийная часть доменальных владений черниговских князей, вероятно, на правобережье Верхней Оки, выше впадения Угры[104]. С распадом после монгольского нашествия Черниговского княжества «Спаши» – «Испашь» были короткое время, в последней четверти XIV в., вотчиной одной из ветвей черниговских Рюриковичей, князей тарусского дома, удельных князей Спашских (Спажских). На рубеже XIV–XV вв. князья Спашские «перевелися», «Спаши» перешли другой ветви рода, то ли князьям Волконским[105], то ли Конинским[106], лишившимся, в свою очередь, владения к середине XVI в. На землях бывшего Спашского удела в это время оказались «испомещены» служившие при царе Иване Грозном «по Рязани» дворяне Аргамаковы[107]. К исходу XVI в. название удела и одноименного центра княжеских владений трансформировалось в Павшино; как и городище Волкона, изначальный центр домена Волконских на одноименном притоке Упы, р. Волконе, Павшино городище, располагалось в этом же регионе, бывшем Алексинском уезде Тульской губернии[108].

В нумизматической литературе достаточно давно описаны так называемые «спасские деньги». А. В. Орешников, посвятивший

[103] *Петрунь Ф.* Ханськи ярлики на Українськi землi (до питання про татарську Україну). С. 173–174.
[104] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С.231; *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в XI–XIII вв. М., 1981. С. 74–77, 121 (Рис. 42).
[105] *Волконская Е. Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 15, 292–294.
[106] *Петрунь Ф.* Ханськи ярлики на Українськi землi (до питання про татарську Україну). С.174.
[107] В Дворовой тетради «по Резани» числятся «Ивашко Большой да Ивашко Меншой Аргамаковы дети Спашского» (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг.XVI в. Подгот. к печати А. А. Зимин. М., 1950. С. 167) и около этого же времени в Переяславле-Рязанском владел двором Андрей Григорьев сын Аргамакова, возможно, их отец или брат (*Сметанина С. И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII–XVII вв. // Русский дипломатарий. Т. 6. М., 2000. С. 260). В Дворовую тетрадь также включено еще четверо Аргамаковых, служивших в детях боярских по Владимиру (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг.XVI в. С.156) и когда рязанский Аргамаков, судя по всему, принадлежавший к тому же роду, был испомещен на землях Спашского удела, неясно. В. Б. Кобрин связывал присхождение прозвища Аргамакова, Спашский, со Спасо-Преображенским монастырем в Рязани (*Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. Избранные труды. М., 2008. С. 194), что маловероятно.
[108] *Волконская Е. Г.* Род князей Волконских. С. 292–294; *Шеков А. В.* Верховские княжества (краткий очерк политической истории. XII – середина XVI вв.). С. 52.

«спасским деньгам» специальное исследование и знавший о существовании некогда Спашского удела, тем не менее, не рискнул связать с ним чеканку указанных монет. Сомнения выдающегося знатока удельной нумизматики вызывали два обстоятельства. Во-первых, согласно родословным документам XVII в. центр бывшего удела именовался Павшино и «такое производство княжеского прозвища от географического имени с совсем другим корнем для меня непонятно», во – вторых, удел представлялся исследователю слишком незначительным, чтобы чеканить собственную монету[109].

А. В. Орешников справедливо не усматривал связи между прозвищем Спажских – Спашских и топонимом Павшино («Павша» – уменьшительная форма имени «Павел»), но не знал о существовании других, более ранних документов, где топоним выглядит как «Спаши» – «Испаши», легко согласуясь с прозвищем князей. Что же касается неоспоримой незначительности Спашского удела, то недавняя сенсационная находка штемпеля для чеканки подражаний золотоордынским монетам на одном из городищ под Веневом[110] показывает, что ограниченное по объему изготовление собственной монеты могли осуществлять и князья, обладавшие скромными уделами[111].

Для нашего сюжета важно подчеркнуть, что «по внешнему виду спасские деньги очень приближаются к рязанским», и это, как отмечал А. В. Орешников, «заставляет меня искать...Спасский удел где-нибудь в пределах Великого княжества Рязанского»[112]. Как помним, согласно литовско-рязанскому договору 1427 г. «Спаши» – «Испаши» действительно были рязанским владением, неясно только, с какого времени.

Второй из топонимов литовско-рязанского докончания, «Заколотен Гордеевскои», вряд ли имел отношение к Колтеску «Списка русских городов дальних и ближних», городу на Оке вблизи Каширы[113], но очевидным образом был связан с другим родовым владением тех

[109] *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. и материалы к истории русской нумизматики доцарского периода. С.283–284.

[110] *Клянин Р. В.* Исследование древнерусских памятников в Веневском районе Тульской области // Археологические открытия за 1996 г. М., 1997. С. 125.

[111] *Зайцев В. В., Гончаров Е. Ю.* Монетный штемпель рубежа XIV–XV вв. с городища Махринка в Тульской области // Нумизматический сборник. М.2005. Т. 17. (Труды ГИМ. Вып. 151). С. 147.

[112] *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. и материалы к истории русской нумизматики доцарского периода. С. 318–319.

[113] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. С. 126. Прим.

же князей Волконских, Гордеевом. В духовной Ивана III (1504 г.) великий князь московский, в это время уже распоряжавшийся Волконой, благословил сына, князя Андрея Ивановича г. Алексином «с Волконою, и с Кониным, *и з Гордеевым*, и с Нюховою»[114].

Собственно «Заколотен» надо, очевидно, понимать как Заколоден и связать с р. Колодной, правым притоком Упы[115]. Местность с названием «Колодна» впервые упоминается в выше цитированной духовной великого князя московского Ивана III 1504 г. и в разрядных книгах под 1508 г. в связи с набегом татар, которые «пришли...на Одоевские места и на Белевские... а иные тотаровя, отделяся, пошли... на Олексинские места, и на Колодну, и на Веневу»[116]. Позднее здесь находился Колоденский стан Тульского уезда, где даже в последней четверти XVI в. все еще компактно располагались владения князей Волконских, «старые их вотчины... два села с полуселом, семь деревень с полудеревнею да починки»[117].

Если такая трактовка топонима «Заколотен Гордеевскои» справедлива, то, в таком случае, его надо понимать как часть Гордеева, располагавшуюся за р. Колодной и, очевидно, примыкавшую к Колодне духовной Ивана III.

Итак, среди «изъятий» договорной грамоты 1427 г. кроме собственно рязанских земель указаны и земли Волконского удела. Очевидно, в момент заключения договора кто-то из Волконских князей служил рязанскому князю Ивану Федоровичу. А. В. Шеков полагает, что между 1445 и 1449 гг. Волконские служили Литве[118]. Реально, однако, можно констатировать лишь то, что по литовско-рязанскому договору Витовт распоряжался какой-то частью рязанской на тот момент Волконы.

Надо заметить, что текст докончания вообще-то не дает прямых оснований считать изъятие указанных шести рязанс-

[114] ДДГ. С.360.

[115] *Березин М.* География Тульской губернии. М., 1913. С. 7.

[116] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1977. С. 116. В другой редакции разрядных книг вместо «Колодна» ошибочно указана «Коломна» (Разрядная книга 1475–1586 гг. С. 46).

[117] Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. 1. Кн. 2. С. 1201–1202. Ср.: «Волконские поселились в Тульском крае с давнего времени. Владения Волконских – в Заупском стане» (*Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 381), вотчинами по р. Колодне Волконские владели и много позднее, в начале XIX в. (*Волконская Е. Г.* Указ. соч. С. 13). См. также: *Щепкина Е. Н.* Тульский уезд в XVII в., его вид и население. М., 1892. С. 32–43,132–135, 196–201.

[118] *Шеков А. В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории XII – середины XVI вв.). С. 63–64.

ких территорий произведенным именно в пользу Витовта: договор лишь констатирует, что великий князь литовский письменно подтверждает нерушимость старых границ удела своего «слуги» за исключением указанных пунктов. Тем не менее, высказывалось предположение, что эти «изъятия» из рязанских владений принадлежали еще Витовту, имевшему на них ярлык хана Тохтамыша[119], а по некоторым из шести топонимов, включая «Тулу», строится гипотетическая граница между Рязанью и Литвой[120].

Весьма необычно в канцелярской практике употребление деепричастия «вынемши», зафиксированное в нашей грамоте. Совершенно естественным представляется вопрос, что означает это «изъятие».

У литовско-рязанского договора существует «двойник», литовско-пронское соглашение, заключенное тем же Витовтом и великим князем пронским Иваном Владимировичем[121]. Формуляры «докончаний» не просто близки, а совпадает буквально дословно, за исключением, естественно имен собственных, топонимов, а также пункта об «изъятии» неких административных единиц внутри удела.

Л. В. Черепнин отмечал уникальный для русской практики тип формуляра обеих грамот, назвав их, совершенно справедливо, «актами коммендации»[122], по сути установления тотального контроля над княжествами со стороны Литвы. Исследователь отнес оба документа к периоду около 1430 г. или даже непосредственно к этому году[123], связав заключение литовско-рязанского и литовско-пронского договоров с визитом в 1430 г. обоих великих князей в Троки на несостоявшуюся коронацию Витовта. Надо сразу заметить, однако, что о пребывании в этом году в Литве пронского князя, в отличие от рязанского, источники не сообщают.

Иная, более точная дата заключения соглашений определена достаточно давно – лето 1427 г. Так оба договора датировали Д. И. Ило-

[119] *Петрунь Ф.* Ханськи ярлики на Українські землі (до питання про татарську Україну). С. 173.

[120] *Петрунь Ф.* Схiдня межа Великого князiвства Литовського в 30-х роках XV сторiччя // Ювiлейний збирник на пошану академика М. С. Грушевського з нагоди шiстьдесятої рiчницi життя та сороковых роковин наукової дияльности. Т. 1. Київ, 1928. С. 167–168; *Kuczyński S. M.* Ziemie Czernichowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. S. 43–44, 131; *Шебанин Г. А.* К вопросу о локализации Дороженя. С. 212.

[121] ДДГ. С.68-69.

[122] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Т. 1. С. 108–109.

[123] Там же. С. 108–109; ДДГ. С. 67–68.

вайский[124], А. Прохаска[125], А. И. Барбашев[126], М. К. Любавский[127]; с датировкой докончания 1427 г. согласился и А. А. Зимин[128].

Заключение обоих договоров, стало звеном в цепи сходных событий во взаимоотношениях Литвы с русскими княжествами, следствием уникальной внешнеполитической ситуации лета 1427 г., времени пика могущества Витовта в Восточной Европе[129]. Летом этого года великий князь литовский совершил поездку в свои восточные владения, во время которой великие князья рязанский, пронский и новосильский, а также вдова воротынского князя изъявили покорность Витовту и заключили с последним договоры.

В историографии обычно речь идет только о двух докончаниях, литовско-рязанском и литовско-пронском, тексты которых сохранились[130], но определенно существовал и третий, литовско-новосильский, относившийся к тому же 1427 г. и, главное, того же «служебного» содержания. В 1459 г. новосильско-одоевские князья Иван Юрьевич и Федор и Василий Михайловичи подписали «лист перемирный» с королем польским и великим князем литовским Казимиром IV, по которому «господарь король и великий князь... *слуг свои х пожаловал, прынял у службу по дяди своего великого князя Витовта докончанью*»[131]. А 3 августа 1427 г. Витовт заключил четвертый за год, хотя и тоже неравноправный, как рязанский, пронский и новосильский, но не «служебный», договор, на этот раз со своим тверским племянником Борисом Александровичем[132](матерью великого князя была сестра Витовта, великая княгиня Мария Кейстутовна).

Существует мнение, что рязанско-литовский договор был заключен во время личного визита Витовта в Рязань[133], причем не

[124] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С.206.

[125] *Prochaska A.* Trefnis Henne u Witoldu // Szkicje Historyczne z XV wieku. Kraków. Warszawa.1884. S. 261–262; *Ibid.* Król Władysław Jagełło. Kraków, 1906. T. 2. S. 204.

[126] *Барбашев А.* Витовт. Последние двадцать лет княжения. С. 196.

[127] *Любавский М. К.* Очерки по истории Литовско-Русского государства. М., 1910. С.55.

[128] *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. 1956. Вып. 6. С. 294–295.

[129] *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е г. XV в. // Древняя Русь. Сб. статей. М., 1999. Вып. 2. С.95,105,108-109.

[130] *Барбашев А.* Витовт. Последние двадцать лет княжения.1410–1430. С. 196.

[131] ДДГ. С. 192

[132] ДДГ. С. 62–63.

[133] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского государства. Вторая половина XV в. С.37; *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 22; *Иванов Н. В., Шебанин Г. А.* Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во второй половине XIV–XV вв. С. 71 (авторы полагают, что Витовт побывал не только в Рязани, но и в Пронске. См. также: *Шебанин Г. А.* К вопросу о локализации Дороженя. С. 209).

в 1427, а в 1428 г., в ходе якобы имевшей место второй поездки литовского князя в столицу Рязанского княжества[134]. Мало того, что такого рода поездка в столицу вассала была бы во всех отношениях умалением чести литовского князя[135], но место встречи великого князя рязанского Ивана Федоровича с Витовтом в 1427 г. выясняется довольно легко по источникам: она состоялась, по весьма аргументированному предположению Д.И. Иванова, в одной из пограничных литовских крепостей, Любутске или Мценске[136]. В следующем, 1428 г. встреча тоже имела место не в Рязани, а на территории Литвы, и ей предшествовали события, наглядно продемонстрировавшие степень влияния великого князя литовского на русские дела.

Через год после заключения договоров о «даче в службу» рязанского князя Витовт «в силе велице», в сопровождении, князя Свидригайло и многочисленных литовских и польских князей ходил в поход на Новгород Великий[137], занявший все летние месяцы.

План летней кампании был разработан уже в начале апреля. Именно тогда из Ковно в Мальборк, столицу Ордена, великий князь литовский отправил письмо шуту магистра Пауля Руссдорфа, Хенне (Henne то есть Курица, обычно в русской транслитерации Генне) с приглашением принять участие в походе на Новгород[138]. На «Петрово заговенье» Витовт «мир (с Новгородом. – *А. Л.*) разверзе», «паки по том пять недель изыде» во главе литовской армии под Новгород, где «Литва» «бысть на шестои недели», в середине июля[139]. В августе, «смирив» новгородцев, Витовт вернулся в Литву с контрибуцией в 11 000 рублей[140].

На обратном пути из новгородского похода Хенне отослал письмо в Мальборк, сообщив, что во время возвращения великого князя литовского «рязанский великий князь вышел навстречу

[134] *Шебанин Г. А., Шеков А. В.* О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV вв. С. 150.

[135] За свое долгое правление Витовт ни разу не был ни в Москве, ни в Твери – московская и тверская родня сама ездила к великому князю литовскому. Единственное известное нам исключение – встреча Витовта с внуком, Василием Дмитриевичем на территории Великого княжества Московского, в Коломне в 1396 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 227). Свидание, заметим, имело место не в столице великого княжества, а в московской пограничной крепости, причем после успешного разгрома литовцами лежащей на противоположном берегу Оки Рязани.

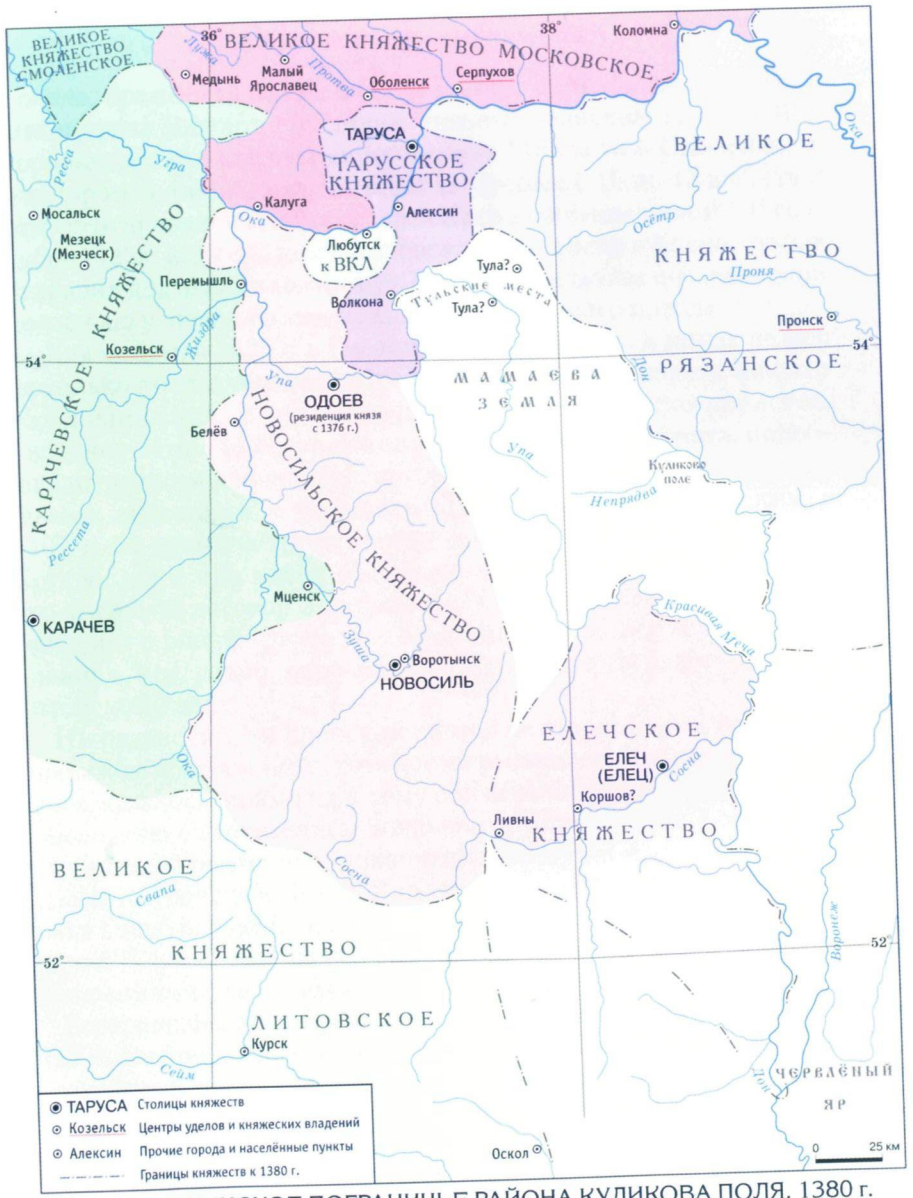
[136] *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е г. XV в. С. 102.

[137] Подробнее: *Барбашев А.* Витовт. Последние двадцать лет княжения. С.194.

[138] *Prochaska A.* Trefnis Henne u Witoldu. S. 262.

[139] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 38.

[140] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 432; Т. 25. С. 247.

РУССКО-ОРДЫНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ РАЙОНА КУЛИКОВА ПОЛЯ. 1380 г.

с пятью другими князьями они принесли... присягу в подданстве». Эта встреча Витовта с великим князем рязанским Иваном Федоровичем состоялась на дороге между Минском и Смоленском, в котором великий князь литовский пробыл с 10 по 15 августа и откуда отправился Днепром через Киев в свои владения[141]. В сентябре 1428 г. великий князь литовский находился в Ковно, откуда отправил два письма магистру с благодарностью за поздравления по случаю успешного завершения новгородского похода[142].

Как видим, в 1428 г. в Рязани Витовт появиться никак не мог не только по статусным соображениям, но и физически. Так что оба докончания, и литовско-рязанское, и литовско-пронское, писались летом 1427 г. в походной канцелярии Витовта, подобно литовско-московскому договору, заключенному великим князем литовским и Василием Дмитриевичем Московским в 1407 г. во время встречи тестя с зятем в литовской Вязьме[143]. Кстати, где и при каких обстоятельствах был заключен литовско-тверской договор 3 августа 1427 г., неизвестно, но никаких сведений о визите Витовта к великому князю Борису Александровичу, нет, равно, впрочем, как и о визите тверского внука к литовскому деду.

Ни рязанский, ни пронский князья не приняли участия в новгородском походе 1428 г., хотя договоры, заключенные всего годом ранее, казалось, прямо их к тому обязывали[144]. Очевидно, визит к победителю с выражением лояльности Витовту стал формой реализации закрепленных докончанием «служебных» отношений Рязани и Пронска к Литве. Впрочем, к осаде в 1422 г. орденского замка Голуб великий князь литовский привлек и тверичей, и москвичей[145], как будто бы не связанных в тот момент договорными отношениями с великим князем литовским.

Возвращаясь ко второй встрече, 1428 г., отметим, что если в 1427 г. Витовт подписал договоры с двумя великими князьями, рязанским и пронским, то год спустя в Литве с ним встречался один великий князь, рязанский, в сопровождении неких «пяти князей». Очевидно, на встречу с Витовтом Ивана Федоровича сопровождали князья-родственники, но источники не упоминают

---

[141] *Prochaska A.* Codex epistolaris Vitoldi. S. 800–801.
[142] *Prochaska A.* Codex epistolaris Vitoldi. S.866.
[143] *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши в XI–XX вв. М., 1998. С.41, 51–52.
[144] «А быти ми с нимъ заодинъ на всякого. А с кем он миренъ, и с тем язъ мирен. А с кемъ онъ немиренъ, с темъ и язъ немиренъ» (ДДГ. С. 68–69).
[145] *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е г. XV в. С. 84.

братьев великого князя рязанского. Следовательно, речь должна идти о более дальней родне.

С некоторой долей уверенности можно предположить, что это были четыре пронских князя, великий князь Иван Владимирович, двоюродный брат рязанского князя[146] с сыновьями, князьями Федором, Иваном Нелюбом и Андреем Сухоруком Ивановичами[147], двоюродными племянниками Ивана Федоровича. Кто был пятым из «князей», неясно, возможно, неизвестный источникам сын рязанского князя от первого брака[148]. И здесь характерно то, что, несмотря на титулование еще годом ранее и рязанского, и пронского князей «великими», именно рязанский князь выделяется первенствующим среди прочих. В «Похвале Витовту» того же 1428 г. среди великих князей, якобы служивших Литве, пронский князь вообще не упоминается[149].

История политических взаимоотношений родственных княжеских домов, собственно рязанского и пронского, берущих начало от единого корня еще в первой половине XIII в.[150], далеко выходит за рамки настоящей публикации и частично рассматривалась в гл. 1 настоящей публикации. В интересующий нас период соперничество рязанских и пронских князей выглядело односторонне и сводилось к попыткам последних овладеть столом в Переяславле Рязанском (мы не знаем ни одной противоположной попытки, рязанских князей, овладеть Пронском). Политическая же составляющая рязанско-пронского соперничества выглядела как попытка пронских князей повысить свой статус с княжеского до великокняжеского. Понятно, что в своих претензиях пронские

[146] *Кузьмин А. В.* Рязанские, пронские и муромские князья в XIII – середине XIV в. (Историко- генеалогическое исследование) // Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Вып. 53. М., 2008. С. 55 (таблица).

[147] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т.2. С. 631.

[148] Единственный сын Ивана Федоровича, упоминаемый в летописях, князь Василий Иванович, родился не ранее 1448 г. и к моменту кончины отца в 1456 г. уже потерял мать, не известную по имени и происхождению великую княгиню рязанскую. Год принятия Иваном Федоровичем великого княжения неизвестен (последнее летописное упоминание имени Федора Ольговича относится к 1409 г.), но в любом случае даты встречи рязанского князя с Витовтом и рождения Василия Ивановича разделяет два десятилетия. Между тем, согласно письму Хенне, на встречу в Литву в 1428 г. приезжал не только Иван Федорович Рязанский, но и его княгиня (*Prochaska A.* Codex epistolaris Vitoldi. S. 800). Скорее всего, ею была первая жена рязанского князя.

[149] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 417.

[150] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. С. 620–621.

князья, так или иначе, должны были опираться на поддержку более могущественных соседей.

Первым великим князем среди рязанских Рюриковичей титулуется Олег Иванович, первым же великим князем пронским – его двоюродный брат, Владимир Ярославич – Дмитриевич[151], причем, что важно, в документе литовско-московских сношений, перемирной грамоте великого князя Ольгерда с великим князем московским Дмитрием Ивановичем 1372 г.[152]. Тогда же, между 1371 и 1372 гг., пронский князь занял, судя по всему, по воле Москвы, на короткое время Переяславль-Рязанский и именно с этим пребыванием на великокняжесколм столе В. Д. Назаров связывает обретение Владимиром Ярославичем – Дмитриевичем Пронским и, забегая вперед, отметим, его наследником на пронском столе, Иваном Владимировичем, титула великого князя[153].

Для нас особенно важно, что в титуловании «великими» пронские князья находили с самого начала полную поддержку в Литве. Договоры Витовта с рязанским и пронским суверенами 1427 г., в которых оба титулуются «великими князьями», выглядят как соглашения Литвы с равными между собой партнерами, каковыми, очевидно, во всяком случае, какое-то время Рязань и Пронск считались и в Москве, и в Литве. Но, похоже, равенство «великих князей» перестало быть реальным едва ли не через год после заключения договоров.

О ситуации 1428 г., когда с Витовтом встречался один великий князь, рязанский, а пронский, похоже, числился среди просто «князей», писалось выше. В 1430 г на съезде в Вильно по случаю ожидавшейся коронации Витовта присутствовали все русские «великие князья», включая Ивана Федоровича Рязанского, но не было великого князя пронского Ивана Владимировича[154].

[151] *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV вв. Пути политической централизации. М., 1996. С. 51; *Кузьмин А. В.* Рязанские, пронские и муромские князья в XIII – середине XIV в. (Историко-генеалогическое исследование). С. 52. Прим. 91) – автор полагает, что великокняжескими титулами рязанские и пронские князья обладали уже в XIII в.

[152] ДДГ. С. 21–22. У Л. В. Черепнина документ отнесен к 1371 г. О датировке грамоты: *Кучкин В. А.* Русские земли и княжества перед Куликовской битвой. С. 90–91; *Он же.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 124.

[153] *Назаров В. Д.* Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Раннее Новое время. Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. С. 390.

[154] *Барбашев А.* Витовт. Последние двадцать лет княжения.1410–1430. С. 201–202.

Исчезновение из рязанско-литовских отношений пронских конкурентов рязанского князя надо связывать с серьезными переменами в восточной политике Литвы, произошедшими после кончины в 1430 г. Витовта[155], в своих целях, надо думать, поощрявшего существование двух великих князей-соперников.

Около 1430 г. Иван Владимирович Пронский скончался[156], оставив княжение старшему сыну, Федору Ивановичу с братьями. В 1434 г. в договоре Ивана Федоровича Рязанского с дядей, великим князем московским Юрием Дмитриевичем, последний обязуется «блюсти... а не обидети» вотчины рязанского «сестрича», «княженья Рязанского *Переяславля и Пронска* и всех волостеи... что потягло *к Переяславлю и Пронску*», причем рязанский и пронские князья были связаны к этому времени неким соглашением («любовь»), очевидно, позволявшим рязанскому князю считать пронский удел этого времени своей «вотчиной»[157].

Характерно одно уточнение обстоятельств заключения этого гипотетического рязанско-пронского соглашения, зафиксированное в тексте московско-рязанского докончания 1434 г.: Иван Федорович «*со князем* есми с проньским *и съ его братьею* любовь взял». Под первым явно имеется в виду Иван Владимирович, заметим, не «великий князь», а просто «князь», но у пронского суверена не было братьев, а были три сына, унаследовавшие «стол» после смерти отца. Возможно, этот пункт московско-рязанского договора надо понимать так, что первоначально «любовь» была «взята» с Иваном Владимировичем еще при его жизни т.е. до 1430 г.[158] и, вторично, в 1434 г. или около этой даты с тремя его сыновьями, «братьею» в статусном отношении рязанского князя Ивана Федоровича. Если все обстояло именно так, то существовали два рязанско – пронских, по определению неравноправных договора, в которых рязанский князь уже выступал не ровней пронскому, а формальным опекуном, если не распорядителем пронского удела, признававшимся таковым и Москвой. Именно

[155] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского государства. Вторая половина XV в. С. 43; *Ловмяньский Х.* Русско-литовские отношения в XIV–XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посв. Л. В. Черпнину. М., 1972. С. 273.

[156] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. Т. 2. С.631.

[157] ДДГ. С. 84–85.

[158] Последний раз имя пронского князя упоминается в 1427 г. (*Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 гг. Т. 2. С. 631).

наличием еще при жизни Ивана Владимировича рязанско – пронского договора объясняется, скорее всего, существование упоминаемого между 1423 и 1427 гг. совместного суда рязанских и пронских бояр по поземельным спорам [159].

Аналогичным рязанскому образом после кончины Витовта перестали действовать и «служебные» обязательства князей новосильско – одоевского дома, установленные, как рязанские и пронские, в 1427 г.

Когда в 1439 г. орда «царя Махмута» попыталась «сесть» в Белеве, территориально принадлежавшем Новосилю, полки для изгнания татар посылались не из Литвы, а из Москвы, Василием Васильевичем[160]. Теперь уже московский князь имел возможность действовать в регионе также свободно, как Витовт в 1422 г., преследуя татар в неподвластных ему землях. События эти, получившие у потомков название «Белевщины», надолго запомнились на Руси как знаменательная веха противостояния Орде, не только в связи с серьезными потерями, понесенными московскими полками, но и в силу неординарного характера похода за пределы государственных границ Великого княжества Московского[161].

Та легкость, с которой Витовт «уравнял», буквально на год, Ивана Владимировича Пронского в великокняжеском достоинстве с рязанским князем, демонстрирует степень свободы действий Витовта, в этот момент ничем не скованную и подразумевавшую полную возможность распоряжаться в уделах «слуг» по своему усмотрению.

Возвращаясь к судьбе «Тулы» с рядом сопредельных земель и их «изъятию», отметим, что понять, разумеется, предположительно, характер его помогает «Список крепостей и земель, пребывающих под наяснейшим Свидригайло, великим князем Литвы, Руси и пр.». Составленный в 1432 г., два года спустя после кончины Витовта, наследовавшим ему на великом княжении литовском Свидригайло Ольгердовичем, документ известен по латинскому переводу, некогда хранившемуся в Секретном архиве Кенигсберга.

«Список» состоит из восьмидесяти названий географических объектов, среди которых есть «Tula Castrum», «Rereste»,

[159] *Сметанина С. И.* Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. С. 255. На этот документ внимание автора любезно обратил В. Д. Назаров.

[160] ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

[161] *Горский А. Д.* Отражение татаро-монгольского ига в русских актах XIV–XV вв. // Феодальная Россия во всемирно- историческом процессе. Сб. статей, посвящ. Л. В. Черепнину. С. 54-55.

«Dorczen» и «Rethun»[162]. Как видим, из шести перечисленных в литовско-рязанском договоре 1427 г. «изъятий» из владений великого князя Ивана Федоровича, «Тулы, Берестеи, Ретани с Паши, Дорожена, Заколотена Гордеевского», четыре, включая Тулу, названную здесь «крепостью», включены в документ наследника Витовта. Присутствие в нем «Тулы» считается безусловным доказательством территориальной принадлежности региона Литве[163].

Надо сказать, что, хотя «Список» и оценивался в историографии как весьма важный источник по исторической географии[164], включенный в него перечень «крепостей и земель» специально не исследовался. Первооткрыватель «Списка» и его единственный публикатор, А. Коцебу, перевел латинское заглавие документа как «Список крепостей и городов, *принадлежащих* Свидригайло», и с тех пор все восемьдесят «крепостей и городов» твердо считаются частью государственной территории Великого княжества Литовского.

Анализ документа представляет серьезную задачу, далеко выходящую за рамки настоящей работы. Отметим лишь одну особенность «Списка»: хотя большинство перечисленных в нем объектов действительно принадлежало Литве, среди восьмидесяти «земель и крепостей» есть и такие, которые никогда не входили в государственную территорию Великого княжества Литовского. При этом последние, так или иначе, находясь на историческом литовско-русском пограничье, являлись объектами притязаний Литвы и, как следствие, имели особые формы финансовых взаимоотношений с великим княжеством.

Обратим внимание на включенные в список «Rszebra, Osshewa, Welikee Luky, Byberew, Welyscz, Zukopa, item altera Rszowa, Gelec cum districtibus multis et castris, Wronasz». А. Коцебу, переведя эту часть списка, частью справедливо, частью ошибочно, но не по собственной вине, а по вине невнятного переложения топонимов на латынь[165], никак ее не прокомментировал.

[162] «Infra scripta castra et terrae sunt serenissimi ducis Switirgall (так. – *А. Л.*) magni ducis Lithuaniae, Russiae etc.». Опубликован: *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский, или Дополнение к историям Литовской, Польской и Прусской. СПб., 1835. Прибавление. С. 8–9 второй пагинации (русский перевод – С. 10–11 первой пагинации).

[163] *Шебанин Г. А., Шеков А. В.* О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV вв. С. 151–152.

[164] *Петрунь Ф.* Схiдня межа Великого князiвства Литовського в 30-х роках XV сторiччя. С. 167–168.

[165] «Ржева, Остшева, Великие Луки, Бибирев, Велиж, Зукопа, другая Ржова, Гелеч..., Вронаж (Воронеж?)» (*Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский... Прибавление. С. 11 первой пагинации).

Исходивший из принадлежности приведенных в документе «крепостей и городов» Великому княжеству Литовскому, Ф. Петрунь поместил «Gelec» и «Wronasz» на Дону, идентифицировав первый с Галичьей горой, местностью южнее впадения в Дон р. Быстрая Сосна, а второй – с Воронежем, левым притоком Дона южнее устья Быстрой Сосны. Автор счел их крайними юго-восточными пунктами предполагаемой границы между Литвой и русскими землями по ситуации на 1432 г.[166], с чем согласился и С. М. Кучиньский[167].

Между тем, речь здесь определенно идет о другом регионе, северо-западе Руси, пограничье Литвы с Новгородом, Псковом, Москвой и Тверью.

В списке имеются две Ржевы, что соответствует русской действительности. Первая, «Rszebra», Ржевская земля Новгорода Великого с одноименным центром, один из станов которой именовался Ошевским по административному центру в погосте Ашево[168]. «Osshewa», идущея в «Списке» вслед за «Rszebra» – безусловно, последняя. «Другая Ржова» («altera Rszowa» «Списка») – Ржева на Верхней Волге[169]. «Welikee Luky, Byberew, Welyscz» документа - определенно Великолуцкая земля того же Новгорода Великого с волостными центрами Бибирев и Велиж, а следующая за ними «Zukopa» – возможно волость Заклинье, территориально принадлежащая тем же Великим Лукам[170].

Вышеперечисленные новгородские и псковские земли располагались по границам с Литвой, но никогда территориально ей не принадлежали. В прошлом являясь северо-восточными владениями смоленских князей, новгородские Ржева и Великие Луки, после присоединения Великого княжества Смоленского к Литве при Витовте, получили особый статус – часть доходов с указанных земель, так называемая «черная куна» поступала великим

[166] *Петрунь Ф.* Схiдня межа Великого князiвства Литовського в 30-х роках XV сторiччя. С. 166 (карта), 168.

[167] *Kuczinski S. M.* Ziemie Czernichowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. S. 37 *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский 38.

[168] *Янин В. Л., Бассалыго Л. А.* Пусторжевская земля в XV в.: территория и границы // ОИ. 1993. № 5. С.108,113; *Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 80–81, 151.

[169] *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе в XV в. (Ржева и ее волости в XIV-XV вв.) // ИСССР. 1984. № 6. С. 149–150.

[170] *Янин В. Л., Бассалыго Л. А.* Великолукская земля в XV в.: территория и границы // ОИ. 1995.№6. С. 47–48; *Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. С. 80–81.

князьям литовским[171], чем собственно и ограничивалось литовское присутствие в новгородском регионе.

Что же касается верхневолжской Ржевы, то это тоже бывшее смоленское владение было объектом долгого, вплоть до конца XIV в., соперничества соседей, но в момент составления «Списка» Ржева уже не менее трех десятилетий твердо удерживалась Москвой[172].

Трудно сказать, что имелось в виду под топонимом «Гелеч с большой территорией и крепостями». В любом случае это не Галичья гора на Дону, в районе которой нет ни одной крепости, а выявленные здесь древнерусские поселения хронологически не выходят за рамки XIV в.[173] Возможно, «Список» имеет в виду боровскую волость Голичичи, упоминаемую в духовной князя Владимира Андреевича Серпуховского[174], позднее Галицкую волость Боровского уезда на р. Нара выше Серпухова[175]. В начале XIV в. где-то вблизи этих мест проходила граница Москвы и Смоленска[176]. Возможно, «Гелеч», как новгородские Ржева и Великие Луки, входил ранее в состав смоленского княжения и при Свидригайло оставался объектом территориальных претензий Литвы, находясь на московско – литовском пограничье, но никак не являясь ее владением в 1432 г.

Если последний все-таки трудно определим географически, то следующий за «Gelec cum districtibus multis et castris» в документе «Wronasz» несомненно, не Воронеж, а Воронач, псковский пригород с одноименным центром, соседствовавший с новгородской Ржевой[177].

Таким образом, среди восьмидесяти «крепостей и земель» «Списка» 1432 г. не все, как видим, территориально принадлежат собственно Великому княжеству Литовскому. В документ, отосланный в канцелярию Ордена, были включены и территории, на которые исторически претендовала Литва («другая Ржева», возможно «Гелеч»), равно как и земли литовско-новгородского и литовско-псковского пограничья, имевшие определенные финансовые обязательства перед Литвой, гарантом выполнения которых выступали собственники этих земель, Новгород и Псков. Еще С. М. Соловьев обратил внимание на традицию смесного владения волостями на Руси, когда, территориально принадлежа одному государственному образованию, дань с административной единицы взимается в пользу двух соседей[178].

Вообще, как кажется, документ имел скорее этикетное значение. На самом деле, из восьми станов Ржевской земли, с которых собиралась «черная куна»[179], в него попал всего один, из около полутора десятков Великолуцких – два или три[180]. Вспомним, возвращаясь к «Туле», что из шести «мест», фигурировавших в литовско-рязанском договоре 1427 г., в «Список» почему-то попала только четыре.

Несомненно, того же этикетного происхождения и определения, данные составителями «Списка» тем или иным «городам» или «землям», как в вышеприведенном примере с «Гелечем» независимо от того, где он реально локализуется. «Тула» названа в документе «крепостью». Определение «castrum», кроме Тулы, сопровождает названия всего двух городов, Киева и Мезецка («Mesczesk»), при этом «крепостями» не названы ни Смоленск, ни Полоцк и Витебск, ни Путивль, ни многие другие города, наличие в которых серьезных оборонительных сооружений не вызывает сомнения.

Возвращаясь к вопросу о «литовской Туле» и ее «изъятье» договора 1427 г., заметим, что речь, скорее всего, речь шла не о прямом включении региона в состав Великого княжества Литовского, а о каких-то формах управления ими Витовтом, возможно, взиманием «выхода». Здесь стоит обратить внимание на, во-первых, пограничное положение «Тулы» относительно Литвы и, во-вторых, историческую традицию государственной принадлежности региона.

Рязанское княжение обособилось от Черниговского в середине XII в., и граница между княжествами прошла, как полагают,

[171] Подробное исследование «чернокунья»: Там же. С. 5–25 и др.
[172] *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе в XV в. С. 155.
[173] *Тропин Н. А.* Древнерусские памятники XII–XIV вв. на южных территориях Рязанской земли: структура расселения // Великое княжество Рязанское. С. 430–446.
[174] ДДГ. С.46.
[175] *Дебольский В. И.* Духовные и договорные грамоты московских князей как исторический источник. СПб.1902. Т.2. С.7; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства. С. 32.
[176] Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 84.
[177] *Янин В. Л., Бассалыго Л. А.* Пусторжевская земля в XV в.: территория и границы. С.113. См. также: *Артемьев А. Р.* Малые города Псковской земли в XIII–XV вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 105, 111.

[178] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 464–465.
[179] *Янин В. Л., Бассалыго Л. А.* Пусторжевская земля в XV в.: территория и границы. С. 110.
[180] *Они же.* Великолукская земля в XV в.: территория и границы. С. 48.

между древнерусским городом Дедославлем (современное с. Дедилово Киреевского района), оставшимся черниговским, и рязанским Пронском в среднем течении Прони[181]. Если последнее справедливо, то «Тула» должна была остаться в составе Черниговского княжения.

С распадом после монгольского нашествия Черниговского княжества на самостоятельные уделы началась долгая борьба Литвы и Москвы за включение их в орбиту своего влияния. К 1362 г. Чернигово-Северские земли вошли в состав Великого княжества Литовского, крайние границы которого на востоке достигли верхнего течения притока Дона, р. Быстрой Сосны[182].

Возможно, до «ведения» «места Тулы» баскаками, предположительно имевшего место во второй половине 50-х гг. XIV в. и упомянутого в московско-рязанского договоре 1381 г., территория продолжала оставаться черниговской. При Витовте, в 20-х гг. XV в. исторические претензии Литвы на бывшие черниговские земли могли как-то реализоваться в литовско-рязанских отношениях, как были реализованы претензии на «чернокунные», некогда смоленские, волости Новгорода. Как помним, и числившиеся среди рязанских владений по договору 1427 г. земли Волконского удела также принадлежали одной из ветвей потомков черниговских Рюриковичей.

С этой точки зрения «Тула» была таким же историческим пограничьем с Литвой, как описанные в «Списке крепостей и земель» 1432 г. новгородские Ржева и Великие Луки, псковский Воронач, верхневолжская Ржева. Сложнее всего сказать, где была в первой трети XV в. эта граница, в нашем случае граница не только Рязани, но и владений Рюриковичей с литовскими Гедиминовичами.

Короткое «розмирье» великого князя московского Василия Дмитриевича с тестем, Витовтом, ознаменовалось в 1406 г. вооруженным противостоянием на левом притоке Упы, р. Плаве: «князь великы Василеи Дмитриевич... посла воевати земли Литовьские... поиде на Витовта и пришед ста на Плаве... а Витовт со своею силою...ста на Пашьковои гати, и стоявшее немного, раззидошася вземше перемирье до того же году»[183]. Судя по всему, «перемирье» состоялось еще и потому, что ни одна из сторон

[181] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование Древнерусского государства. С. 210–211; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 144. Рис. 46.

[182] *Шабульдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 62.

[183] ПСРЛ. Т.4. Ч.1. С.109; Т.18. С.151;Т.25. С.234.

конфликта не пересекла некий рубеж, понимаемый как пограничье. Так или иначе, он должен был проходить немного западнее р. Упы, в среднем течении которой располагалась «Тула», и Плава, очевидно как-то соотносилась в это время с литовско-рязанским пограничьем[184].

Не менее сложно определить и литовское понимание «рубежа». С литовской стороны за ситуацией в пограничном регионе следил великокняжеский наместник, с начала XV в. сидевший в пограничных крепостях, Любутске и Мценске[185].Опираясь на его сообщения о «великих шкодах», творимых рязанцами в пограничных литовских землях «украинникам нашим», король Казимир IV отправил в 1456 г. к великому князю Ивану Федоровичу в Рязань с посольством В. Хрептовича список претензий к рязанской стороне[186].

Документ не содержит никакой географической конкретики относительно пограничья, нарушаемого рязанцами, но констатирует важный его элемент, наличие «старины» в понимании рубежей между Литовой и Рязанью, «бо мы в твою отчину, и земли, и въ воды не велим вступатися, *где кому изъдавна вступа не было*». Следовательно, рубеж проходил восточнее литовских на тот момент Любутска и Мценска. В поземельных документах сопредельных с литовскими рязанских земель, данных от имени князя Федора Васильевича не позднее 1503 г. (в этом году он скончался), фигурирует некий «любутский рубеж»[187], возможно, старое литовско-рязанское пограничье.

Таким образом, нет особых оснований считать «Тулу» с сопредельной территорией литовско-рязанского договора 1427 г. и «Списка» Свидригайло Ольгердовича 1432 г. входящей в это время в состав Великого княжества Литовского. Тем более, что и далекие наследники Витовта продолжали считать «Тулу город со всеми выходы и даньми» своей, как например, Сигизмунд IV,

[184] *Иванов Н. В., Шебанин Г. А.* О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV вв. С. 75. Авторы полагают, правда, что в конце XIV в. Рязань утеряла власть над бассейном Упы, перешедшим Литве и вернувшимся в состав рязанских земель только во 2-й трети XV в. Если Рязань и теряла контроль над Упой, то вернула его во всяком случае до 1406 г.

[185] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства до времени издания Первого литовского статута. М., 1892. С. 51, 278; ПСРЛ. Т. 10. С. 177–178.

[186] АЗР. Т. 1. 1340–1506 гг. С.71.

[187] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. С.165. Прим. 2 («По княже Федорову слову Васильевича боярин его Матвей Данилович отъехал землю...владыке Протасью от княжой земли...от Оки к Волхову болоту и к Любуцкому рубежу»).

получивший в 1506 – 1507 гг. на нее, в составе литовских земель, уже цитированный ранее ярлык от крымского хана[188].

Что же представляла собой «место Тула» великокняжеских договоров XIV–XV вв.?

В историографии вопрос об этом не ставился, и только относительно «Тулы» докончания 1381 г. неоднократно высказывалось предположение о том, что это был город[189], к которому уже в XIV в. примыкал *«значительный район»*[190].

«Тула» докончания Дмитрия Ивановича Московского и Олега Ивановича Рязанского характеризуется договаривающимися сторонамина не как «город», а как «место», то есть определенная территория[191]. В договорных грамотах XIV в. «место» в соединении с топонимами встречается всего дважды, это «Заберега с месты» и «Лопастеньские места» духовной великого князя московского Ивана Ивановича (ок. 1358 г.)[192]. Первая, в написании «Заберег» числится в духовной старшего брата московского князя, Семена Ивановича (1353 г.) среди «сел», в духовной же сына Ивана Ивановича, великого князя Дмитрия Ивановича значится среди «волостей» («волость отъездная»)[193]. «Лопастеньские места» духовной великого князя Ивана Ивановича – левобережная часть волости «Лопастна», отделенная Окой от административного центра на правом берегу реки[194].

Скорее всего, «место Тула» московско-рязанского договора 1381 г., как и в вышеприведенных случаях, означает не столько конкретный населенный пункт, сколько территорию - волость с неким административным центром, безусловно, к моменту заключения договора уже существовавшим.

Стоит обратить внимание на тот факт, что самостоятельный топоним «Тула» присутствует только в договоре 1381 г. В последующих московско-рязанских договорах, 1402, 1434 и 1447 гг. «Тула» более не «место», а к топониму прибавляется еще один, «Берести (Берестии, Берестеи)», очевидно составляющее с «Тулой» определенное территориальное и административное единство[195]. Высказывалось мнение, впрочем ничем не подкрепленное, о соответствии его с. Берещено под современным г. Чернь[196], расположенным много южнее Тулы. Соединение в текстах окончаний топонимов через предлог «и» скорее говорит о географической близости объектов.

С некоторой долей вероятности можно предположить, что на территории «Тулы» вблизи соименного административного центра в какой- то момент появился второй, вследствие чего «место Тула» докончания 1381 г. эволюционировало в «Тулу и Берести» XV в.

Между 1447 г., когда было заключено последнее московско-рязанское соглашение, упоминающее «Тулу», и началом XVI в. источники никаких сведений о «Туле» не содержат, но в исходе первого десятилетия топоним опять появляется, уже в летописях и разрядных книгах, и это теперь совершенно определенный тип поселения, «град на Туле».

Градостроительная история Тульского кремля в свое время была подробнейшим образом проанализирована В. В. Косточкиным, однако с главным выводом автора, о том, укрепления изначально ставились в смешанной технике, из кирпича и дерева, основано на единичном и, похоже, недостоверном известии одного позднего летописца[197].

Летописные известия четко показывают, что строился «град на Туле» в два этапа, «град древян» ставили в 1509–1510 гг.[198], «град камен» «поставиша» в 1519–1520 гг.[199] Ряд летописей относительно последней даты употребляет глагол «свершиша» то есть «закончили».[200] Вполне логичным представляется, что деревянные укрепления вполне могли быть возведены за один сезон, относительно же каменных стен в летописи попала только дата завершения их строительства. С этой точки зрения уникальное

[188] АЗР. Т. 2. С.5. Высказывалось ничем, впрочем, не подтверждамое предположение о том, что Рязань жаловалась Литве ханскими ярлыками едва ли не со времен Мамая (*Шабульдо Ф. М.* Литовско-ордынский и польско-ордынский кондоминиум в украинских землях в XIV в. С. 502.)

[189] *Щербатов М. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1784. Т. 4. Ч. 3. С. 10 («град, принадлежавший прежде (до заключения договора) царице Танбуле (так у автора. – *А. Л.*)»; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 5. С. 46; *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010. С. 110.

[190] *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XII–XIV вв. С. 41–42.

[191] Сл. РЯ. XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 112–113. Ср.: «А по которые места слободьские волостели судили те слободы, ...судять по тя же места» (ДДГ. С.35).

[192] ДДГ. С.15-16, 18.

[193] ДДГ. С.34.

[194] *Темушев В. Н.* Борьба за Лопастну между Москвой и Рязанью. С. 49–50.

[195] ДДГ. С.53 («Тулци и Берести»), 84 («Тула и Берестии»), 143 («Тула и Берестеи»).

[196] *Россия.* Полное географическое описание нашего отечества. Т.2. С. 126. Прим.

[197] *Косточкин В. В.* Оборонительные сооружения древней Тулы // Памятники культуры. Исследования и реставрация. М., 1960. С. 44.

[198] ПСРЛ. Т. 26. С. 301; Т. 28. С. 345. Особняком стоит дата Иоасафовской летописи – 1508–1509 гг. (Иоасафовская летопись. С. 157).

[199] ПСРЛ. Т. 22.Ч. 1. С. 518; Т. 26. С.310; Т. 31. С. 127; Иоасафовская летопись. С. 181.

[200] ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 401; Иоасафовская летопись. С. 181.

известие одной из летописей, «поставиша город на Туле деревян, *а на пятое лето камен*»[201], дает дату начала строительства каменного кремля «на Туле», 1513–1514 г.

Стоит также подчеркнуть, что ни одно из летописных известий не содержит месяца начала строительства, и деревянных, и каменных стен, что делает невозможным, в силу бытования в России этого времени сентябрьского годового счисления, сведения датировки к одному году[202].

Возведение стен и башен из белого камня и кирпича заняло пять – шесть лет. Срок строительства представляется вполне правдоподобным. Почти одновременно с Тулой и в близких инженерно- технических параметрах и архитектурных формах в Росси ставились еще две каменных крепости южных границ Великого княжества Московского, кремли Коломны и Зарайска. Первый «почат делати» в 1524 г. а завершен в 1531 г.[203], то есть возводился шесть – семь лет, как и Тула. Второй, первоначально «град на Осетре камен», самый маленький из кремлей, ставился три года, межу 1528 и 1531 гг.[204]

Похоже, назначением первого, быстро возведенного деревянного «града на Туле» было служить укрепленным плацдармом для выдвигавшихся «на Поле» за Оку полков «берегового разряда» вооруженных сил Русского государства XVI в. Только около времени завершения строительства каменного кремля Тула обрела статус города с собственным гарнизоном, и в нее стал назначаться воевода (первым в этом чине «на Туле» разрядные книги фиксируют в 1527 г. князя Ф. Хрипунова[205]). Таким образом, речь надо вести не только об укреплении обороноспособности крепости с появлением каменного кремля, но и о повышении статуса «крепости на Туле».

Территория будущего Тульского уезда, «Тула и Берести» великокняжеских договорных грамот, как помним, в результате «купли» великого князя Василия Васильевича вошла в состав владений московских князей много ранее всего рязанского удела. Само Великое княжество Рязанское, пребывая к этому моменту уже более столетия под прямым патронатом Москвы, продолжало сохранять формальную независимость вплоть до 1521 г. «Крепость на Туле», и деревянная, и каменная в период строительства, возводилась в то время, когда продолжало действовать положение московско-рязанского договора 1483 г. о совместном «ведении» рубежа по р. Мече, возлагавшее на великих князей обязанности по совместной обороне южных границ от татарских набегов. Не исключено, что на начальном этапе истории «крепости Тула» последняя была также одним из элементов этой совместной обороны.

Воинские формирования великого князя московского начали регулярно выдвигаться «на Тулу» с весны 1513 г.[206] Это был «береговой разряд» из пяти полков, обычно стоявший по крепостям левого берега Оки с весны до осени и по мере необходимости выдвигавшийся за реку, «на поле». В 1513–1514[207] и 1515–1516 гг.[208] такая необходимость диктовалась военными действиями в Литве, в 1517 – «для крымского царя приходу»[209].

Понятно, что в деревянной «крепости Тула» наверняка постоянно присутствовал какой-то воинский контингент, а в 1519 г. здесь даже держали военнопленных, «одиннатцать человек татар»[210], но, повторимся, не было ни городового воеводы, ни, соответственно, руководимого им гарнизона. С этой точки зрения показательна ситуация 1514 г., когда возвращавшееся из Турции посольство, в связи с трудностями перехода через степи, вынужденно задержалось на Усмани, послав в Москву гонца за помощью. Царская грамота об оказании помощи дипломатам была отправлена в Рязань с князем С. Ф. Курбским, которому надлежало, прибыв в город, «обсылатися» с первым воеводой «берегового разряда» князем А. В. Ростовским, «будет на Коломне, и ему (С. Ф. Курбскому. – *А. Л.*) на Коломну, а будет на Туле, и ему на Тулу»[211].

[201] ПСРЛ. Т. 8. С. 250.

[202] Ср.: «Горд Тула построен при великом князе Василье Иоанновиче в 1509 г. деревянной, а с 1514 г. каменной, окончан в 1521 г., чему ныне 254 года» (Описание города 1775 г.) // Тула. Материалы для истории города XVI –XVIII столетий. М., 1884. С. 286).

[203] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 191; *Милонов Н. П.* Историко-археологический очерк г. Коломны // Историко- археологический сборник. Под ред. А. П. Смирнова. М., 1948. С. 81.

[204] ПСРЛ. Т. 8. С. 278; Т. 13. С. 58; Т. 22. Ч. 1. С. 521.

[205] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 70; Разрядная книга 1475–1605 гг. Ч. 1. Вып. 2. С. 20. Ср.: *Фомин Н. К.* К вопросу об экономическом состоянии городов Тульского края в первой половине XVI в. С. 35.

[206] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. С. 159–160.

[207] Разрядная книга 1475–1605 гг. Ч. 1. Вып. 1. С. 114–115, 123.

[208] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 49–50, 52, 54–55; Разрядная книга 1475–1605 гг. Ч. 1. Вып. 1. С. 127, 136–137.

[209] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 56; Разрядная книга 1475–1605 гг. Ч. 1. Вып. 1. С. 147–148.

[210] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и Турцией. С. 70.

[211] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и Турцией. С. 94.

Проще говоря, в уже существующий «града на Туле» в этот момент еще не назначалось административное лицо ранга воеводы, а руководство крепостью осуществлял первый воевода «берегового разряда».

Кроме полков «берегового разряда» защита Тулы до 1521 г. осуществлялась силами вассалов великого князя московского. Сохранился летописный рассказ о нападении татар в 1513 г. «на Тулу, на Безпуту и на Олексинские места» и их дальнейшем разгроме силами полков под предводительством воевод «берегового разряда», князей В. С. Одоевского и И. М. Воротынского, которые «послаша наперед себя... детеи боярских многих со многими людми, Ивашку Тутыхина да Волконских князей»[212]. Последние – вассалы московского и рязанского князей.

«Ивашка Тутыхин» – И. Ф. Сумбул-Тутыхин, боярин последнего великого князя рязанского Ивана Ивановича[213], и ранее не раз «по слову» московского князя водивший полки великого князя рязанского в походы на татар и Литву. «Волконские князья» – двое из трех братьев, Дмитрий (Митяй) и Ипат Потул Васильевичи, служившие в это время брату великого князя московского Василия III, удельному верейскому князю Андрею Ивановичу по завещанию отца, великого князя московского Ивана III, «благословленному» в 1504 г. Волконой[214]. Очевидно, в 1513 г. «Волконские князья» командовали отрядами своего московского суверена, князя Андрея Ивановича. Впрочем, в «счетном» местническом деле второй половины XVI в. князя Ф. Ф. Волконского есть отсылка к «службам» его предков 1519 г., когда «Ивашко Тутыхин, да Митя да Потул Волконские» были «на Туле» уже при великокняжеских воеводах, князе Ю. В. Ушатом и В. Григорьеве[215].

Время вхождения Волконы в состав владений князей московского дома неизвестно. Как помним, по московско-рязанскому договору 1483 г. западная половина рязанского удела отошла к Москве, и в ее состав должна была входить и «Тула» с Волконой. Если высказанные выше предположения о службе не позднее 1427 г. кого-то из волконских князей великому князю рязанскому

[212] ПСРЛ. Т. 22. Ч. I. С.5 17; Т. 26. С. 306; Т. 28. С. 352; Т. 34. С. 12.

[213] *Сметанина С. И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству. С. 56; *Кузьмин А. В.* Росписи потомков рязанских бояр в Родословных книгах XVI–XVII вв. С. 35.

[214] *Волконская Е. Г.* Род князей Волконских. С. 16–17. Третий из братьев, князь Петр Верига Волконский, служил великому князю московскому Василию III, и его «жеребей» в Волконском уделе отошел братьям.

[215] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. С.313.

Ивану Федоровичу верны, удельные земли последних, во всяком случае «Спаши – Испаши» и часть Гордеева за р. Колодной, вошли около середины XV в. в состав Великого княжества Московского вместе с западной половиной Рязанского княжества.

Что же касается собственно Волконы, то Москва владела ею уже не позже 1491 г. В этом году московские власти, из опасения занести «болесть» (в Крыму бушевала эпидемия), вынуждены были задержать ханских послов, следовавших в Москву, за Окой, «на Волконе», где дипломаты провели более полугода[216].

Ранее уже приходилось ссылаться на наблюдение А. А. Зимина, обратившего в свое время внимание на существование неписаного правила в отношениях между московскими великими князьями и служившими им удельными князьями, по которому последние обязывались принимать участие только в тех войнах, которые затрагивали их непосредственные интересы как формальных держателей определенных территорий[217]. Московская «Тула» примыкала как непосредственно к территории Великого княжества Рязанского, так и к уделу Андрея Ивановича, бывшие же владения волконских князей просто оказались в зоне вооруженного конфликта, что и определило участие бывших вотчинников в обороне Тулы.

Итак, строительство «крепости на Туле» стало важнейшей вехой в истории региона. Как же соотносятся «Тула» договорных грамот последней четверти XIV – первой половины XV вв. и «крепость на Туле» летописей первой четверти XVI в.?

Наиболее вероятным «претендентом» на звание административного центра «Тулы» великокняжеских договоров остается городище XII–XIV вв. у с. Торхово в десяти километрах от современной Тулы, с обширным посадом, в окрестностях которого выявлено большое количество сельских поселений того же времени. В пользу ее идентификации с «Тулой» договоров XIV–XV вв. говорит, в том числе, и единственный случай наименования последней в договоре 1402 г. не «Тула», а «Тулцы». Топоним, как видим, имеет здесь окончание множественного числа, городище же располагается на двух реках бассейна Упы, правом притоке, Тулице, при впадении в другой Тулицы, Синей[218]. Собственно «Тулцы»

[216] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией. С.120, 127, 135.

[217] *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. С. 64–65, 402–403.

[218] *Грищенко В. П.* К вопросу о местонахождении летописной Тулы. С. 13; *Он же.* Торховское городище и его округа. С. 20.

может быть понято как гидронимическая отсылка к двум соименным рекам Тулицам в месте их слияния[219]. Заметим также, что крепость 1-й четверти XVI в. в летописях именуется «град *на Туле*» то есть город, поставленный на территории «Тулы» договорных грамот, но не на месте какого-то иного соименного центра.

В литературе давно присутствует мнение, что «град на Туле», крепость эпохи великого князя московского Василия III, располагающаяся в 10–12 км. от Торховского городища, предполагаемого административного центра «места Тулы» XIV–XV вв., ставилась на месте какого- то древнерусского поселения, следы которого были уничтожены в ходе строительства города[220]. Археологические обследования центра современного города результатов не дали, более того, позволили его авторам «сформировать довольно четкую картину его (города Тулы. – *А. Л.*) культурных напластований. В ней не остается места для поселения, непосредственно предшествующего городу XVI в.»[221].

Согласно несохранившейся писцовой книге по Туле 1551/1552 гг. один из местных земельных собственников имел жалованную несудимую грамоту на владения «в Тулском уезде в Заупском стану да в Старом городище», которые названы, между прочим, «обеими половинами Тулы»[222]. Речь, следовательно, надо вести о том, что изначально посад «града на Туле» состоял из двух «станов» - «половин», причем одной из них являлся некий предшествующий по времени появления «летописной Туле» т.е. каменной крепости укрепленный населенный пункт, находившийся на противоположном от нее берегу р. Упы. Писцовая книга 1587–1588 гг. фиксирует зримые следы этого предшественника «града на Туле», называя его «Старым Тулским городищем», остатки которого существовали, во всяком случае, на момент составления писцового

[219] Ср. «Тулцы» с гидронимом «Табалы» московско-рязанского докончания 1483 г. (ДДГ. С. 285, 289), под которым грамота имеет в виду два соименных левых притока Дона в районе Куликова поля, рр. Сухая и Мокрая Таболы, имеющие в низовьях общее течение.

[220] *Косточкин В. В.* Оборонительные сооружения Тулы. С. 44. Прим. 24 (автор называл его Тульским городищем).

[221] *Фомин Н. К.* Историческая топография Тулы XVI – начала XIX вв. // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. Ч. 1. Изучение позднесредневековой Тулы. С. 38.

[222] *Юшков А. И.* Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. С. 148–150. Подробнее о писцовых книгах: Города России XVI в. Материалы писцовых описаний. Изд. подгот. Е. Б. Французова. М., 2002. С. 253, 276–278.

описания, то есть в последней четверти XVI в. «Старое Тулское городище» локализовывалось «на посаде за... Упою от усть речки Тульцы вверх по Упе по берегу» (заметим, выше по той же реке Тулице находилось Торховское городище – предполагаемый центр «места Тула» договорных грамот). Писцовое описание указывает приблизительную площадь «городища»: его бывшую территорию, согласно писцовой книге, «отмерели под новой девичь монастырь, в длину семдесят сажен, а поперег тритцать сажен» и под монастырские дворы «тритцать сажен, а поперег десять сажен»[223]. Таким образом, в сумме площадь городища была не менее 2 400 кв. сажен или около 10 000 квадратных метров.

Итак, «Старое Тулское городище» на самом деле все-таки существовало. Разумеется, можно предположить, что «град на Туле камен» ставился не там же, где полутора десятилетиями ранее отстроили «град на Туле древян», и тогда в писцовой книге речь идет о деревянной крепости времени Василия III. Как представляется, однако, «Старое Тулское городище» стоит соотнести с более древним топонимом, «Берести (Берестии, Берестеи)» договорных грамот первой половины XV в. упоминаемого в документах вместе с ее старшим современником, «Тулой» – Торховским городищем.

Возможно, в короткое, между 1381 и 1385 гг., время владения «местом Тула» Москвой, отошедшей ей по докончанию Дмитрия Ивановича и Олега Ивановича, здесь появился новый, московский административный центр региона. С возвращением «места Тулы» Рязани «Берести» утеряло прежнее значение, но осталось в качестве объекта договоренностей в московско-рязанских докончаниях, уже как рязанский населенный пункт. Если это так, то строительство московского, «града на Туле» было начато вблизи прежнего административного центра московских князей, «Берести», в стороне от Торховского городища, старой «рязанской» «столицы» региона.

В XVI–XVII вв. возведение новых крепостей на южнорусских «украинах» зачастую сводилось к возобновлению древнерусских городов и поселений, иногда пустовавших не одно столетие[224]. Совершенно очевидно, что в столь хорошо освоенных в прошлом регионах уже в древности были выявлены и соответствующими

[223] Города России XVI в. Материалы писцовых описаний. С.276-278.

[224] Далеко не все примеры см.: Загоровский В.П. Указ. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж.1991. С. 95-96,99.

образом обустроены стратегически важные объекты. Значение их не изменилось и в XVI–XVII вв. хотя бы в силу того, что в основном сохранялись и направления сухопутных и речных путей сообщения. Даже если зримые следы «Берести», предшественника «града на Туле» и не будут отысканы, это не должно смущать. В отличие от Торховского городища, жизнь на котором продолжалась не менее трех столетий, предполагаемый «Берести» существовал непродолжительное время, с соответствующей недолгому существованию невысокой толщиной и интенсивностью культурного слоя.

Таким образом, строительстово каменной Тулы, формирование нового, Тульского уезда во владениях великих князей московских за Окой связало единой хронолгической нитью события конца XIV в., Куликовскую битву, и новый период в истории России, начало освоения степного юга, стало важнейшей вехой в истории Окско-Донского региона, положило начало новому этапу его истории.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБ ОДНОМ ПОЛУЗАБЫТОМ ИЗВЕСТИИ ИЗ ЖИЗНИ ТРОИЦКОГО МОНАСТЫРЯ ВРЕМЕНИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Круг источников, освещающих события вокруг сражения 8 сентября 1380 г., достаточно устойчив – исследователи неизменно обращаются к памятникам Куликовского цикла (летописные рассказы, Задонщина, Сказание о Мамаевом побоище), и вероятность обнаружения новых крайне мала. Тем интереснее, что Н. С. Борисов всего десятилетие назад, похоже, первым обратил внимание на существование выпавшего из поля зрения историков небольшого текста, современного событиям «Донского побоища»[1]. Сам по себе этот текст, в то же время, хорошо известен специалистам в области археографии, кодикологии, исследователям древнерусской книжности, а содержащая его рукописная книга является объектом пристального интереса и научных дискуссий, имеющих долгую историю.

Прежде всего, о самой рукописи. Это 149-листовой пергаменный Минейный Стихирарь, происходящий из библиотеки Троицкого монастыря, ныне хранящийся в собрании рукописей Троице – Сергиевой лавры отдела рукописей РГБ (Ф. 304. I. № 22 [1999]), одна из известнейших русских рукописных книг, старейший памятник книжности, созданный в стенах обители.

Кроме собственно стихир, церковных песнопений, расписанных в календарном порядке, Троицкий Стихирарь содержит двадцать записей на полях, принадлежащих переписчику книги и, следовательно, синхронных времени ее написания[2]. Писец и ав-

[1] *Борисов Н. С.* Сергий Радонежский. М., 2006. (ЖЗЛ. Вып. 1225). С. 191–193. Первое издание вышло в 2001 г.

[2] Полная публикация записей в кн.: *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV вв. С. 333–341 (№ 318-337). Далее все цитаты приводятся по этому изданию.

тор заметок в одной из них называет свое имя, «многогрешъныи рабъ Божии Епифанъ», и, как полагают многие исследователи, это известный писатель Древней Руси, троицкий инок Епифаний Премудрый, автор первого, не дошедшего до наших дней Жития преп. Сергия Радонежского[3].

Особое внимание в Троицком Стихираре всегда привлекал тот факт, что рукопись – редкий случай – можно как будто бы достаточно точно датировать, а датировку эту перепроверить. Из двадцати записей девять имеют даты, но если семь ограничиваются только месяцем и (или) числом[4], то одна содержит, кроме месяца и числа, указание еще и на день недели («месяца сентября в 21 день, в пяток»)[5] и еще одна включает месяц, число и год, 1380 («Лета 6888 сентября в 26 день»)[6]. Высказывалось в то же время и мнение, что годовая дата записи не может быть точно определена в силу неудовлетворительной сохранности последних двух букв «цифири»[7]. Тем не менее, именно это чтение годовой даты, 6888 считается наиболее вероятным, весомое доказательство чему было приведено достаточно давно.

Почти полтора века назад И. И. Срезневский проверил по одной из календарных формул, являлось ли в 1380 г. 21 сентября пятницей и, убедившись, что да, твердо отнес рукопись к сентябрю 1380 г. (26 сентября было крайней месячной датой среди прочих записей)[8]. С тех пор именно эта датировка признается неоспоримой, а сам Троицкий Стихирарь считается «точно датированной книгой»[9].

Среди двадцати записей Троицкого Ститхираря большинство лаконичны и исторически малосодержательны, но две представ-

[3] *Дробленкова Н. Ф., Прохоров Г. М.* Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. В.2. Вторая половина XIV–XVI вв. С. 212. Новые аргументы в пользу идентичности «Епифана» и Епифания Премудрого: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 92–95. Впрочем, высказывалось мнение, что часть приписок сделана не «Епифаном» – Епифанием Премудрым, а каким-то другим лицом (*Лифшиц А. Л.* О датировке Стихираря из библиотеки Троице-Сергиевой лавры // Хризограф. Сб. статей в честь Г. З. Быковой. М., 2003. С. 98).

[4] *Столярова Л. В.* Свод записей писцов... С. 332–335 (№ 320–323, 325, 327), 337 (№ 330).

[5] Там же. С. 336–337 (№ 329).

[6] Там же. С. 338–339 (№ 331).

[7] *Лифшиц А. Л.* О датировке Стихираря из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. С. 96.

[8] *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка X–XIVв. Общее повременное обозрение. СПб., 1862. Стб. 240–241.

[9] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV вв. М., 1980. С.80; № 70 (здесь же приведена обширная библиография, посвященная Троицкому Стихирарю); *Фролов С. В.* Новые аспекты изучения Стихираря 1380 г. собрания Троице-Сергиевой лавры, № 22 // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 196–207.

ляют для нашей темы особый интерес. Первая, самая пространная из всех, помещенная на полях л. 40 и крайне плохо читающаяся, содержит рассказ о событиях, произошедших в Троицком монастыре в течение одного дня, «месяца сентября в 21 день, в пяток на память о агиос апостола Кондрата»: «В тож день Симоновскии приездилъ, в тож день келарь поехалъ на Резань, в тож день... Исакии Андрониковъ приехалъ к намъ, в тож день весть прииде, яко Летва грядетъ с агаряны...»[10]. Как видим, в Троицу в течение одного дня приехали двое, поименованые, один прозвищем, второй именем и прозвищем, тогда же анонимное лицо из монастырской администрации, наоборот, выехало из обители в Рязань и, одновременно, необъясненным автором записи образом, в монастырь дошло известие о военных приготовлениях литовцев и татар.

Вторая запись, на л. 129, читается, в отличие от первой, хорошо, но состоит всего из одного слова, «Токтомышъ»[11], имени хана, правившего в Золотой Орде между 1380 и 1395 гг.

Если исходить из датировки И. И. Срезневского, то окончание работы над переписки рукописи, таким образом, отделяется считанными двумя – тремя неделями от 8 сентября 1380 г., дня победы коалиционной армии русских князей под командованием великого князя московского Дмитрия Ивановича над ордой темника Мамая на Куликовом поле. Так же, естественно, датируются и приписки на полях книги, включая обе выше приведенные.

Относительно недавно А. Л. Лифшиц предпринял попытку обосновать иную датировку Троицкого Стихираря и, соответственно, записей тоже. Отметив плохую сохранность «цифири» в записи на л. 48 и сомнительность прочтения ее как «в лето 6888», о чем уже говорилось выше, исследователь счел годовую дату не более чем «коньектурой И. И. Срезневского» и предложил исходить в датировке рукописи не из нее, а из палеографических и графико-орфографических особенностей текста Троицкого Стихираря. Они, по мнению исследователя, «уверенно указывают не на последнюю четверть XIV в., а на первую четверть XV в.»[12]. Посетовав на отсутствие исследований о лицах, приезжавших в монастырь и уезжавших из Троицы в пятницу 21

[10] *Столярова Л. В.* Свод записей писцов... С. 336 (№ 329).

[11] Там же. С. 341 (№ 337).

[12] *Лифшиц А. Л.* О датировке Стихираря из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. С. 97–98.

сентября[13], А. Л. Лифшиц попытался уточнить свою, более позднюю датировку, обратившись к именам Искаия, приезжавшего в монастырь, и хана Тохтамыша.

Что касается «Токтомыша», то, «для 1380 г. упоминание этого хана... представляло бы собой аномалию», поскольку, как полагает исследователь, имя правителя Орды стало известно на Руси не ранее исхода лета 1382 г., когда татары под руководством Тохтамыша совершили кровавый набег на Русь, уничтожив, в числе прочих городов, и Москву, столицу Дмитрия Ивановича. «Исакия» же А. Л. Лифшиц идентифицировал, на основании прозвища «Андрониковъ», с настоятелем Спасо-Андроникова монастыря XV в. Исакием, известным по монастырскому синодику[14]. Исходя из датировки почерка рукописи 1-й четвертью XV в., предложив свои варианты прочтения буквенной «цифири» годовой даты и выяснив, в какой из годов первой четверти XV в. совпадают 21 сентября и пятница, А. Л. Лифшиц пришел к заключению, что приведенные им аргументы делают «практически несомненной дату написания Стихираря: 1403 г.»[15].

Не будучи специалистом в области палеографии и кодикологии, могу только заметить, что присутствие в записях имен Тохтамыша и Исакия, наоборот, делает невозможным отнесение рукописи к 1403 г.

А. Л. Лифшиц в известном смысле прав в том, что упоминание хана в сентябре 1380 г. – нонсенс. Если Троицкий Стихирарь на самом деле был переписан в это время, то присутствие в нем записи «Токтомышъ» представляет неразрешимую загадку, поскольку две – три недели спустя после Куликовской битвы о существовании на белом свете такого хана на Руси явно еще не догадывались. Об уходе с политической сцены Мамая и «воцарении» Тохтамыша в Москве узнали только к исходу 1380 г., когда новый хан «оубиша Мамая, а сам шедъ в Орду... и улус его (Мамая. – А. Л.) весь поима...И отьтуду послы своя отъпусти на Русскую землю ко князю великому Дмитрию Ивановичю и ко всемъ княземъ Русскымъ, поведая имъ свои приходъ, а самъ...седе на царстве Волжъскомъ»; киличеи русских князей поспешили отправиться в Орду с «дары» новому «царю» «на зиму ту и на ту весну» то есть в конце 1380 – весной 1381 гг.[16]

[13] *Лифшиц А. Л.* О датировке Стихираря из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. С. 98 («никто из упомянутых в этой записи вроде бы не известен»).

[14] *Лифшиц А. Л.* О датировке Стихираря из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. С. 97–98.

[15] *Лифшиц А. Л.* О датировке Стихираря из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. С. 97, 99–100.

[16] ПСРЛ.Т. 15. Стб. 141. Подробнее: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 100.

Однако не меньшую аномалию наличие среди записей Троицкого Стихираря имени «Токтомышъ» представляет и для предложенной А. Л. Лифшицем новой датировки рукописи, 1403 г. Уже в 1395 г., в результате второго похода Тимура, хан был разгромлен и скрылся в Литве, позднее вернулся в степь, откуда снова, и на этот раз насовсем, бежал к Витовту в 1398 г. Фактическим правителем Орды после бегства Тохтамыша многие годы, включая 1403, предполагаемую дату переписки книги, был эмир Едигей[17]. После 1395 г. имя Тохтамыша упоминается в русских летописях единственный раз, в 1407 г. в связи с убийством его ханом Шадибеком «в Симбирской земли»[18].

Об игумене Спасо-Андроникова монастыря Исакии, в отличие от Тохтамыша, не известно ровным счетом ничего, кроме имени, занесенного в поздний монастырский синодик. Во всех такого рода синодичных записях порядок перечисления имен настоятелей, как правило, соответствует порядку поставления их в игумены, и в Спасском синодике имя Исакия стоит всего лишь пятым по счету[19]. При этом известно, что основатель обители и ее первый настоятель, преп. Андроник скончался либо в 1395 г.[20], либо между 1374 и 1404 гг.[21], а наследовавший ему на игуменстве преп. Савва почил между 1410 и 1420 гг.[22], и после него, но до Исакия в монастыре должны были игуменствовать еще двое настоятелей.

Кроме того, ровно в тот год, которым А. Л . Лифшиц датирует Троицкий Стихирарь, 1403 г., в стенах Спасо-Андроникова монастыря инок Онфим изготовил пергаменный список одной из старейших датированных русских рукописей, знаменитого Изборника 1073 г. (ныне ГИМ. Отдел рукописей. Синодальное собрание. № 275), отметив, что рукопись переписана «при державе великаго князя Василья Дмитреевича... *при игуменьстве Савине*»[23].

[17] *Селезнев Ю. В.* Тохтамыш – последний хан единой Орды // ВИ. 2010. № 2. С. 125–126.

[18] ПСРЛ. Т. 25. С. 236.

[19] *Григорий, архим.* Список настоятелей Московского Спасо-Андрониева монастыря и судьбы их. М., 1895. С.3 («преподобного отца и игумена Андроника, и игуменов Саввы, Александра, Ефрема, Исакия»).

[20] Там же. С.7.

[21] *Сергий, архим.* Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. М., 1865. Прил. 1. С. 1–6.

[22] Там же. С. 7; *Григорий, архим.* Список настоятелей Московского Спасо-Андрониева монастыря и судьбы их. С. 7.

[23] *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С.* Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея. Ч.1. Русские рукописи // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 201.

Таким образом, попытку датировать Троицкий Стихирарь 1403-м годом через имена Тохтамыша и Искаия вряд ли можно считать удачной. Но, кроме хронологических несовпадений, существует и чисто археографический вопрос, связанный с прозвищем упомянутого в записи Исакия, «Андрониковъ».

Как неоднократно отмечалось исследователями, сохранность записей в Троицком Стихираре оставляет желать лучшего. Первый публикатор записи о событиях 21 сентября, И. И. Срезневский, например, читал прозвище Исакия не «Андрониковъ», а «Андреиковъ»[24]. Коррективу в это чтение внес, причем весьма осторожно и с оговорками, Е. Е. Голубинский[25], но предложенное им чтение почему-то было впоследствии принято безоговорочно[26]. Однако тот же Е. Е. Голубинский весьма решительно настаивал, например, на том, что слово «келарь» в записи от 21 сентября читается И. И. Срезневским «произвольно и ошибочно: слово полуслиняло и остатки его *вовсе не позволяют предполагать слово «келарь»*»[27]. Однако именно такое чтение, «келарь», принято ныне всеми исследователями Троицкого Стихираря[28]. Так что вопрос о прозвище Исакия, «Андреиковъ» или «Андрониковъ», очевидно остается открытым и в данном случае вряд ли может быть аргументом в дискуссии о датировке Троицкого Стихираря, тем более, что на Маковце времени игуменства преп. Сергия известен инок по имени Исакий. Один из ближайших учеников игумена, принявший обет молчания (отсюда монастырское прозвище Исакия, Молчальник), переписчик рукописей[29], этот Исакий скончался в 1387 г.[30]

В записи о событиях 21 сентября об Исакии сказано, что он «приехал к н а м ъ», что, возможно, следует понимать как указание на возвращение приехавшего к монастырской братии, которой он принадлежал. Совершенно не настаивая на том, что таинственный «Исакии» – именно Исакий Молчальник, коль скоро он никак не мог быть Исакием Андрониковым, заметим, что «Андреиковъ» можно рассматривать как патроним инока, может быть, служивший для отличия от другого Исакия - насельника Троицы, того же, например, вышеупомянутого Исакия Молчальника.

[24] *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв. Стб. 240.

[25] *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Жизнеописание преп. Сергия и путеводитель по лавре. М., 1909. С. 91 («чтение «Андрейков» *сомнительно, вероятнее* «Андроников»).

[26] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги Древней Руси. № 70; *Столярова Л. В.* Свод записей писцов... С. 336.

[27] *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Жизнеописание преп. Сергия и путеводитель по лавре. С. 91. Прим. 2.

[28] *Вздорнов Г. И.* Искусство книги Древней Руси. № 70; *Столярова Л. В.* Свод записей писцов... С. 336.

[29] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 102, 219.

[30] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 153–154.

При этом в записи от 21 сентября, как помним, есть еще одно имя приехавшего в этот день в Троицу, «Симоновский», которого А. Л. Лифшиц справедливо счел игуменом подмосковного Симонова монастыря[31], не попытавшись, в то же время, уточнить, о ком может идти речь. Почему запись в Троицком Стихираре ограничивается только прозвищем приехавшего, «Симоновский», назвав в то же время и имя, и прозвище Исакия, А. Л. Лифшиц не объяснил. Между тем, именно «Симоновский» заслуживает самого пристального внимания.

Вообще автор неточен в своем утверждении, что запись на л. 40 ранее не привлекала исследователей, которые «не задаются, например, вопросом, зачем это келарь Троицкого монастыря поехал в, несомненно, враждебную в 1380 г. Рязань»[32]. Привлекала, и неоднократно, другое дело, что ее источниковедческий потенциал оценивался неоднозначно, а содержание толковалось по-разному.

Первый публикатор записи, И. И. Срезневский, как помним, относивший и рукопись, и описанные события к 1380 г., находил рассказ о том, что происходило в Троицком монастыре в пятницу 21 сентября «не нелюбопытным в историческом отношении», полагая, что содержание записи «дает некоторые показания о том, что делалось и что ожидалось в Троице - Сергиевой лавре (так у автора. – *А. Л.*)», но одновременно констатируя, что в записи «к сожалению, нет ничего относящегося к Куликовской битве и ее последствиям»[33]. Так же, не более чем свидетельство «об атмосфере, царившей (в Троицком монастыре. – *А. Л.*) непосредственно после Куликовской битвы», много позднее оценил эту запись Троицкого Стихираря и Б. М. Клосс[34]. Не дальше своих предшественников пошел и публикатор записей рукописи, к тому же оставивший без внимания некоторые ранее

[31] *Лифшиц А. Л.* О датировке Стихираря из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. С. 98.

[32] Там же.

[33] *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв. Стб. 240–241.

[34] *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 90; *Дробленкова Н.Ф., Прохоров Г. М.* Епифаний Премудрый. С. 212.

сделанные наблюдения исследователей Троицкого Стихираря. Л. В. Столярова в комментариях ограничилась констатацией того, что «Симоновский» – это неизвестный по имени инок Симонова монастыря, «Токтомышъ» – ордынский хан Тохтамыш, а в Рязань келарь, отвечавший в монастыре за хозяйство, ездил по хозяйственным делам. Относительно «Исакия Андроникова» Л. В. Столярова не высказалась вовсе, хотя и отметила, что И. И. Срезневский читал имя иначе, «Исакии Андреиковъ», никак собственное предпочтение в выборе прозвища между двумя версиями не объяснив[35].

В то же время предпринимались попытки истолковать запись максимально конкретно, с расшифровкой указанных в записи имен и последовательности событий, имевших место в Троице 21 сентября 1380 г.

Пальма первенства здесь принадлежит Н. В. Шлякову[36]. Историк не согласился с оценкой содержания записи, данной И. И. Срезневским («думается, маститый филолог был не совсем прав»), предложив достаточно стройную реконструкцию событий, имевших место в Троицком монастыре. Автор предположил, что три из четырех перечисленных в записи событий, приезд в монастырь «Симоновского», отъезд в Рязань келаря и слух о грядущем военном походе «Летвы с агаряны» связаны между собой.

Во-первых, Н. В. Шляков определил, что «Симоновский» – это игумен подмосковного Симонова монастыря Федор, ученик и племянник преп. Сергия, один из многих троицких иноков, ставших настоятелями монастырей, «вследствие чего появились названия Спасский для преподобного Андроника, Высотский для преподобного Афанасия, Симоновский для преподобного Федора, ...Махрищский и Пермский для двух Стефанов». От себя добавим, что «Симоновский», судя по отсутствию имени собственного, для автора записи в Троицком Стихираре был, безусловно, лицом конкретным, более того, хорошо знакомым, и это мог быть только Федор Симоновский, практически выросший на Маковце и покинувший Троицкую обитель совсем недавно, не позднее 1377 г.; год спустя Федор уже игуменствовал «на Симонове», в монастыре, находившимся под особым покровительством великого князя[37].

[35] *Столярова Л. В.* Свод записей писцов... С. 337.

[36] *Шляков Н. В.* Невыясненное известие из жизни преп. Сергия Радонежского // Прибавление к «Церковным ведомостям» за 1891 г. № 41. С. 1411–1413.

[37] *Кучкин В. А.* Начало Симонова монастыря С. 118–119, 121.

Во-вторых, Н. В. Шляков истолковал глагол «приездил» как спешный и короткий визит[38], и это должен был быть «не незаурядный приезд ученика и племянника к учителю и дяде», а значительное, не допускающее отлагательств дело. Послать Федора Симоновского в Троицу из Москвы по какому-то спешному делу мог, полагает автор, только кто-то из первых лиц великого княжества, и это был глава русской православной церкви, митрополит Киприан, поскольку 21 сентября 1380 г. великого князя Дмитрия Ивановича в Москве еще не было (московские полки в это время возвращались с Куликова поля).

В-третьих, наконец, келарь, «лицо важное, но не самостоятельное», не мог поехать «на Резань» без благословения игумена и, следовательно, Федор Симоновский приезжал в Троицу для каких-то переговоров о миссии в Рязань к Сергию Радонежскому, от имени и по поручению которого келарь собственно только и мог отправиться «на Резань», надо думать, к великому князю Олегу Ивановичу.

В итоге Н. В. Шляков предложил следующую реконструкцию последовательности событий и их объяснение. 21 сентября 1380 г., две недели спустя после победоносного сражения на Дону, до Москвы дошли слухи о намерении Ягайло напасть на Русь. В связи с этим митрополит Киприан, находившийся в этот момент в Москве, обратился к игумену Симонова монастыря Федору с просьбой уговорить дядю, преп. Сергия отправиться к Олегу Ивановичу с целью убедить его, союзника литовского князя, воспрепятствовать намерениям Ягайло, ради чего монастырский келарь и отправился в Великое княжество Рязанское.

Наблюдения Н. В. Шлякова дополнил и развил Н. С. Борисов. Автор, во-первых, определил имя келаря, посланного в Рязань, Илья, кончина которого отмечена записью в Рогожском летописце под 1384 г.[39] Во-вторых, Н.С. Борисов попытался объяснить, почему к рязанскому князю отправился не сам игумен, а монастырский келарь: очевидно, миссия требовала поспешности, а преп. Сергий, по святоотеческому завету, совершал свои путешествия пешком, на что ушло бы много времени[40].

Вышеизложенное объяснение содержания записи л. 40 Троицкого Стихираря, при всей его кажущейся логичности, вызывает ряд вопросов.

[38] Ср.: Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 19. М., 1994. С. 147.

[39] «Того же лета...преставися рабъ Божии Илиа, келарь Сергиевъ игуменовъ, добрыи, послушливыи... бывъ послушливъ и до смерти» (ПСРЛ. Т.15. Стб. 149–150).

[40] *Борисов Н. С.* Сергий Радонежский. С. 192.

Безусловно соглашаясь с идентификацией «Симоновского» с игуменом Федором, равно как и с официальным характером миссии последнего в Рязань (к вышесказанному можно прибавить, что Федор Симоновский в 1380 г. был еще и духовником великого князя[41]), все-таки остается неясным, от чьего имени он мог действовать и к кому ездил. 21 сентября 1380 г. в Москве не было не только Дмитрия Ивановича, но, и, вопреки мнению Н. В. Шлякова, митрополита Киприана[42]. Что же касается цели поездки, Рязани, то ранние летописные рассказы о Куликовской битве повествуют о бегстве Олега Ивановича за пределы собственных владений сразу после поражения татар в Куликовской битве[43]. Следовательно, если это так, то неясно, с одной стороны, кто в Москве уполномочил преп. Сергия на посылку келаря и, с другой стороны, с кем Илья мог встречаться в Рязани.

Кроме того, Н. В. Шляков не уточнил, что за «Летву... с агаряны», «весть» о возможном нападении которых дошли в Троицу, имеет в виду автор записи в Троицком Стихираре. Всего двумя неделями ранее «агаряне» как будто бы были наголову разбиты на Куликовом поле армией московского князя Дмитрия Ивановича и его союзников, а «Летва», несмотря на союзнические отношения с Мамаем, так и не дошла до места битвы.

Наконец, совершенно не очевидно, что миссия Ильи в Рязань была прямо связана с «вестью» о литовцах и татарах – мнение Н. В. Шлякова скорее надо рассматривать как вероятное, но не очевидное. Известия о событиях в монастыре 21 сентября всего лишь соседствуют, соединившись в единый блок по воле переписчика Троицкого Стихираря, но необязательно вытекая одно из другого. Во всяком случае, доставка вести о «Летве... с агаряны» в Троицкий монастырь не приписывается ни «Симоновскому», ни Исакию. Точно также совершенно неясно, имела ли запись в виду совместный поход «Летвы... с агаряны» или две различные военные акции, повторимся, дошедшие в монастырь только в виде слуха, не более.

Противоречия в построениях Н. В. Шлякова (но не все) попытался разрешить В. А. Кучкин. Исследователь предположил, что дошедшая в монастырь «весть» о «Летве с агаряны» имела в виду действия Мамая после поражения в Куликовской битве.

Действительно, ранние летописные рассказы о битве сообщают, что сразу после разгрома 8 сентября 1380 г. на Куликовом

[41] Подробнее см. гл 3 настоящего издания.
[42] *Кучкин В. А.* Был ли митрополит Киприан в 1380 г. в Москве? С. 258–275.
[43] Памятники Куликовского цикла. С. 10, 41.

поле темник как будто бы планировал новый, так и не состоявшийся, поход на Русь. Что же до троицкого келаря, отправившегося в Рязань, то целью его визита была встреча не с великим князем, а с рязанскими боярами, потому что Олег Иванович в это время находился у Мамая, собиравшегося вновь напасть на Русь, на этот раз с литовцами[44].

Как представляется, и в этих построениях есть ряд досадных нестыковок. Во-первых, если верить записи, то согласно «вести», дошедшей в Троицкий монастырь 21 сентября 1380 г., ожидалось едва ли не совместное нашествие литовцев и татар. Но ранние летописные рассказы о событиях, последовавших за Куликовской битвой, не упоминают «Литвы» вообще и говорят только о планах Мамая. После разгрома на Дону темник «не во мнозе убежа... и паки... собра остаточную свою силу еще восхоте изгономъ ити на Русь», однако планам этим не суждено было сбыться: «и се приде к нему весть, что идетъ на него некыи царь... именемъ Токтамышъ», против которого, отложив план набега на Русь, Мамай и выступил «с тою ратию»[45].

Во-вторых, если верить тому же летописному рассказу, Мамай готовил не просто новый поход на Русь, а «изгон» т.е. неожиданное нападение, что вполне логично – летописи подчеркивают, что в распоряжении темника находилась всего лишь «остаточная сила» Орды, основная же полегла на Куликовом поле, и вряд ли новый масштабный поход на Русь был в принципе осуществим.

Какие меры секретности, дабы «весть» о подготовке «изгона» не дошла до Руси, предпринимались в таких случаях ханами, хорошо известно по Повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г., когда они дали ожидаемый результат[46]. Между тем, даже в удаленной на сорок верст от Москвы Троице 21 сентября 1380 г., если верить записи, уже знали о планах Мамая. Кстати, ни о каком участии «Летвы» в планировавшемся «изгоне» летописи не сообщают, хотя запись Троицкого Стихираря гласит, что «грядет» не Мамай, а «Летва с агаряны», отдавая в этом союзе Ягайло едва ли не пальму первенства.

Как помним, куда из Рязани после Куликовской битвы бежал Олег Иванович, ранние летописи не сообщают. Вероятность того,

[44] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. С. 262.
[45] Памятники Куликовского цикла. С. 41, 81–82.
[46] «И того лета царь Тахтамыш... поиде изгономъ на великого князя Дмитриа Ивановича... Ведяще же рать внезапу из невести...злохитриемъ – не дающи вести преди себе, да не услышано будет на Руси устремление его» (Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV вв. М., 1981. С. 190.).

что рязанский князь скрылся из своей столицы во время похода Мамая, достаточно велика, и это был далеко не первый случай такого бегства Олега Ивановича. Между 1365 г., когда в летописи отмечено первое бегство князя из столицы в связи нрападением татар, и 1402 г., годом смерти рязанского князя, последний, в случае опасности, ордынской, литовской и московской, не менее одиннадцати раз куда-то бежал из Переяславля-Рязанского[47], но летописи ни разу не сообщают, где князь скрывался. В то же время пребывание рязанского князя после разгрома татар на Дону в стане ордынского темника, как предположил В. А. Кучкин, вряд ли возможно. Еще М. М. Щербатов справедливо замечал, что «должны мы по его поступку с татарами заключить, которым он обещанной им помощи не дал (Олег Иванович так и не явился на Куликово поле. – *А. Л.*), что он не мог... к сему народу бежать»[48]. Так что, в любом случае, 21 сентября 1380 г. Олега Ивановича в Рязани не было.

Таким образом, безусловно указывая на время Куликовской битвы, записи содержат ряд противоречий, заставляющих усомниться в том, что они, равно как и Троицкий Стихирарь, относятся к сентябрю 1380 г.

Не испытывая, повторимся, как и Н. В. Шляков, сомнений в идентичности «Симоновского» и Федора Симоновского, рассмотрим вопрос о датировке рукописи и записей исходя из того, что известно о биографии племянника преп. Сергия.

Хронологические рамки возможных приездов Федора Симоновского в Троицкий монастырь легко высчитываются, и это могли быть периоды либо между 1378 (первый год игуменства Федора «на Симонове») и 1381 гг., либо 1383–1385 гг.: в 1382 г. игумен провел в Царьграде, туда же отправился «о устроении дел церковных» в 1386 г, вернувшись на Русь только в 1390, причем уже в сане ростовского архиепископа, «ему же дасть патриархъ в Цариграде архиепископьство»[49]. Исходя из выше изложенного, крайней датой переписки Троицкого Стихираря можно считать 1386 г. время до отъезда игумена Федора, скорее всего отбывшего в Царьград не ранее весны.

Возвращаясь к датировке событий, имевших место в Троице в пятницу 21 сентября, констатируем, что с одной стороны су-

[47] *Селезнев Ю. В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV вв. С. 80, 83, 92, 99, 102, 105–108, 110, 116; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 146; Там же. Т. 25. С. 227.

[48] *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 1. М., 1781. С.171.

[49] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 148, 150, 152.

ществуют хронологические данные для отнесения их к 1380 г. и, с другой стороны, содержательная сторона записи противоречит отнесению этих событий к месяцу Куликовской битвы, сентябрю именно 1380 г. Чисто исторические обстоятельства как представляется, безусловно связывая записи с эпохой Куликовской битвы, а не началом XV в., указывают, тем не менее, не на 1380, а на 1381 г.

Начнем с «Летвы с агаряны». «Вести» о литовцах и татарах зафиксированы в русских летописях в 1381 г. но при этом никак не связаны между собою.

Летом этого года Тохтамыш «пославъ своего посла къ великому князю Дмитрию Ивановичю... царевича Ахтозю, а с нимъ дружину 700 татаринов». Татары дошли, однако, только до Нижнего Новгорода, откуда «возвратися вспять, а на Москву не дръзнулъ ити»[50]. «Посол», как полагает А. А. Горский, шел на Русь для получения «выхода»[51], однако бросается в глаза внушительный военный отряд, сопровождавший «царевича», семьсот человек. Известно, что несколькими годами ранее те же нижегородцы разгромили «послов Мамаевых» во главе с неким Сарайкой, «а съ ними татаръ тысящу»[52]. Судя по всему, мирный характер миссий, сопровождавшихся столь многочисленными воинскими силами, изначально вызывал у нижегородцев серьезные сомнения[53]. К тому же татар в 1381 г. возглавлял, как при набегах, «царевич» (Сарайка был просто «стареишина ихъ»). По-видимому «царевич» «не дързну» т.е. просто не рискнул двигаться дальше Нижнего Новгорода, слух же о том, что «грядут агаряны» мог быть зафиксирован в Троицком Стихираре.

Что же до «Летвы», то «тое же осени» 1381 г. князь Свидригайло Ольгердович безуспешно осаждал Полоцк, рассказ о чем попал в московский летописный свод конца XV в.[54] Это, казалось бы, далекое от Москвы событие, тем не менее, было актуально в для Руси в связи с тем, что полоцкий князь Андрей Ольгердович, старший сын великого князя литовского, по кончине отца, ущемленный в наследственных правах Ягайло, с 1377 г. служил Москве. В 1381 в Полоцк, до этого управлявшийся самим Ягай-

[50] Там же. Стб. 141–142.

[51] *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 100–102.

[52] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 106.

[53] Ср. например число участников сражения под Суздалем 7 июня 1443 г., в котором татарами был пленен великий князь московский Василий Васильевич: 3,5 тысячи татар летописец оценивает как «множество много» (ПСРЛ. Т.25. С. 262–263).

[54] Там же. С.206.

ло, литовский князь безуспешно попытался посадить одного из своих братьев[55]. Возможно, слухи о грядущих военных действиях имели в виду именно эти события вокруг Полоцка, явно небезразличные для его наследственного владельца, героя Куликовской битвы, служившего в этот момент московскому князю.

Если принять 21 сентября 1381 г. как дату записи, становится объяснимым и то, кто отправил «Симоновского» в Троицу к преп. Сергию – это, несомненно, великий князь московский, духовный сын игумена Федора.

1381 г. актуален и с точки зрения наличия в записях Троицкого Стихираря имени Тохтамыша. Как поминим, о появлении в Орде нового хана на Руси стало известно только в исходе 1380 г. Надо сказать, что, внешне выразив покорность новому царю посылкой «даров», Дмитрий Иванович отправил своих киличеев в Орду гораздо позже прочих князей. Рогожский летописец, во всяком случае, сообщает, что если прочие «князи...Рустии» направили «коиждо своихъ киличеевъ со многими дары ко царю Тохтомышу» вскоре по получении известия из Орды о его «воцарении», зимой 1380 и весной 1381 гг., то московский князь сделал это только «на ту же осень» 1381 г., отпустив к Тохтамышу «своихъ киличеевъ Толбугу да Мокшея.... съ дары и съ поминкы»[56]. Возможно, имя Тохтамыша попало в число записей Троицкого Стихираря именно в связи с этой поездкой первых официальных представителей московского князя к новому «царю».

В связи с предполагаемой датировкой рукописи 1381 годом необходимо снова вернуться к тексту на полях л. 40, содержащему дату происшествий в монастыре, «пяток» 21 сентября, легших в основу датировки и Троицкого Стихираря, и самой записи 1380- м годом.

В 1381 г. этот день, 21 сентября, приходился на субботу, что легко проверить как по формуле Гротгаузена, которой воспользовался в свое время И. И. Срезневский, так и по табличным вычислениям дня недели мартовского года через вруцелето[57]. Хорошо известно, однако, что в XIV в. суточный счет часов и, соответственно, начало суток, отсчитывалось не с полуночи, а с

[55] *Кузьмин А. В.* Родословная князя Дмитрия Мхайловича Боброк-Волынского // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 118–119.

[56] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 142. В летописи это известие следует сразу же за сообщением о посылке Федора Симоновского в Киев за митрополитом Киприаном, имевшем место в исходе зимы 1381 г. О времени поездки «Симоновского» см.: *Кучкин В. А.* Был ли митрополит Киприан в 1380 г. в Москве? С. 260.

[57] *Каменцева Е. И.* Хронология. М., 2003. С. 80–83.

восхода солнца, богослужебные же сутки, принятые в монастырском обиходе, завершались вечерней службой предшествующего, по современному счету числа. При этом временной промежуток между вечерней службой предыдущего дня и утренней следующего имел весьма специфический статус. Церковный устав этого времени, как подметил Д. И. Прозоровский, «постоянно назначает для вечери час предшествующего числа, а заутреню всегда определяет выражением «за столько-то часов до дня», *не причисляя заутреннего времени ни к прошедшим, ни к наступающим суткам*, ...так как с заутрени... совершался переход с одного числа на другое»[58]. Проще говоря, суббота 21 сентября 1381 г. началась только утренней службой, и если «Симоновский приездил» в монастырь между завершением вечерни в пятницу 20 сентября и субботней заутренней 21, то этот приезд мог быть с равным успехом отнесен как к пятнице, так и к субботе. Так что ссылку записи на «пяток» как день недели именно 21 сентября, судя по всему, не стоит соотносить с современным суточным делением, имея в виду, что момент приезда «Симоновского» и Исакия мог быть и субботой.

На 1381 г. указывает и некая явно не хозяйственная, а политическая миссия, которую через своего духовника великий князь Дмитрий Иванович просил выполнить в Рязани преп. Сергия Радонежского, возможно, никак не связанная с «вестью» о «Летве» и «агарянах».

В связи с последним особого внимания заслуживает сообщение Никоновской летописи, помещенное под 1381 г., «тоя же осени, месяца ноября в 1 день вси князи рускии, сославшеся, велию любовь учиниша между *собою*»[59]. В историографии это событие считается княжеским съездом[60], которому предшествовали, как видим, «ссылкии» между его будущими участниками, в связи с чем и стоит рассматривать рязанскую поездку келаря. Вообще некий антиордынский союз русских князей существовал как до Куликовской битвы 8 сентября 1380 г., так и после нее[61], но Олег

[58] *Прозоровский Д.* О старинном русском счислении часов // Труды 2-го археологического съезда в Санкт- Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 165.

[59] ПСРЛ. Т. 11. С. 69.

[60] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). С. 148; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. С. 236 («событие имело место в действительности»). А. А. Горский, впрочем, не считает известие Никоновской летописи достоверным (*Горский А. А.* Москва и Орда. С. 101).

[61] *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 90; Он же. К вопросу о составе русского войска на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2001. № 3 (5). С. 31.

Иванович определенно до победного сражения на Дону не был его участником. Тем не менее, к исходу сентября 1381 г. уже не менее двух месяцев действовал московско-рязанский договор, сделавший рязанского князя вассалом Москвы, и отношения двух великих князей выглядели иначе, чем до Куликовской битвы (подробнее см. гл. 1 настоящего издания). Так что поездка троицкого келаря «на Рязань», явно инспирированная из Москвы, могла иметь какое-то отношение к этим «ссылкам» осени 1381 г.

Сам съезд русских князей 1381 г. А. Е. Пресняков соотносил с общей для Руси угрозой со стороны Орды, заставлявшей Дмитрия Ивановича стремиться к единству со всеми русскими князьями, включая великого князя рязанского Олега Ивановича[62]. Вполне вероятно, московско-рязанские «ссылки» осени 1381 г., к которым был причастен преп. Сергий, имели в виду достижение каких-то договоренностей касательно совместного отпора Орде, не прописанных в заключенном недавно докончании. Нарушение этих договоренностей, в таком случае, лежит в основе Московско-Рязанского «нелюбия» 1382–1385 гг.[63]

[62] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 167, 409 (Пприм. 40).
[63] Подробнее см. гл. 2 настоящего издания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	– Археографический ежегодник
АЗР	– Акты Западной России
АРИ	– Архив русской истории
АСЭИ	– Акты социально – экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.
АФЗХ	– Акты феодального землевладения и хозяйства
ВИ	– Вопрсы истории
Временник МОИДР	– Временник Московского общества истории и древностей
ГИМ	– Государственный исторический музей
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ИЗ	– Исторические записки
Изв. ГАИМК	– Известия Гос. академии истории материальной культуры
ИСССР	– История СССР
ЛИРО	– Летописи историко-родословного общества в Москве
ОИ	– Отечественная история
РИБ	– Русская историческая библиотека
РГБ	– Российская государственная библиотека
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
Сл. РЯ XI–XVII вв.	– Словарь русского языка XI–XVII вв.
Сб. РИО	– Сборник Русского Исторического общества
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом)
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском Университете

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аверьянов К. А. 5, 17, 21, 24, 57, 74, 95, 96, 104, 105, 106, 107, 132, 138, 156
Абеленцева О. А. 96, 97
Аграфена Александровна, кн. стародубская 128
Агриппина Васильевна Бабич, в.кн. рязанская 23, 149, 154, 180
Александр Андреевич Остей, боярин 61, 63,
Александр Казимирович, в.к. литовский 144, 145, 150, 157,
Александр Михайлович, к. тверской 101, 123,
Александр Патрикеевич, к. стародубский 128
Алексеев Ю. Г. 44, 149,
Алексей, митрополит 29, 73, 80, 82, 85, 96, 99, 152,
Амелькин А.О. 134, 137, 165,
Анастасия Олеговна, кн. рязанская 40, 150
Анастасия Юрьевна, кн. смоленская 142, 143
Андреев О. 59
Андрей Дмитриевич, к. московский 48, 128
Андрей Иванович, к. боровско-серпуховской 24
Андрей Иванович Сухорук, к. пронский 146, 194
Андрей Иванович, к. старицкий 181, 189, 208, 209
Андрей Ольгердович, к. 66, 225
Андроник Спассский, преп. игумен 217, 220
Анна Васильевна, в.кн. рязанская 148, 149, 150, 151
Анна Даниловна, кн. 5
Антоний прп. печерский 104
Антонов А. В. 155
Арапша, «царевич» 15
Аргамаков А. Г. 187
Аргамаковы 187
Аргамаковы Спашские 187
Артемьев А. Р. 200
Афнасий Высоцкий, епископ 80
Афанасий, преп. игумен 78, 220

Ахмат, хан 60, 158
Ахтозя, царевич 225
Бабич В. И., князь 149

Базилевич К. В. 185, 191, 196,
Баранов К. В. 147,155,176
Баранович М. 171,175
Барбашев А. 121, 130, 131, 191, 192, 195,
Бассалыго Л. А. 199, 200, 201
Баумгартен Н. А. 40, 123, 150, 177
Бахрушин С. В. 168
Бектинеев Ш. 131
Белевские, кк. 181
Белоцерковский Г. М. 6
Бельский И. Ф., к. 150
Бердибек, хан 28
Березин М. 189
Бобров А. Г. 79
Борзаковский В. С. 124
Борис Александрович, в.к. тверской 132, 191, 193
Борис Васильевич, к. волоцкий 141
Борис Константинович, к. нижегородский 52, 96
Борисов Н. С. 95, 99, 213, 221
Буганов В. И. 50
Булатов И., десятильник 58
Булгаков М.И., к. 178
Булгак Дементьев М., воевода 180
Булгаков С. В. 97, 104, 107
Булычев А. А. 8, 80

Вагнер Г. К. 55
Валуев Д. 50
Вальденберг В. Е. 73
Василий, епископ 99, 134
Василий II Васильевич Темный, в.к. московский 24, 28, 35, 44, 58, 96, 97, 108, 114, 131, 132, 133, 135, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 155, 156, 157, 158, 162, 164, 175, 182, 197, 207, 225
Василий I Дмитриевич, в.к. московский 31, 67, 80, 88, 101, 112, 113, 114, 119, 120, 121, 123, 124, 128, 129, 130, 132, 142, 143, 176, 177, 178, 192, 193, 202, 217
Василий Дмитриевич Кирдяпа, к. нижегородский 52, 101, 123

Василий Иванович, в.к. рязанский 140, 148, 153, 164, 167, 194
Василий Иванович Шемячич, к. новгород- северский 180, 181
Василий III Иванович, в.к. московский 7, 22, 62, 63, 151, 153, 154, 180, 181, 206, 208, 210, 211
Василий Михайлович, к. новосильско-одоевский 191
Василий Юрьевич Косой, к. галицкий 58, 149
Василиса (Васса) Федоровна, кн. рязанская 121, 143
Вейнберг Л. Б. 148
Вельяминов Т. В., окольничий 13
Вердеревские, дворяне 22, 23, 34
Вердеревский Г. Г. 23
Веселовский С. Б. 62, 127, 166
Вздорнов Г. В. 83, 106, 214, 218
Висковатый И. М., дьяк 90
Витовт Кестутьевич, в.к. литовский 114, 118, 119, 120, 121, 123, 128, 129, 130, 131, 143, 145, 177, 185, 186, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 217
Владимир Андреевич, к. серпуховской и боровский 9, 34, 36, 39, 46, 58, 66, 67, 68, 70, 76, 79, 86, 91, 103, 115, 120, 121, 123, 125,137, 143, 177, 200
Владимир Всеволодович Мономах, в.к. киевский 126, 127
Владимир Ярославич – Дмитриевич, к. пронский 14, 134,
Власьев Г. А. 149
Воздвиженский Т. 99, 118, 134, 166, 184
Волков И. В. 33
Волконская Е. Г. 187, 189, 208
Волконские, кк. 187, 189, 208
Волконский Д. В., к., воевода 208
Волконский И.-П. В., к., воевода 208
Волконский-Верига П. В., к. 208
Волконский Ф. Ф., к. 208
Воронов И. И. 166, 172, 174, 175
Воротынский И. М., к., воевода 181, 208

Гамаюнов А. И. 23
Гедеминовичи 202
Гедеонов М. 170
Генне – см. Хенне
Герберштейн С. 7
Глеб Святославич, к. смоленский 130
Голубинский Е. Е. 74, 107, 218

Голубовский П. В. 120
Голышенко В. С. 217
Гончаров Е. Ю. 188
Гоняный М. И. 156
Горбунов К. В. 160
Горский А. А. 16, 20, 42, 51, 53, 68, 69, 122, 124, 125, 127, 128, 136, 137, 139, 147, 157, 165, 177, 195, 197, 216, 225, 227
Граля И. 90
Греков Б. Д. 28
Греков И. Б. 10, 12, 38, 48, 51, 227
Григорий, архим. 92, 217
Григорьев А. П. 29, 30
Григорьев В., воевода 208
Григорьев В. П. 29
Гриценко В. П. 8, 21, 183, 209
Гусева Э. К. 108

Даль В. И. 92, 145
Даниил Владимирович, к. пронский 13, 14, 15
Даниил Александрович, к. московский 5
Даниил Борисович, к. нижегородский 61
Даниил Романович, к. галицкий 82
Дебольский В. Н. 12, 21, 22, 139, 170, 171, 200
Девлет Гирей, хан 49
Демьянов В. Я. 63
Дионисий, епископ 64, 88
Джанибек, хан 29, 30, 31, 85
Дмитрий Иванович, в. к. московский 5, 9, 10, 12, 13, 14, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 27, 30, 31, 32, 34, 36, 37, 39, 41, 42, 43, 44, 47, 48, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 73, 74, 76, 77, 79, 81, 82, 83, 84, 86, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 98, 101, 103, 110, 111, 112, 115, 116, 118, 127, 129, 132, 136, 137, 142, 144, 152, 155, 176, 184, 195, 204, 211, 215, 216, 221, 222, 223, 225, 226, 227, 228
Дмитрий Иванович, к. углицкий 181
Дмитрий Иванович Внук, к. московский 151
Дмитрий Константинович, в.к. суздальский и нижегородский 51, 66, 124, 126, 127
Дмитрий – Корибут Ольгердович, к. 40, 118
Дмитрий Юрьевич Шемяка, к. галицкий 44, 58, 61, 96, 97, 108
Дробленкова Н. Ф. 83, 88, 214
Друцкие, кнн. 150

Друцкий Д. В., к. 40, 150
Друцкий- Баба И. С., к. 149
Дунаев Б. И. 87
Дурной Ч. В., воевода 180

Евдокия Дмитриевна, в.кн. московская 41, 51, 81
Евсей, поп 80
Евфимий Чудовский 152
Евфросинья Гедиминовна, в. кн. рязанская 40
Егоров В. Л. 6, 17, 26, 27, 29, 56, 73, 134, 185, 204
Едигей, эмир 31, 37, 132, 217
Екатерина II, императрица 88
Елена Ивановна, кн. московская 150
Елена Стефановна Волошанка, кн. московская 151
Елена Ольгердовна, кн. серпуховская 39
Епифаний Премудрый, агиограф 72, 76, 214
Еремей Гречин, епископ 118
Еремей Константинович, к. тверской 44
Ермаков В. 174, 175

Загоровский В. П. 136, 137, 140, 156, 158, 159, 164, 167, 171, 176, 191, 211
Загряжский В., посол
Заидов О. Н. 183
Зайцев А. К. 58
Зайцев В. В. 188
Зеленокоренной А. М. 73
Зимин А. А. 28, 114, 138, 141, 149, 150, 157, 181, 187, 191, 207, 209
Зиновий, игумен 96

Иван, печатник 82
Иван, поп, печатник 82
Иван Александрович, к. рязанский 126
Иван Андреевич, к. можайский 44, 108
Иван III Васильевич, в.к. московский 23, 28, 38, 44, 82, 86, 130, 134, 137, 138, 139, 140, 141, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 157, 158, 159, 163, 164, 175, 178, 179, 180, 181, 182, 189, 208
Иван Васильевич. в.к. рязанский 125, 134, 135, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154, 155, 163, 167, 168, 179, 180, 181
Иван IV Васильевич Грозный, ц. 6, 47, 90, 91, 139, 183, 187
Иван Владимирович, в.к. пронский 190, 194, 195, 196, 197

Иван Владимирович, к. серпуховской 46, 103, 107, 120, 121, 143
Иван Данилович Калита, в.к. московский 5, 16, 17, 19, 132, 155, 166
Иван Иванович, в.к. московский 16, 17, 20, 24, 39, 204
Иван Иванович, в.к. рязанский 5, 44, 151, 154, 208
Иван Иванович Коротопол, к. рязанский 126
Иван Иванович Молодой, к. 82
Иван Иванович Нелюб, к. пронский 146, 194
Иван Михайлович, в.к. тверской 124, 129
Иван Радьславич, боярин 127
Иван Салахмир (Мирославич), боярин 22, 23, 34
Иван Титович, к. козельский 177
Иван Федорович, в.к. рязанский 114, 131, 140, 143, 144, 157, 186, 189, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 203, 209
Иван Юрьевич, к. новосильско-одоевский 191
Иванов Д. И. 191, 192, 193
Иванов Н. В. 186, 191, 203
Измайлов М. И., воевода 180
Иловайский Д. И. 6, 11, 15, 18, 20, 38, 42, 43, 44, 48, 51, 55, 56, 66, 101, 111, 118, 139, 142, 146, 147, 167, 168, 169, 170, 171, 185, 190, 191, 203
Илья, келарь 221, 222
Иов, прп. анзерский 104,
Иона, митрополит 96, 155
Исакий (Андроников, Андрейков) 215, 216, 217, 218, 219, 220, 222, 227
Исакий Молчальник, инок 218, 219
Исаченко- Лисовая Т. А. 152
Итькара, посол 30

Кадлубовский А. 128
Казимир IV Ягеллон, король польский, в.к. литовский 144, 153, 191
Карамзин Н. М. 204
Калачев Н. В. 159, 171
Калинский И. П. 60
Каменцева Е. И. 226
Карамзин Н. М. 26, 29
Карамышев С., воевода 61
Каштанов С. М. 17, 138, 166, 173
Кейстут Гедиминович, в.к. литовский 39, 41

Кеппен П. И. 171
Кирилл преп. новоезерский 104
Киприан, митрополит 75, 78, 79, 82, 83, 89, 118, 221, 222, 226
Кирей Кривой, холоп 130
Кирилл II, митрополит 82
Кистерев С. Н. 130
Климент, папа римский, св. 105
Клосс Б. М. 72, 75, 76, 79, 90, 93, 95, 97, 100, 103, 104, 105, 106, 107, 214, 218, 219
Клюг Э. 53
Ключевский В. О. 75
Клянин Р. В. 188
Кобрин В. Б. 187
Козюба В. 91, 122
Комарович Л. В. 117, 125, 126
Конинские, кк. 187
Константин Васильевич. к. ростовский 95
Константин Дмитриевич, к. углицкий 24
Корогодина М. В. 78, 100
Косточкин В. В. 205, 210
Костюхина Л. М. 217
Котошихин Г. К. 98
Коцебу А. 198
Кривошеев Ю. В. 111
Кром М. М. 177
Кудряшов В. Н. 33, 64, 117
Кузьмин А. В. 8, 13, 149, 194, 195, 208, 226
Кузьмин А. Г. 11, 13, 14, 15, 26, 48, 67, 115, 120, 123, 126, 151, 155, 172, 173
Кулпа, хан 28
Курбский С. Ф., воевода 207
КучкинВ. А. 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 22, 24, 26, 27, 30, 31, 32, 34, 38, 39, 40, 42, 43, 46, 48, 52, 53, 54, 55, 57, 64, 65, 66, 73, 74, 75, 78, 79, 82, 83, 87, 93, 94, 95, 98, 105, 107, 111, 112, 116, 127, 132, 137, 142, 143, 148, 151, 152, 176, 195, 199, 200, 220, 222, 223, 224, 226, 227

Лаврентьев А. В. 7,35, 43, 82, 146, 169, 172
Лаптенков В. В. 21, 136, 137, 139, 159, 165
Лаушкин А. В. 105
Леонид, архим. (Кавелин) 80, 88, 93

Леонид, прп. устьнедумский 104
Литвина А. Ф. 126, 150
Лифшиц А. Л. 214, 215, 216, 217, 219
Лихачев Д. С. 82
Лихачев Н. П. 23, 155, 208
Ловмяньский Х. 196
Лопарев Хр. 95
Лурье Я. С. 76
Любавский М. К. 118, 191, 203
Ляликов Ф. 175

Мазуров А. Б. 16, 17, 26, 46, 55, 56, 57, 58, 63, 64, 66, 69, 79, 81, 91, 200
Максим. митрополит 104
Максим Грек 87
Мамат Хожа, царевич 16
Мамай, темник 10, 15, 30, 39, 42, 43, 46, 72, 73, 74, 85, 86, 88, 92, 94, 215, 216, 222, 223, 224
Маржерет Ж. 50
Мария Кейстутовна, в.к. тверская 191
Мария Ярославна, в.к. московская 149
Марфа, инока – см. Мария Ярославна
Матвей Данилович, боярин 203
Махмуд, хан 197
Маштаков П. Л. 21, 170, 174, 175
Мейендорф И. прот. 84
Менгли Гирей, хан 86, 154, 159, 180, 181
Меркурий. св. мч. смоленский 104
Милонов Н. П. 206
Мисюрь 130
Митрошенкова Л. В. 16
Митяй (Михаил), архимандрит 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 92, 93, 94, 117
Михаил, епископ смоленский 116
Михаил Александрович, в.к. тверской 44, 51, 53, 54, 124, 129
Михаил Александрович, наместник 63, 64
Михаил Андреевич, к. полоцкий 66
Михаил Федорович, царь 169
Михей, инок 104, 105, 107
Мокшей, киличей 226
Монгайт А. Л. 202

Морозов Б. Н. 23
Мустафа, царевич 144, 157

Назаров В. Д. 142, 195, 197
Назарьев Я., воевода 180
Насонов А. Н. 6, 23, 26, 27, 28, 29, 187, 202
Наумов А. Н. 8, 21, 33,
Никандров А. Ю. 16, 46, 66, 69, 79, 91, 200
Никольская Т. Н. 187
Никон Радонежский, преп. игумен 91
Нил, патриарх 83, 84
Новиков Н. И. 25
Новруз, хан 28, 30
Нур Доулат, хан 154

Оболенский Г. И., кн., воевода 58
Одоевские, кнн. 154
Одоевский В. С., к., воевода 181, 208
Одоевский И. С., к. 181
Олег Иванович, в.к. рязанский 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 30, 31, 33, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 71, 94, 95, 97, 98, 100, 101, 102, 110, 111, 112, 113, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 131, 133, 136, 137, 142, 143, 152, 172, 176, 177, 184, 186, 195, 204, 211, 221, 222, 223, 224, 227, 228
Олег Ингваревич, к. рязанский 126
Олег Святославич, к. черниговский 126, 127
Ольгерд Гедиминович, в.к. литовский 14, 39, 40, 118, 195
Онфим, инок 217
Орешников А. В. 29, 130, 131, 187, 188

Павлов А. П. 177
Пафнутий, прп. боровский 128
Пахомий Серб, агиограф 72, 103
Пашуто В. Т. 11
Петр, архимандрит 80
Петр Дмитриевич, к. московский 97, 98, 103
Пимен, митрополит 64, 65, 68, 83, 84, 86, 87, 104, 116, 117, 172
Писарев И. С. 62
Писарев Н. 87

Пискарев А. И. 154
Платонов С. Ф. 161
Плигузов А. И. 30
Плугин В. А. 72, 95
Полев И. А. 59
Порфирий 170
Почекаев Р. Ю. 204
Пресняков А. Е. 10, 14, 15, 18, 25, 26, 27, 31, 42, 55, 56, 100, 115, 119, 120, 121, 122, 126, 179, 228
Приселков М. Д. 86
Прозоровский Д. И. 89, 227
Протасий, епископ 203
Протасьева Т. Н. 217
Прохоров Г. М. 25, 75, 78, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 117, 214

Ратьслав, протопоп 127
Родослав Ольгович, к. рязанский 101, 122, 123, 124, 125, 127, 128, 129, 130, 133, 156
Рождественский Н. П. 93
Рождественский С. В. 156
Роман Михайлович, к. брянский 122
Роман Ольгович, к. рязанский 28, 126
Роман Семенович, к. новосильский 66, 67
Романов А. Н., боярин 169
Романов В. Н., боярин 169
Романов И. Н., боярин 169, 170
Ростовский А. В., к., воевода 207
Рудаков В. Н. 11
Русдорф П. магистр 192
Рыбаков Б. А. 5
Рюриковичи 13, 202

Савва, игумен 91, 217
Салмина М. А. 47, 48
Салый, посол 160
Сарайка, посол 225
Свидригайло Ольгердович, в.к. литовский 186, 192, 197, 198, 200, 203, 225
Севастьян, игумен 80, 81, 89, 90, 91
Селезнев Ю. В. 28, 48, 49, 70, 101, 113, 115, 120, 123, 128, 129, 152, 217, 224

Семен Дмитриевич, к. нижегородский 52
Семен Иванович, в.к. московский 5, 19, 24, 39, 204
Семен Иванович, к. калужский 181
Семен-Лугвень Ольгердович, к. литовский 119, 128
Семенов П. П. 170, 175, 186
Семячко С. А. 79
Серафим, прп. саровский 105
Сербина К. Н. 49, 54, 159
Сергий (Спасский), архим. 99, 217
Сергий Радонежский, преп. игумен 46, 55, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 79, 80, 81, 83, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 107, 108, 110, 214, 220, 221, 226, 227, 228
Сигизмунд IV 203
Симеон, епископ 149
Симоновский – см. Федор Симоновский
Симсон П. 49
Скабалланович М. 108
Сметанина С. И. 22, 160, 187, 197, 208
Смирнов С. И. 77, 78, 80, 90, 98, 100
Смолицкая Г. П. 23, 139
Соловьев А. В. 127
Соловьев С. М. 15, 25, 55, 129, 136, 201
Софья Витовтовна, в. кн. московская 28, 114, 121, 151
Софья Дмитриевна, в. кн. рязанская 101, 111, 142, 143
Софья Фоминична, в.кн. московская 151
Спашские (Спажские), кк. 187
Срезневский И. И. 137, 214, 215, 218, 219, 220, 226
Стародубский С. И., к. 181
Сташевский Е. Д. 169, 170
Стефан Махрищский, преп. игумен 220
Стефан Пермский, св. 220
Столярова Л. В. 51, 213, 214, 218, 220
Строев П. М. 99
Сыроечковский В. Е. 33, 64, 117, 176

Тагай 14
Тайдула, ханша 21, 27, 28, 30, 31, 85
Татищев В. Н. 16, 28, 57, 146, 147
Темир Кутлуй, хан 119
Темушев В. Н. 17, 57, 204
Тимур 173, 217

Тихомиров М. Н. 23, 33, 73, 139, 166, 176, 183, 189
Толбуга, киличей 226
Толочко П. П. 82
Толстой М. В. 89
Тохтамыш, хан 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 61, 66, 67, 101, 102, 106, 119, 123, 124, 127, 184, 185, 190, 215, 216, 217, 218, 220, 223, 225, 226
Тропин Н. А. 21, 136, 137, 139, 159, 165, 167, 172, 178, 180, 200
Трубецкие, кк. 181
Тупиков Н. М. 127
Турилов А. А. 8, 103
Тутыхин – Сумбул И. Ф., воевода 208
Тутыхин С., воевода 180
Тюляк, хан 85, 86

Узбек, хан 28
Успенский Б. А. 100
Успенский Ф. Б. 126, 150
Ушатый Ю. В., к., воевода 208

Федор Андреевич Свибло, боярин 62
Федор Васильевич Третный, к. рязанский 125, 147, 148, 154, 160, 163, 167, 168, 170, 179, 180, 203
Федор Иванович, к. елецкий 177
Федор Иванович, к. пронский 146, 194, 195
Федор Михайлович, к. новосильско-одоевский 191
Федор Ольгович, в.к. рязанский 67, 101, 111, 112, 113, 114, 121, 123, 124, 125, 131, 132, 142, 177,194
Федор Симоновский, преп. игумен 79, 83, 84, 88, 89, 102, 215, 219, 220, 221, 222, 224, 226, 227
Феогност, митрополит 29, 127
Феодосий преп. печерский 104
Фетищев С. А. 177
Фехнер М. В. 33, 64, 176
Филарет, патриарх 169
Филимон, архимандрит 80
Филофей, патриарх 58
Флоря Б. Н. 14, 39, 41, 144, 145
Фома, инок 61
Фомин Н. К. 182, 206, 210
Фотий, митрополит 77, 78, 80, 96, 97

Фролов В. П. 68
Фролов С. В. 214

Хенне – шут 192, 194
Хорошкевич А. Л. 17, 30, 38, 46, 57, 66, 134, 143, 145, 158, 193
Хрептович В., посол 203
Хрипунов Ф., воевода 206

Цыбин В. М. 172

Черепнин Л. В. 12, 25, 26, 40, 42, 111, 113, 114, 121, 130, 137, 138, 140, 144, 147, 157, 190, 195
Чернецов А. В. 167
Черменский П. И. 169, 170
Чернов С. З. 106

Шабульдо Ф. М. 28, 40, 202, 204
Шадибек, хан 111, 217
Шахматов А. А. 66
Шебанин Г. А. 26, 165, 171, 185, 186, 190, 191, 192, 198, 203
Шеков А. В. 8, 26, 67, 185, 189, 192, 198
Шенников А. А. 28, 29
Шихмат (Ши Ахмат, Шиг Ахмед), хан 159, 180, 181
Шляков Н. В. 220, 221, 222, 224

Щепкина Е. Н. 6
Щепкина М. В. 217
Щербатов М. М. 26, 204, 224

Экземплярский А. В. 42, 70, 101, 123, 124, 126, 168, 194, 196
Эскин Ю. М. 8

Юзефович Л. А. 95
Юрганов А. Л. 141
Юрий Васильевич, к. дмитровский 151
Юрий Данилович, в.к. московский 90
Юрий Дмитриевич, к. звенигородский и галицкий 35, 96, 121, 142, 143, 145, 149
Юрий Иванович, к. дмитровский 181
Юрий Святославич, к. смоленский 120, 121, 122, 142, 152
Юркин И. Н. 8

Юрьманга, толмач 153
Юшков А. И. 22, 62, 63, 153, 154, 155, 210

Ягайло (Владислав) Ольгердович, в.к. литовский, король польский 38, 39, 40, 41, 118, 221, 223, 225
Якубовский А. Ю. 28
Янин В. Л. 69, 70, 116, 199, 200, 201
Ярослав – Афанасий Владимирович, к. малоярославецкий 125

Вароні́н В. 40
Петрунь Ф. 154. 187, 190, 198, 199
Cherniavsky M. 90
Croskey R. M. 86
Halperin Ch. J. 28
Kuczyński S. M. 118, 120, 185, 190, 199
Prochaska A. 128, 185, 191, 192, 193, 194
Wolff J. 40, 118

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава 1
Московско-рязанский договор 1381 г.
и Куликовская битва 9

Глава 2
Последняя московско-рязанская война.
От Тохтамыша до Коломны. 1382–1385 47

Глава 3
Дипломатическая миссия преп. Сергия Радонежского
и «мир вечныи». 1385–1386 72

Глава 4
Восстановление и конец рязанской самостоятельности.
1385–1402 110

Глава 5
Московско-рязанские отношения до первой четверти
XVI вв., земли Куликова поля и Окско-Донского региона 134

Глава 6
Оборонительные рубежи Окско-Донского региона.
От «Романцева с уездом» до «града на Туле».
Последняя четверть XV – первая четверть XVI вв. 163

Приложение
Об одном полузабытом известии
из жизни Троицкого монастыря
времени Куликовской битвы 213

Список сокращений 229

Именной указатель 230

Научное издание

Александр Владимирович Лаврентьев

ПОСЛЕ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Очерки истории Окско-Донского региона
в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв.

Серия: Исторические исследования

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *А. Ю. Никулин*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *М. Г. Кузнецова*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 16. Тираж 1000

Издательство «Квадрига»
123001, Москва, ул. Большая Садовая, дом 2/46
Тел.: (499) 766-74-57. E-mail: kvadriga.izdat@mail.ru

ISBN 978-5-91791-073-4

9 785917 910734

Типография МБА